К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“. МОСКВА.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

Полное собраніе сочиненій. 15 томовъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	Исповѣдь глупца. Ром. 3-е изд.	1.—
2	Адъ. Романъ. Съ предисловіемъ В. М. Фриче. 2-ое изданіе. . .	1.—
3	На шхерахъ. Романъ. 2-е изд.	1.—
4	Утопій въ дѣйствительности. Новеллы. 2-е изданіе. . . .	1.—
5	Красная комната. Очерки изъ жизни художник. и писателей.	1.25
6	Чандала. Романъ.	1.—
7	Готическія комн. Ром. 2-е изд.	1.—
8	Сынъ служанки. Ром. 2-е изд.	1.50
9	Историческія драмы	1.25
10	Трагикомедія брака. 2-е изд. .	1.25
11	Романтичный пономарь. . . . Разрывъ. Повѣсти.	1.—
12	1) Легенды 2) Графиня Юлія.	1.—
13	Ратвитіе одной души. Романъ. . Мастеръ Улофъ. Драма. . . .	1.25
14	Пляска смерти Одиночество . Самумъ. Отецъ	1.25
15	Черныя знамена. Романъ . . .	1.25

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Переводъ произведеній Стриндберга, несомненно, обогатитъ русскихъ читателей знакомствомъ съ яркимъ и своеобразнымъ талантомъ. Стриндбергъ всегда силенъ и оригиналенъ“. *„Совр. Міръ“.*

ДЖОРЖЪ МЕРЕДИТЪ.

Собраніе сочиненій.

ТОМА		ЦѢНА
1	Эгоистъ. Романъ ч. I	1.25
2	Эгоистъ. Романъ ч. II	1.25

„Головное творчество Мередита и своеобразность его психологическаго метода обезпечиваютъ ему первенствующее мѣсто въ современной англійской беллетристикѣ“.

Зин. Венгерова.

ГУСТАФЪ афъ-ГЕЙЕРСТАМЪ.

Полное собраніе сочиненій. 13 томовъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	Комедія брака. Романъ 3-е изд. Съ вост. ст. Ю. А. Веселовскаго.	1.—
2	Роковыя силы. Романъ	1.25
3	Голова медузы. Романъ. . . .	1.—
4	1) Вѣчная загадка. 2) Маленькій Свенъ. Два ром.	1.25
5	Власть женщины. Ром. 2-е изд.	1.—
6	Трагедія одной жизни. Романъ.	1.—
7	Мать и сынъ. Романъ	1.—
8	Въ туманѣ жизни. Романъ. 9, 10, 11, 12 и 12, (готов. къ печ.).	1.—

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Это одинъ изъ самыхъ яркихъ, проницательн и чуткихъ беллетристовъ-психологовъ современ шведской литературы. *Юрій Веселовскій*

ЖОРЖЪ ЭКОУТЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ. Переводъ съ французскаго, разр. автор.

ТОМА		ЦѢНА
1	Изъ міра „Бывш. людей“. Ром.	1.—
2	Жажда любви. Романъ	1.—
3	Защитникъ бездомныхъ. Романъ.	1.25
4	Замокъ Эскаль-Вигоръ. Романъ.	1.—

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Жоржа Экоута я охотно назвалъ бы бельгійскимъ Горькимъ, настолько онъ рѣзокъ и мучительно правдивъ въ своихъ разсказахъ. *Иванъ Жилькенъ.*

БЬЕРНСТЬЕРНЕ-БЬЕРНСОНЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	1) Сюнневе-Сольбаккенъ. (Пов. 2) Когда цвѣтетъ молодой виноградъ. (Комедія).	1.—
2	1) Одинъ день. 2) Волосы Авессалома. 3) Перчатка. . . .	1.—
3	Рыбачка. Романъ.	1.—
4	Единобрач. и многобрачн. Марія Шотландская. Банкротство. .	1.25
5	Новобрачн. Леонарда Арне . .	1.—

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Для русскаго образованнаго общества Бьернсонъ особенно интересенъ своими положительными типами, т.-е. какъ разъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ. Тѣмъ, чего наши даже самые выдающіеся писатели никакъ не могутъ создать, несмотря на всѣ свои старанія.

Д. Городецкій. („Р. Сл.“).

ТОМАСЪ ГАРДИ.

Собраніе сочиненій.

ТОМА		ЦѢНА
1	Настоящая женщина. Р. ч. I-я.	1.25
2	Настоящая женщина. Р. ч. II-я.	1.25

ТОМАСЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	Фіоренца. Фридеманъ. Жажда счастья	1.—
2	Новеллы	1.—
3	Семейство Будденброоновъ. . Романъ	1.25
4	Паденіе одной семьи. Романъ .	1.25

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Томасъ Маннъ, идя вслѣдъ за Фр. Ницше, является единственнымъ развившимся могучую „законченную величину“.

801-13
2477
1
21889
И 92/145

Книгоиздательство „Современныя проблемы“.

Д-ръ Н. Г. Котикъ.

Непосредственная передача мыслей.

Экспериментальное изслѣдованіе.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

Москва, 1912.

Публ. Библ. имени В. И. Ленина СССР
XII-4583
2011094065

МОСКВА,
Тип. Т. Д. „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ", Б. Никитская 9. Тел. 199-26.
1912 г.

Предисловіе къ первому изданію.

Настоящая книга представляетъ обработку матеріала двухъ моихъ изслѣдованій, изъ которыхъ одно появилось въ 1904 году подъ заглавіемъ «Чтеніе мыслей и N—лучи», а другое — въ 1907 году подъ заглавіемъ «Эманація психофизической энергіи».

Оба эти изслѣдованія, дополненныя результатами нѣкоторыхъ новыхъ наблюденій, я въ настоящей работѣ свелъ во-едино и, по мѣрѣ своихъ силъ, освѣтилъ общею руководящею идеей, которую попытался вкратцѣ изложить во вступительной главѣ.

Если бы мнѣ удалось хоть немного разсѣять то предубѣжденіе къ трактуемому вопросу, которое въ средѣ оффиціальныхъ представителей знанія почему-то считается признакомъ хорошаго научнаго тона, то я счелъ бы себя за свой трудъ вполнѣ вознагражденнымъ.

Москва, Декабрь, 1907 г.

Il s'agit de faire passer certains phénomènes mysterieux, insaisissables dans le cadre des sciences positives.

Ch. Richet.

I.

Что такое мысль и каково ея отношеніе къ мозгу?

Съ этимъ вопросомъ, составляющимъ одну изъ кардинальныхъ проблемъ бытія, неизбѣжно приходится сталкиваться каждому, кто избираетъ темой своей работы изслѣдованіе тѣхъ или иныхъ проявленій человѣческой психики. Вся исторія научно-философской мысли истекшаго столѣтія можетъ быть охарактеризована какъ стремленіе найти объясненіе тому очевидному для всѣхъ обстоятельству, что психическое и физическое — эти съ виду столь несоизмѣримыя явленія — самымъ тѣснымъ образомъ соединены между собой въ видѣ мысли и мозга.

Если мы обратимся за разъясненіемъ поставленнаго выше вопроса къ положительной наукѣ, то отвѣта не найдемъ: все, что она могла сказать по этому поводу, заключается въ положеніи, что мысль есть функція мозга — положеніи, которое лишь коротко выражаетъ всѣмъ извѣстный фактъ тѣсной зависимости процессовъ психическихъ отъ физіологической дѣятельности мозга и тѣсной связи извѣстныхъ психическихъ функцій съ опредѣленными участками мозга. Но какимъ образомъ мысль, т. е. психическое, можетъ быть функціей мозга, т. е. физическаго — этого мы не знаемъ; мало того, эта связь

психическаго съ физическимъ, которая такъ ясно и выпукло обнаруживается въ нашемъ собственномъ мозгу, представляется намъ непостижимой.

Непостижимость эта привела, въ области отвлеченнаго мышленія, къ созданію цѣлаго ряда метафизическихъ философскихъ и религіозныхъ системъ, а въ положительной наукѣ — къ признанію полнаго безсилія послѣдней разрѣшить психофизическую проблему — признанію, которое вылилось въ знаменитое „Ignorabimus" Дю-Буа-Реймона въ его рѣчи о границахъ познанія природы. Можно сказать, что „ignorabimus" было высшею мудростью и послѣднимъ словомъ по данному вопросу всей положительной науки XIX-го столѣтія и положеннаго въ ея основаніе догматически-матеріалистическаго міросозерцанія. Это послѣднее слово, произнесенное выдающимся и авторитетнымъ представителемъ положительнаго знанія XIX-го столѣтія, раскололо всемірную аудиторію на два лагеря: одни стали трубить о банкротствѣ науки и усиленно приглашать жаждущихъ истины въ лоно религіозной метафизики; а другіе... другіе стали искать выхода изъ положенія путемъ анализа тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ психофизическая проблема представляется намъ непостижимой.

И анализъ этотъ [1]) уже многое сдѣлалъ: онъ показалъ намъ, что непостижимость проблемы обусловливается, главнымъ образомъ, нашими ходячими представленіями о различной природѣ и несоизмѣримости процессовъ физическихъ и психическихъ; онъ заставилъ насъ задуматься надъ источниками этихъ представленій и разрушилъ нашу до того слѣпую вѣру въ правильность ихъ; онъ, наконецъ, поднялъ нашу упавшую было вѣру въ силу научной мысли и указалъ послѣдней болѣе широкіе горизонты. Рядомъ съ этимъ философскимъ анализомъ шла напряженная работа въ области положительной науки — работа, приведшая въ началѣ XX-го

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду школу Маха, Авенаріуса и друг.

вѣка къ весьма важнымъ открытіямъ, которыя разрушили все міросозерцаніе нашихъ учителей и, несомнѣнно, опредѣлили собою дальнѣйшее направленіе научно-философской мысли XX-го столѣтія.

И это направленіе прежде всего сказывается въ перемѣнѣ нашихъ взглядовъ на сущность матеріи и духа и связи ихъ между собою. Матерія — эта единственная реальность догматическихъ матеріалистовъ — потеряла теперь тотъ ореолъ неопровержимой «очевидности», которымъ она пользовалась въ глазахъ научныхъ работниковъ XIX-го стол.: существованіе матеріи, какъ таковой, теперь даже для положительной науки, постоянно оперирующей только съ «матеріей», представляется весьма проблематичнымъ — по крайней мѣрѣ, настолько же проблематичнымъ, насколько имъ былъ «духъ», «психическое» въ глазахъ старыхъ матеріалистовъ.

Ибо что такое теперь матерія? Казалось бы, въ познаваемомъ нами мірѣ нѣтъ ничего другого, реальность чего была бы такъ очевидна, какъ реальность осязаемой и вѣсомой матеріи; въ положительной наукѣ, какъ и въ повседневной жизни, мы такъ привыкли имѣть постоянно дѣло только съ тѣлами, матеріей, что внѣ послѣдней мы даже не можемъ себѣ представить существованіе міра. Несмотря на всю трудность и даже невозможность научно опредѣлить «матерію», послѣдняя все-таки понималась нами всегда, какъ нѣчто инертное, осязаемое, вѣсомое и противополагалась энергіи, какъ чему-то дѣятельному, неосязаемому и невѣсомому.

Съ научною натяжкой и философской вольностью подъ понятіе энергіи подводился еще нами иногда «духъ», поскольку, конечно, вліяніе его въ тѣхъ или иныхъ процессахъ признавалось нами; но матерія и сила, матерія и энергія были для насъ всегда такими же противоположными и несоизмѣримыми понятіями, какъ матерія и духъ. Дю-Буа-Реймонъ съ высоты академической кафедры провозгласилъ безсиліе человѣческаго ума пере-

кинуть мостъ, какъ отъ физическаго къ психическому, такъ и отъ матеріи къ силѣ [1]).

Такъ ли это теперь? Можемъ ли мы еще придерживаться этихъ представленій, не рискуя очутиться въ полномъ противорѣчіи съ научно установленными фактами? Повидимому, нѣтъ. Новѣйшія открытія въ области физики совершили такой колоссальный переворотъ во взглядахъ самихъ физиковъ — этихъ суровыхъ представителей точнаго знанія — на сущность матеріи, что рѣзкая грань, отдѣлявшая въ нашихъ представленіяхъ матерію отъ энергіи, почти стушевалась; согласно этимъ взглядамъ, матерія есть лишь сложная система или комплексъ силъ — въ большинствѣ случаевъ электрическихъ. «Возможно — говоритъ E. Rutherford — что матерія вообще электрическаго происхожденія и получается отъ движенія электроновъ, изъ которыхъ построены матеріальныя молекулы» [2]). «Нѣтъ никакихъ препятствій — говоритъ итальянскій физикъ A. Righi — къ допущенію, что матерія, а съ нею и совокупность всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ построены изъ агрегатовъ или системъ электроновъ. Согласно этому воззрѣнію, матеріальный атомъ есть только совокупность извѣстнаго числа положительныхъ и такого же числа отрицательныхъ электроновъ, причемъ послѣдніе всѣ или отчасти окружаютъ наподобіе спутниковъ остальную часть системы [3]).

Такимъ образомъ, матеріальный атомъ — этотъ гипотетическій элементъ матеріалистической теоріи — представляетъ собою цѣлый космосъ, въ которомъ отдѣльные электроны образуютъ сложную систему и движутся съ необыкновенной быстротой. О силахъ, которыя дѣйствуютъ внутри атома, можно получить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующихъ словъ нѣмецкаго физика Lenard'a

[1]) Употребляя въ одинаковомъ значеніи понятія „сила“ и „энергія“, я позволяю себѣ маленькую вольность, которая, впрочемъ, не мѣняетъ сути дѣла: согласно опредѣленію физиковъ энергія есть произведеніе силы на пройденный путь.

[2]) E. Rutherford. Radioactive Umwandlungen. 1907. стр. 11.

[3]) A. Righi. Современная теорія физическихъ явленій. 1907. стр. 120.

«внутри атомовъ — говоритъ онъ — дѣйствуютъ электрическія поля такой необычайной силы, какіе мы никогда не въ состояніи получить ни однимъ изъ извѣстныхъ намъ способовъ вслѣдствіе недостаточной сопротивляемости даже самыхъ лучшихъ изоляторовъ — электрическія силы, въ сравненіи съ которыми намъ должны представляться ничтожными тѣ силы, которыя дѣйствуютъ при самыхъ страшныхъ грозахъ... Послѣ этого мы должны только удивляться, что большая часть атомовъ такъ спокойно ведутъ себя около насъ и обнаруживаютъ кое-что изъ запасовъ силъ внутри себя только подъ электризующимъ вліяніемъ свѣта или при другихъ аналогичныхъ поводахъ. [1])»

Таковы взгляды выдающихся представителей современной физики на сущность матеріи — взгляды, создавшіеся не подъ вліяніемъ смѣлаго полета фантазіи, а на основаніи кропотливыхъ и точныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій въ области электричества.

Знакомство съ результатами этихъ изслѣдованій неизбѣжно приводитъ всякаго мыслящаго человѣка къ заключенію, что инертная, вѣсомая и осязаемая матерія, какъ это понятіе сложилось въ нашихъ представленіяхъ, есть не реальность, а фикція. Чтобы избѣгнуть возраженій, считаю нужнымъ оговориться, что я имѣю въ виду положительно-научное физическое доказательство фиктивности «матеріи» въ противуположность философскому, которое исходило отъ сенсуалистовъ и Канта.

Энергія — вотъ та единственная научная реальность, которая намъ дана; а все многообразіе явленій и формъ познаваемаго нами міра создано лишь изъ комплексовъ и комбинацій различныхъ формъ энергіи. Принципъ энергіи, который вырабатывается у представителей точной науки подъ вліяніемъ новѣйшихъ открытій, мало по малу вытѣсняетъ господствовавшій въ XIX столѣтіи принципъ матеріи и становится руководящимъ въ наукѣ XX-го столѣтія.

[1]) O. Lenard. Ueber Kathodenstrahlen. 1906 стр. 33.

Однако, основанное на этомъ принципѣ энергетическое міросозерцаніе не можетъ въ наше время быть послѣдовательно проведено до конца, такъ какъ мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ еще достаточнымъ запасомъ соотвѣтственнаго знанія; но и то, что мы успѣли узнать въ сравнительно короткій промежутокъ, протекшій со времени открытія радія и другихъ радіоактивныхъ веществъ, даетъ энергетической гипотезѣ право на самое серьезное вниманіе мыслящихъ работниковъ во всѣхъ областяхъ науки. Вѣдь надо признать, что больше всего трудностей для нашего — отживающаго — міропониманія представляетъ энергетическое «объясненіе» матеріи; но если физики и химики на основаніи точныхъ изслѣдованій приходятъ съ разныхъ сторонъ къ электрической теоріи матеріи, то приложеніе энергетическаго принципа къ объясненію всѣхъ остальныхъ явленій познаваемаго міра не можетъ уже представлять особыхъ затрудненій.

Однако, чтобы усвоить себѣ энергетическій принципъ, въ наше время необходимо каждому научному работнику, въ какой бы области знанія онъ ни работалъ, основательно познакомиться съ новѣйшими изслѣдованіями въ области электричества, ибо «въ изученіи электричества — справедливо замѣчаетъ англійскій физикъ Oliver Lodge во введеніи къ своей работѣ объ электронахъ — лежитъ ключъ къ выясненію внутренняго смысла всѣхъ явленій, съ которыми жизнь человѣка такъ тѣсно связана». «Здѣсь — говоритъ онъ — лежитъ рѣшеніе проблемъ, которыя больше столѣтія приковываютъ къ себѣ вниманіе и пытливость философовъ, физиковъ и химиковъ; причемъ, дѣло касается косвеннымъ образомъ гораздо болѣе важныхъ и фундаментальныхъ вопросовъ, чѣмъ вопросъ объ электричествѣ: мы можемъ надѣяться получить неожиданные отвѣты на вопросы, которые стояли передъ нами въ теченіе всей исторіи цивилизаціи». [1]).

Въ послѣднихъ словахъ физика Lodge, повидимому,

[1]) Oliver Lodge. Elektronen. Deutsch. Uebers. 1907.

скрывается указаніе на возможность рѣшенія при свѣтѣ новыхъ данныхъ также и психофизической промблемы, которая больше всякой другой занимала умы людей въ теченіе всей исторіи цивилизаціи. Надо однако признать, что возможность эта наступитъ лишь тогда, когда мы окончательно освободимся отъ гипноза внушенныхъ и привитыхъ намъ идей о совершенно особой природѣ психическихъ процессовъ и когда перестанемъ разсматривать психическое и физическое, какъ два ряда независимыхъ другъ отъ друга причинностей. Для этого же необходимо прежде всего проникнуться энергетическимъ міросозерцаніемъ и научиться подходить къ фактамъ безъ готовыхъ рѣшеній.

Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ всѣмъ извѣстный разсказъ о томъ, что Ньютонъ открылъ всемірный законъ тяготѣнія, исходя изъ обыденнаго факта паденія яблока на землю. Надо думать, что, когда этотъ великій человѣкъ, глядя на падающее съ дерева яблоко, впервые высказалъ предположеніе о связи наблюдаемаго явленія съ всемірнымъ тяготѣніемъ, то тогдашніе филистеры науки подняли его на смѣхъ: какая тутъ можетъ быть связь? да и куда яблоку падать — не летѣть же ему на небо? Гг. филистеры не могли, конечно, понять, что произвольное паденіе яблока на землю также «чудесно», какъ и полетъ его на небо; въ обоихъ случаяхъ необходимо признать вліяніе какой-либо силы, толкающей или влекущей яблоко.

Въ настоящее время мы знаемъ, что яблоко падаетъ потому, что земля его притягиваетъ къ себѣ. Но мы, послѣ Фарадэя, уже не довольствуемся этимъ знаніемъ и спрашиваемъ себя: почему земля притягиваетъ, и возможно ли какое-либо дѣйствіе силы на разстояніе безъ посредства промежуточныхъ агентовъ — силъ? Всѣ успѣхи современной физики основываются на открытіи и изученіи этихъ промежуточныхъ агентовъ, необходимость которыхъ признавалась еще Ньютономъ и постулируется простою логикой, неизвращенной и незатуманенной привычными представленіями. Если бы мы научились такъ

же просто, по-ньютоновски, подходить къ обычнымъ явленіямъ психофизическаго порядка, то многое до сихъ поръ темное, вѣроятно, скоро стало бы для насъ простымъ и яснымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ самое обычное явленіе — произвольныя движенія. Я *хочу поднять руку* и... *она подымается*. Что это означаетъ? Для каждаго, кто желаетъ видѣть въ явленіи только то, что въ немъ есть, можетъ быть только одинъ отвѣтъ: *мысль-воля вызываетъ механическую работу* — поднятіе руки. Какъ ни вертѣть этотъ фактъ, смыслъ его не можетъ измѣниться: мысль вызываетъ механическую работу.

Однако, продолжительное господство дуалистическихъ представленій всегда заставляло людей искать другихъ «объясненій» и всячески извращать простой и ясный смыслъ приведеннаго примѣра. Намъ говорили и говорятъ, что толчекъ къ мышечному движенію данъ не мыслію, а пришедшимъ изъ внѣшняго міра возбужденіемъ (впечатлѣніемъ), которое черезъ посредство нервно-мозгового аппарата передалось мышцамъ руки.

Но для каждаго наблюдателя, подходящаго къ фактамъ безъ готовыхъ «объясненій», должно быть ясно, что, каково бы ни было происхожденіе мысли, безъ нея *въ данномъ случаѣ* рука не поднялась бы и, слѣдовательно, работа не была бы произведена; какъ бы ни было ничтожно участіе въ данномъ случаѣ элемента психическаго, оно тѣмъ не менѣе несомнѣнно: мысль, хотя бы въ качествѣ обязательнаго посредника между пришедшимъ извнѣ возбужденіемъ и нервно-мышечнымъ аппаратомъ, послала все-таки импульсъ въ мышцу и вызвала ея сокращеніе, т. е. мысль вызвала механическую работу.

Параллелисты возражаютъ еще, что импульсъ въ мышцу посылаетъ не мысль, а мозгъ, и что мысль возникаетъ въ мозгу *рядомъ* съ импульсомъ, идущимъ въ мышцу — мысль здѣсь лишь сопутствуетъ физіологическому процессу, но не обусловливаетъ его. Однако, гг. параллелисты, причисляющіе себя нерѣдко къ адептамъ

позитивной науки, не хотятъ видѣть, что въ данномъ случаѣ они совершенно не опираются на факты и выдаютъ свои, основанныя на дуалистическихъ представленіяхъ, гипотезы за факты: вѣдь, никто еще не доказалъ, что при *волевыхъ* актахъ импульсъ въ мышцу посылаетъ мозгъ *независимо* отъ мысли.

Наоборотъ, многія данныя экспериментальной психологіи заставляютъ насъ предполагать участіе мысли (т. е. психическихъ процессовъ) въ такъ наз. безсознательныхъ и даже рефлекторныхъ актахъ; а такой основательный и осторожный психологъ, какъ **Джемсъ,** принимаетъ даже за «основной фактъ» своей науки то положеніе, что «не только извѣстныя душевныя состоянія, какъ напр., волненіе, но всѣ вообще психическія явленія, какъ таковыя, даже *чисто мыслительные процессы* и чувствованія, по вызываемымъ ими результатамъ, суть *двигатели*» [1]).

Итакъ, оставляя въ сторонѣ всякія гипотезы, мы должны брать фактъ такъ, какъ онъ намъ непосредственно является, и сказать: разъ мысль вызываетъ механическую работу, разъ мысль есть двигатель, то она должна представлять собою форму энергіи, которая вполнѣ аналогична цѣлому ряду другихъ формъ міровой энергіи, способныхъ также вызывать механическую работу и быть двигателями; иными словами — *мысль есть одна изъ многихъ формъ единой міровой энергіи*.

Каковы свойства этой формы энергіи? Помимо только-что указаннаго общаго многимъ другимъ энергіямъ свойства быть двигателями, намъ пока точно извѣстно еще одно отличительное ея свойство — именно, способность *являться намъ въ видѣ представленій*; поэтому мы называемъ ее *психической энергіей*. При такомъ взглядѣ на сущность мысли у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній проводить рѣзкую грань между психической энергіей и всѣми другими извѣстными намъ чисто-физическими формами энергіи; наоборотъ, мы должны

[1]) *У. Джемсъ.* Психологія. Русск. перев. 1905. стр. 4.

включить ее въ эту группу энергій, надѣливъ лишь однимъ отличительнымъ свойствомъ — психическимъ... Если мы это сдѣлаемъ, то связь психическаго съ физическимъ, мысли съ мозгомъ предстанетъ передъ нами въ энергетическомъ освѣщеніи и перестанетъ казаться такой непостижимой.

Въ самомъ дѣлѣ, пока старые матеріалисты учили, что вѣсомая и осязаемая матерія есть единственная реальность и что мысль получается отъ молекулярныхъ движеній въ мозгу, Дю-Буа-Реймонъ былъ правъ, говоря, что «невозможно придумать такое расположеніе или такое движеніе матеріальныхъ частицъ, которое позволило бы перекинуть мостъ въ царство сознанія». Но если сами матеріальныя частицы, молекулы, атомы представляютъ собою, согласно новѣйшимъ даннымъ, не что иное, какъ поля силъ и комбинацію различныхъ формъ энергіи, и если мысль, согласно изложеннымъ выше соображеніямъ, есть лишь особая форма единой міровой энергіи, то возникновеніе мыслей въ мозгу можетъ быть легко объяснено переходомъ одной формы энергіи — чисто-физической въ другую форму — психическую или, вѣрнѣе, психофизическую, ибо, какъ это мы выше видѣли, послѣдняя обладаетъ также и чисто-физическимъ свойствомъ вызывать механическую работу.

При этомъ можно представлять себѣ образованіе психической энергіи слѣдующимъ образомъ: всѣ внѣшнія явленія суть процессы между энергіями; изъ этихъ «внѣшнихъ» энергій организмъ выбираетъ только тѣ, къ которымъ онъ приспособленъ посредствомъ своихъ внѣшнихъ органовъ чувствъ; въ послѣднихъ происходитъ превращеніе, переработка внѣшней чисто-физической энергіи въ нервную (или нервнофизическую), которая, устремляясь по нервнымъ проводникамъ къ мозгу, испытываетъ въ гангліозныхъ клѣткахъ центральнаго органа новое превращеніе, переходя въ энергію психическую. Съ появленіемъ психической энергіи кончается процессъ усложненія — по крайней мѣрѣ, насколько это до сихъ поръ намъ извѣстно — и эта энергія либо дѣйствуетъ,

какъ таковая, являясь намъ въ видѣ сознанія, мыслей, [1]) либо превращается черезъ промежуточную стадію нервной энергіи въ механическую работу движенія. «Мы признаемъ — говоритъ Оствальдъ — что энергія, связанная съ сознаніемъ, есть наивысшій и самый рѣдкій видъ энергіи изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ; она образуется только въ особенно развитыхъ органахъ и даже мозгъ различныхъ людей выказываетъ чрезвычайное различіе въ количествѣ и дѣятельности этой энергіи» [2]).

Такимъ образомъ, психическую энергію мы разсматриваемъ, какъ самую сложную и совершенную форму единой міровой энергіи, являющуюся намъ въ видѣ мыслей, представленій и способную превращаться въ другія, болѣе простыя чисто-физическія формы. Однако, такой взглядъ на сущность психической энергіи обязываетъ принять также и вытекающіе изъ него выводы. Именно, если психическая (или психофизическая) энергія есть лишь одна изъ формъ общей міровой энергіи, то она должна подчиняться также общеміровому закону сохраненія энергіи. Въ состояніи ли психическая энергія удовлетворить этому требованію? Большинство современныхъ натуралистовъ, принадлежащихъ, впрочемъ, своимъ духовнымъ обликомъ истекшему столѣтію, даютъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ нѣкоторыя психическія явленія какъ будто противорѣчатъ закону сохраненія энергіи. Возьмемъ, напр., актъ мышленія, не сопровождающагося никакими внѣшними проявленіями — ни двигательными, ни словесными. Когда мы о чемъ-либо молча размышляемъ, мы производимъ извѣстную умственную работу; на послѣднюю тратится иногда значительное количество нервной энергіи, которая превращается въ психическую; трата нервной энергіи выражается

[1]) Почему психическая энергія является намъ въ видѣ мыслей — это мы знать не можемъ, какъ не знаемъ и того, почему, напр., энергія тренія является намъ въ видѣ тепла и электричества. Вопросы эти входятъ въ область теоріи познанія, которой мы въ настоящей чисто-экспериментальной работѣ не касаемся.

[2]) Оствальдъ. Философія природы. 1903 г. стр. 284.

въ увеличеніи (и усиленномъ выдѣленіи) продуктовъ распада нервно-мозговой ткани и сказывается въ наступающемъ общемъ чувствѣ умственнаго утомленія; наконецъ, наличность психической энергіи констатируется въ сознательныхъ мысленныхъ процессахъ. Между тѣмъ, если бы мы пожелали прослѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ или превращеніемъ развившейся психической энергіи, то мы этого сдѣлать не въ состояніи — потокъ энергіи какъ будто здѣсь останавливается, и вся сумма психической энергіи исчезаетъ почти безъ остатка [1]). Не выраженная словесно и не проявленная въ актахъ мысль какъ будто совершенно противорѣчитъ закону сохраненія энергіи и служитъ для дуалистовъ лучшимъ аргументомъ въ пользу ученія объ особой природѣ процессовъ психическихъ и несоизмѣримости ихъ съ процессами физическими.

Защитники энергетическаго міросозерцанія полагаютъ, что весь секретъ заключается въ томъ, что психическая энергія въ указанномъ выше случаѣ, вѣроятно, превращается въ теплоту и идетъ на нагрѣваніе тѣла; однако, это лишь предположеніе, которое почти невозможно доказать и которое поэтому не можетъ служить подтвержденіемъ гипотезы психической энергіи [1]). И мы думаемъ, что прибѣгать къ такого рода предположенію нѣтъ никакой ни нужды, ни пользы.

Дѣло въ томъ, что законъ сохраненія не требуетъ, конечно, чтобы каждая энергія сохранялась въ присущемъ ей видѣ, а говоритъ лишь о сохраненіи совокупной суммы энергій, и потому Оствальдъ вполнѣ правъ, когда называетъ заблужденіемъ то утвержденіе, «будто духовная энергія должна непремѣнно сохраниться, какъ таковая»; однако, нужно признать, что только въ послѣднемъ случаѣ и можно было бы неопровержимо доказать какъ самое существованіе психической энергіи,

1) Нѣкоторая доля, вѣроятно, отлагается въ гангліозныхъ клѣткахъ въ видѣ потенціальной энергіи.

1) Такъ какъ мы въ опытахъ съ человѣкомъ не можемъ элиминировать другихъ внутреннихъ источниковъ нагрѣванія, то мы никогда и не можемъ установить точно, обусловленъ-ли подъемъ температуры тѣла превращеніемъ психической энергіи или какой-либо другой.

такъ и подчиненіе ея міровому закону сохраненія. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда не удается прослѣдить дальнѣйшій ходъ психической энергіи (какъ, напр., при молчаливомъ мышленіи), должно еще оставаться мѣсто предположенію, что психическая энергія выдѣляется изъ организма какъ таковая и разсѣивается въ окружающей средѣ.

Возможно ли это съ технической стороны, т. е. не препятствуетъ ли этому анатомическое строеніе центральнаго нервнаго органа, въ которомъ протекаютъ всѣ психическіе процессы? Насколько мы до сихъ поръ знакомы съ анатоміей и физіологіей мозга, надо сказать, что строеніе послѣдняго не только не можетъ препятствовать излученію накопившейся въ немъ энергіи, но даже должно способствовать этому. Вѣдь, намъ извѣстно, что всѣ высшіе психическіе процессы протекаютъ въ сѣромъ веществѣ, которое скоплено въ огромномъ количествѣ въ мозговой корѣ; въ послѣдней, слѣдовательно, собрана почти вся сумма психической энергіи, которую вырабатываетъ данный индивидъ; чтобы сохранить эту высшую и, слѣдовательно, самую концентрированную форму міровой энергіи отъ потери черезъ излученіе, ее необходимо было бы спрятать въ самую глубь человѣческаго тѣла и окружить хорошими изоляторами-оболочками.

А что мы видимъ въ дѣйствительности?

Мозговая кора, какъ указываетъ уже само названіе, расположена на самой поверхности тѣла и совершенно лишена специфическихъ изоляторовъ, какими являются міэлиновыя оболочки нервныхъ проводниковъ; что касается мягкой и твердой оболочекъ мозга, то онѣ какъ по своему качеству, такъ и по величинѣ совершенно не могутъ считаться подходящими изоляторами въ сравненіи съ огромнымъ скопленіемъ сѣраго вещества; а костяная коробка (черепъ) имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ защиту мозга отъ механическихъ инсультовъ. Такимъ образомъ, расположеніе въ тѣлѣ и все внѣшнее строеніе органа, въ которомъ протекаютъ наиболѣе интенсивные психическіе процессы, наводятъ на мысль,

что природа въ данномъ случаѣ позаботилась не препятствовать излученію психической энергіи въ окружающее пространство.

Если это такъ, то, чтобы доказать подчиненіе психической энергіи закону сохраненія, намъ остается только прослѣдить выдѣленіе во внѣшній міръ названной энергіи, т. е. открыть ея присутствіе за предѣлами того мозга, въ которомъ она возникла.

Но какъ сдѣлать это?

Единственный извѣстный намъ аппаратъ, въ которомъ психическая энергія можетъ проявиться въ обычной для насъ формѣ, т. е. мысляхъ — ибо только въ этомъ случаѣ она и можетъ быть нами узнана, какъ психическая — есть человѣческій мозгъ; слѣдовательно, психическая энергія можетъ быть нами открыта за предѣлами того мозга, въ которомъ она возникла, лишь въ томъ случаѣ, когда она, выдѣлившись изъ одного мозга, попадетъ въ другой и проявится тамъ въ такихъ же мысляхъ-представленіяхъ, какія свидѣтельствовали намъ о ея присутствіи въ первомъ мозгу; короче говоря, законъ сохраненія психической энергіи требуетъ возможности непосредственной передачи мыслей отъ одного субъекта къ другому.

Вотъ — тотъ результатъ, къ которому неизбѣжно прійдетъ всякій, кто, проводя энергетическое міровоззрѣніе, желаетъ быть послѣдовательнымъ и не находитъ нужнымъ отступать передъ выводами, какими бы невозможными они на первый взглядъ ни казались.

Непосредственная передача мыслей есть теоретическій постулатъ энергетической гипотезы въ примѣненіи ея къ психической энергіи. Намъ остается теперь сдѣлать послѣдній шагъ и доказать, что этотъ теоретическій постулатъ фактически осуществляется, т. е., что передача мыслей имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Этой задачѣ и посвящено настоящее изслѣдованіе, которое будетъ вестись мною только на языкѣ фактовъ, т. е. на томъ языкѣ, который въ подобныхъ вопросахъ является единственно краснорѣчивымъ и для всѣхъ убѣдительнымъ.

II.

Начнемъ съ ближайшей исторіи вопроса. —

— Въ 1874 году необразованный американецъ Броунъ выступилъ въ Нью-Іоркѣ съ загадочными опытами, которые быстро овладѣли вниманіемъ всего американскаго общества; опыты эти заключались въ такъ наз. отгадываніи мыслей. Приложивъ руку агента (загадывателя) къ своему лбу, Броунъ съ завязанными глазами продѣлывалъ все то, что задумывалъ агентъ: отыскивалъ спрятанную вещь, передавалъ ее по назначенію и проч. Для объясненія этого явленія пускались въ ходъ разнаго рода гипотезы, которыя ведутъ свое начало еще отъ Парацельса; одни допускали, что мысль человѣческая можетъ дѣйствовать на разстояніи путемъ лучеиспусканія; другіе — что существуетъ особое магнетическое вліяніе одного мозга на другой; третьи — что мысль, возникающая въ головѣ одного человѣка, можетъ индуцировать такую же мысль въ головѣ другого и т. д.

Противъ такого рода толкованій выступилъ тогда американскій невропатологъ Бирдъ, который доказывалъ, что чтеніе мыслей основано на улавливаніи чтецомъ безсознательныхъ мышечныхъ движеній агента. Когда послѣдній задумываетъ что-либо и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на задуманныхъ представленіяхъ, то онъ, по мнѣнію Бирда, невольно и безсознательно совершаетъ такія мышечныя движенія, которыя сводятся къ выполненію задуманнаго; вотъ эти-то безсознательныя, едва уловимыя, мышечныя движенія улавливаетъ чтецъ мыслей (перципіентъ), благодаря своей повышенной кожно-мышечной чувствительности; такимъ образомъ, все дѣло сводится, по мнѣнію Бирда, не къ чтенію мыслей, а къ чтенію мышечныхъ движеній

Впрочемъ, теорія Бирда не была особенной новостью: еще въ 1833 году E.Chevreul[1]) поставилъ рядъ опытовъ, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ заключенію, что «мысль объ опредѣленномъ движеніи въ состояніи двигать нашими мышцами, хотя мы сами при этомъ можемъ не желать и не сознавать этого движенія». Такую же точку зрѣнія развилъ въ 1853 году Араго передъ Парижской Академіей Наукъ и Фарадей въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ. Оригинальность теоріи Бирда заключалась лишь въ томъ, что онъ допускалъ возможность безсознательнаго воспріятія однимъ лицомъ мышечныхъ движеній другого лица и строилъ на этомъ объясненіе всѣхъ случаевъ передачи мыслей.

Несмотря на всю простоту и, такъ сказать, естественно-научную понятность такого рода объясненія столь загадочнаго явленія, ученое факультетское собраніе въ Нью-Іоркѣ большинствомъ голосовъ отвергло объясненіе Бирда. Спустя 7 лѣтъ послѣ того, т. е. въ 1881 году въ Англіи появился новый чтецъ мыслей — знаменитый Бишопъ, который въ своемъ искусствѣ далеко превосходилъ Броуна. По иниціативѣ ученаго Карпентера для изслѣдованія этого вопроса была назначена комиссія, въ составъ которой вошли 4 профессора и наслѣдный принцъ. Комиссія эта пришла къ тому же заключенію, которое раньше было высказано Бирдомъ, т. е., что чтеніе мыслей сводится, собственно, къ чтенію мышечныхъ движеній. На этомъ объясненіи ученый міръ Англіи и успокоился.

Но въ обществѣ интересъ, возбужденный опытами Бишопа, оказался настолько великъ, что въ 1882 году въ Лондонѣ основалось спеціальное «Общество для изслѣдованія психическихъ явленій», которое поставило себѣ задачей собирать достовѣрные факты, говорящіе въ пользу передачи мыслей на разстояніи; полученные результаты были опубликованы въ 1887 году тремя англійскими авторами въ обширномъ двухъ-томномъ трудѣ подъ заглавіемъ: „Phantasms of the living“ [1]).

[1]) E. Chevreul: Lettre à M. Ampère sur une certaine classe de mouvements musculaires. Rev. de Deux Mondes, 1 Mai 1833.—Цитир. по Grasset. L'occultisme.

Авторы эти — Герней, Майерсъ и Подморъ — впервые пустили въ оборотъ терминъ «телепатія», которую они раздѣляли на экспериментальную и самопроизвольную; подъ первой они разумѣли то, что мы называемъ передачей мыслей и что Richet назвалъ мысленнымъ внушеніемъ; второй видъ телепатіи — самопроизвольной — обнимаетъ всѣ тѣ случаи, когда люди чувствуютъ и видятъ то, что происходитъ далеко отъ нихъ и о чемъ они даже не подозрѣваютъ. Главною цѣлью упомянутыхъ авторовъ было доказать существованіе второй формы телепатіи. Такъ какъ насъ здѣсь интересуетъ, главнымъ образомъ, первая форма, то мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что эти авторы, принявъ во вниманіе возможность всѣхъ психическихъ аномалій, сдѣлавъ тщательную выборку фактовъ и вычисливъ количество допускаемыхъ по теоріи вѣроятностей случайныхъ совпаденій, пришли къ заключенію, что телепатія возможна.

Когда Бишопъ въ ноябрѣ 1884 года появился въ Петербургѣ, то ученый міръ Россіи, будучи уже знакомъ съ заключеніями Бирда и Лондонской комиссіи, отнесся къ опытамъ Бишопа весьма сдержанно и ограничился лишь повтореніемъ разсужденій Бирда. Проф. Сикорскій въ спеціальной работѣ [2]) представилъ тѣ психо-физіологическія данныя, которыми выясняется участіе безсознательныхъ мышечныхъ движеній въ механизмѣ чтенія мыслей. Вслѣдъ за нимъ и нѣмецкій профессоръ Preyer высказалъ тѣ же соображенія въ своей брошюрѣ: „Die Erklärung des Gedankenlesen“.

Такъ какъ публика, несмотря на весь авторитетъ науки, не могла удовлетвориться ея объясненіями и склонялась къ раньше высказаннымъ гипотезамъ, то проф. Тархановъ нашелъ нужнымъ выступить въ 1886

[1]) Gurney, Myers and Podmore: Phantasms of the living. London. 1887.

[2]) Сикорскій. О чтеніи мыслей. Врачъ. 1884 № 51 и 52.

году съ рядомъ публичныхъ лекцій, въ которыхъ онъ задался цѣлью доказать своимъ слушателямъ, что чтеніе мыслей основано на «невольномъ самообманѣ». [1]). Въ этихъ лекціяхъ Тархановъ ко всему тому, что было высказано и сдѣлано его предшественниками, прибавилъ лишь то новое, что конструировалъ цѣлый рядъ остроумныхъ приборовъ, при помощи которыхъ ему удавалось записывать на закопченомъ барабанѣ малѣйшее идео-моторное (по выраженію Карпентера) движеніе агента.

Производя въ присутствіи слушателей опыты со своими приборами, Тархановъ доказывалъ, что, когда изслѣдуемый субъектъ упорно думаетъ о какомъ-либо движеніи — напримѣръ: вправо, влѣво, вверхъ или внизъ, — то приборъ всегда записываетъ на барабанѣ соотвѣтственныя безсознательныя идео-моторныя движенія изслѣдуемаго. «Представьте себѣ теперь — говоритъ Тархановъ — что на мѣстѣ этого аппарата находится живой человѣкъ, отлично чувствующій малѣйшее надавливаніе, толчки, тяги, сообразно съ направленіемъ, въ которомъ лежитъ задуманная вещь, и вамъ сразу освѣтится то значеніе, которое могутъ имѣть эти безсознательные толчки въ дѣлѣ опредѣленія чтецомъ мѣста, на которомъ находится задуманная вещь». (стр. 80).

Теорія эта, объясняя болѣе или менѣе удовлетворительно отгадываніе задуманныхъ движеній, не въ состояніи, однако, объяснить отгадываніе задуманныхъ словъ; но Тархановъ на это и не претендуетъ, ибо онъ отрицаетъ возможность отгадыванія словъ: «ни единой отвлеченной — говоритъ онъ — хотя бы самой простѣйшей мысли, въ родѣ задумыванія, напримѣръ, того, что $2\times2=4$, или что солнце грѣетъ и т. д., чтецы мыслей не въ состояніи никогда угадать». Точно также теорія эта не въ состояніи объяснить явленія чтенія мыслей на разстояніи, гдѣ никакихъ кожно-мышечныхъ ощущеній уже быть не можетъ. Оставаясь вѣрнымъ ей, Тархановъ и эти случаи

[1]) Тархановъ. Гипнотизмъ и чтеніе мыслей. Спб. 1886.

отрицаетъ: «обставьте — говоритъ онъ — опыты чтенія на разстояніи такъ, чтобы чтецъ не могъ пользоваться своимъ зрѣніемъ и слухомъ, то ручаюсь, что во всемъ мірѣ не найдется ни одного чтеца, который бы рѣшился при этомъ угадать хотя бы самую простѣйшую мысль».

Такъ какъ чтеніе отвлеченныхъ мыслей на разстояніи при соблюденіи тѣхъ условій, которыя требуетъ Тархановъ, въ дѣйствительности, какъ это читатель увидитъ ниже, возможно, то, слѣдовательно, теорія безсознательныхъ мышечныхъ движеній въ примѣненіи къ чтенію мыслей не выдерживаетъ критики, ибо, не будучи въ состояніи объяснить всю совокупность наблюдаемыхъ явленій, она не удовлетворяетъ основному требованію, которое предъявляется ко всякой научной гипотезѣ.

Касаясь гипотезъ о существованіи лучистой энергіи мозга, Тархановъ называетъ ихъ «фантазіями, не имѣющими подъ собой никакой серьезной научной почвы». Тѣмъ не менѣе гипотезы эти нашли себѣ авторитетную поддержку въ лицѣ французскаго физіолога Ch. Richet, тщательно обставленные опыты котораго надъ передачей мыслей или мысленнымъ внушеніемъ (suggestion mentale) обратили на себя серьезное вниманіе всѣхъ ученыхъ. Этотъ авторъ продѣлалъ большое количество опытовъ и затѣмъ вычислилъ, что удачныхъ опытовъ было гораздо больше, чѣмъ слѣдовало ожидать по теоріи вѣроятностей, если объяснять удачные отвѣты только случайнымъ совпаденіемъ. Конечно, выводы, полученные на основаніи вычисленій по теоріи вѣроятностей, не могутъ быть особенно убѣдительны — тѣмъ не менѣе они для насъ интересны въ виду высокаго научнаго авторитета автора. «Весьма вѣроятно — говоритъ Richet — что мысль проектируется внѣ мозга, но намъ совершенно неизвѣстенъ образъ дѣйствія этой умственной силы... Между многими вліяніями на насъ въ окружающей средѣ мы теперь должны помѣстить незамѣтное вліяніе мысли другихъ людей на наши собственныя. Иногда это воздѣйствіе ничтожно, почти всегда самые результаты его

незамѣтны, но все же оно существуетъ и измѣняетъ такъ или иначе ходъ нашихъ идей» [1]).

Впрочемъ, прійдя къ этимъ заключеніямъ, Richet не считаетъ все-таки фактъ мысленнаго внушенія научно доказаннымъ; такъ, спустя 3 года, въ предисловіи къ извѣстной работѣ Ochorowicz'a [2]) о мысленномъ внушеніи, Richet пишетъ слѣдующее: «нельзя сказать, что я разсматриваю мысленное внушеніе, какъ уже окончательно доказанное. Конечно, нѣтъ... Хотя Охоровичъ и до него другіе собрали много доказательствъ, послѣднія все-таки не приводятъ еще къ полному и рѣшительному убѣжденію, а лишь къ колебанію».

Здѣсь кстати упомянуть еще объ опытахъ, которые были произведены въ 1886 — 1888 годахъ сначала P. Janet'омъ въ Гаврѣ и затѣмъ Ch. Richet въ Парижѣ надъ Леони В., чтобы убѣдиться въ возможности гипнотизировать людей на значительномъ разстояніи. Richet произвелъ 35 опытовъ и изъ нихъ удачныхъ оказалось 16, т. е. 16 разъ Леони В. засыпала, повинуясь внушеніямъ гипнотизера, который находился отъ нея на разстояніи отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ версты; при этомъ названный ученый предпринималъ всевозможныя предосторожности, чтобы избѣгнуть какого-либо обмана; даже часъ, въ который онъ долженъ былъ усыплять Леони, онъ выбиралъ по жребію. Изъ 25 подобныхъ же опытовъ, произведенныхъ P. Janet, удачныхъ оказалось 19.

Послѣ того отдѣльные изслѣдователи не оставляютъ попытокъ разрѣшить вопросъ о передачѣ мыслей и положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ. Такъ, въ серединѣ 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія датскіе экспериментаторы Ганзенъ и Леманъ занялись изслѣдованіемъ телепатіи. Исходя изъ того соображенія, что передача мыслей, если только она существуетъ, должна совершаться посредствомъ движенія какой-то весьма утон-

[1]) Ch. Richet. La suggestion mentale et le calcul des probabilités. Rev. philos. 1884. № 12.

[2]) Ochorowicz. De la suggestion mentale. 1887.

ченной субстанціи, обладающей способностью отражаться отъ металлическихъ поверхностей, изслѣдователи эти поступили слѣдующимъ образомъ. Установивъ два сферическихъ вогнутыхъ зеркала, обращенныхъ другъ къ другу своими вогнутыми сторонами, на нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другого, экспериментаторы располагались такъ, что ихъ головы находились въ фокусахъ этихъ зеркалъ.

Такимъ образомъ они произвели около 1000 опытовъ, но результаты ихъ показались Леману неблагопріятными. Леманъ утверждаетъ, что онъ часто слышалъ непроизвольный шопотъ лица, задумавшаго какое-либо слово; поэтому онъ объясняетъ случаи передачи мыслей непроизвольнымъ шептаніемъ. Но главнымъ доказательствомъ въ пользу такого вывода послужило ему изслѣдованіе ошибокъ отгадывающаго: большинство послѣднихъ такого рода, что онѣ производятъ впечатлѣніе, будто перципіентъ (отгадывающій) не отчетливо слышалъ рѣчь задумавшаго. Наблюденія Лемана вполнѣ правильны, но выводы его нѣсколько поспѣшны; ибо эти же наблюденія, въ связи съ наблюденіями другихъ авторовъ и моими собственными, должны, какъ это читатель увидитъ ниже, быть истолкованы совсѣмъ иначе.

Какъ бы тамъ ни было, а вопросъ о возможности чтенія мыслей на разстояніи остался открытымъ и, не выходя изъ сферы курьезовъ, совсѣмъ игнорировался оффиціальной наукой. Только этимъ можно объяснить то обстоятельство, что въ свое время совершенно не обратили вниманіе на сообщеніе д-ра Н. Краинскаго [1]) о 3-хъ случаяхъ чтенія мыслей на разстояніи, которые онъ наблюдалъ во время своей командировки въ 1900 году на эпидемію кликушества въ Новогородской губерніи.

А между тѣмъ случаи эти были весьма интересны и убѣдительны.

Д-ръ Краинскій, производя свои наблюденія надъ кликушами, находившимися въ состояніи сомнамбулиз-

[1]) Н. Краинскій. Порча, кликуши и бѣсноватые. Новгородъ. 1900.

ма, открылъ у 3-хъ изъ нихъ способность читать его мысли. Опыты его въ этомъ направленіи такъ убѣдительны, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь точное описаніе ихъ. Авторъ производилъ 3 серіи опытовъ. Въ 1-й серіи онъ заставлялъ спящую кликушу совершать задуманное дѣйствіе, держа ее за руку; во 2-ой серіи онъ достигалъ тѣхъ же результатовъ, не прикасаясь къ кликушѣ и находясь отъ нея на нѣкоторомъ разстояніи; и, наконецъ, въ 3-ей серіи онъ, находясь на растояніи отъ кликуши, заставлялъ называть спрятанный предметъ и сообщать, гдѣ онъ спрятанъ, не совершая, однако, какихъ-либо движеній. Вотъ какъ описываетъ К р а и н с к і й свои опыты надъ кликушей Анной Григорьевой 25 лѣтъ, замужней.

«При первомъ рядѣ опытовъ я садился противъ спящей глубокимъ сномъ кликуши и внушалъ ей, говоря, что она видитъ, несмотря на закрытыя вѣки, предметъ, который я держу въ полѣ ея зрѣнія, и что она беретъ его своей рукой. Въ началѣ я при этомъ держалъ въ своей рукѣ ея руку, какъ это дѣлается при обычныхъ опытахъ съ чтеніемъ мыслей, и сильно сосредоточивалъ свое вниманіе, вызывая въ своей душѣ ясное представленіе того движенія, которое кликуша должна была выполнить, и повторялъ при этомъ внушеніе, говоря: «рука твоя движется и беретъ предметъ!» Черезъ нѣкоторое время рука кликуши очень медленно и постепенно начинала двигаться по требуемому направленію, при этомъ она какъ бы находилась въ состояніи каталептической ригидности и подвигалась толчками параллельно съ тѣмъ, какъ сосредоточиваніе моихъ мыслей усиливалось. Направленіе движущейся руки съ самаго начала было правильное, словно кликуша видѣла передъ собою искомый предметъ и пріостанавливалась, сохраняя неподвижное положеніе, когда мои мысли отвлекались. Затѣмъ кликуша выполняла предложенныя ей требованія и брала искомый предметъ.

«Съ каждымъ разомъ опытъ удавался легче и требовалъ съ моей стороны меньшаго напряженія внима-

нія. Когда я убѣдился въ томъ, что эти опыты удаются, я выводилъ этотъ предметъ изъ поля зрѣнія сомнамбулы, чтобы провѣрить, не имѣется ли здѣсь дѣло съ рѣзкой гиперэстезіей зрѣнія, при чемъ впечатлѣнія проникаютъ черезъ закрытыя вѣки. При той же постановкѣ опыта рука сомнамбулы послѣ внушенія безошибочно направлялась въ сторону и брала со стола требуемую вещь; движеніе попрежнему было медленно и напряженно, точно рука была пружинная».

Затѣмъ К р а и н с к і й повторилъ опытъ уже на разстояніи, совершенно не прикасаясь къ кликушѣ; результатъ получился прежній: кликуша выполняла требуемыя дѣйствія такъ, словно ей хорошо было извѣстно мѣстонахожденіе предмета.

«Въ первыхъ опытахъ — говоритъ далѣе авторъ — я фиксировалъ своимъ взглядомъ закрытые глаза кликуши, но позже я лишь слѣдилъ за движеніемъ ея руки. Съ дальнѣйшимъ повтореніемъ опытовъ они удавались все легче и скорѣе, хотя съ несомнѣнной ясностью выяснилось, что выполненіе ея дѣйствій стоитъ въ несомнѣнной связи съ психической дѣятельностью экспериментатора и съ степенью напряженности двигательнаго представленія, вызваннаго въ его мозгу... Въ дальнѣйшихъ опытахъ кликуша выполняла движенія все легче... При этомъ я могъ сидѣть въ сторонѣ и даже не смотрѣть на нее. Достаточно было просто сосредоточиться и вызвать въ своей психикѣ зрительное представленіе лица и мѣста, гдѣ воткнута булавка, и того движенія, которое должна выполнить кликуша».

Слѣдующая серія опытовъ была поставлена такимъ образомъ, что, не заставляя спящую сомнамбулу выполнять движенія, К р а и н с к і й спрашивалъ ее, гдѣ лежитъ данный предметъ. «Какъ только удалось добиться отъ кликуши отвѣтовъ, они были правильны. Гдѣ бы ни спрятали предметъ, совершенно внѣ поля зрѣнія кликуши, она отвѣчала правильно, гдѣ онъ, и называла лицъ, у которыхъ онъ находится. Въ этихъ опытахъ, какъ и въ предыдущихъ, необходимо было, чтобы я зналъ, т. е.

имѣлъ въ своей психикѣ то представленіе, которое я требую отъ кликуши.

«Третья группа опытовъ состояла въ томъ, что я бралъ въ кулакъ монету и, поднося ее къ закрытымъ глазамъ кликуши, требовалъ, чтобы она назвала монету. Опыты эти удавались хорошо. Она, не имѣя возможности видѣть монету, называла ее правильно. При этомъ, однако, было замѣтно, что опыты эти сильно утомляли кликушу, лицо ея принимало болѣе страдальческое выраженіе и она просыпалась. Когда сонъ становился легче передъ пробужденіемъ, кликуша начинала ошибаться, быстрѣе отвѣчала на вопросы и гадательно называла достоинство монеты. При всѣхъ опытахъ обнаруживалось, что съ ослабленіемъ сна явленія чтенія мыслей исчезали. Наблюдали мы ихъ совмѣстно съ д-ромъ Я. М. Б е л ы м ъ».

Такія же явленія наблюдалъ затѣмъ д-ръ К р а и н с к і й еще на двухъ кликушахъ: Аннѣ Ѳедоровой 50 лѣтъ и Еленѣ Ивановой 33 лѣтъ. Касаясь вопроса о томъ, какимъ образомъ возможно чтеніе мыслей, К р а и н с к і й говоритъ, что онъ представляетъ себѣ процессъ «въ формѣ индукціи психическихъ процессовъ на подобіе того, какъ электрическій токъ, проходящій во внутренней спирали, индуцируется во внѣшней».

Къ такому же приблизительно заключенію пришелъ затѣмъ прив.-доц. Я. Ж у к ъ, который произвелъ рядъ опытовъ надъ отгадываніемъ задуманныхъ рисунковъ [1]). Опыты свои Ж у к ъ производилъ такимъ образомъ: одинъ изъ участвующихъ бралъ какой-либо рисунокъ и внимательно всматривался въ него; другой, не видя этого рисунка, долженъ былъ воспроизвести его на листѣ чистой бумаги, лежащей передъ нимъ. Всего было произведено Ж у к о м ъ 169 опытовъ, и изъ нихъ удачныхъ оказалось 86 (51%), т. е. въ 86-ти случаяхъ отвѣтные рисунки болѣе или менѣе соотвѣтствовали задуманнымъ. Разбирая эти отвѣтные рисунки, которые не всегда были точны, Ж у к ъ подмѣтилъ, что отвѣты производили такое впечатлѣніе, какъ будто рисовавшій плохо и неотчетливо в и д ѣ л ъ оригиналы; само собою разумѣется, что опыты были такъ обставлены, что не могло быть подозрѣнія, будто рисовавшій успѣлъ мелькомъ взглянуть на оригиналы, которые другое лицо держало въ рукѣ.

[1]) Я. Ж у к ъ. Взаимная связь между организмами. Міръ Божій 1902 г. 6.

Чтобы провѣрить свое впечатлѣніе, Ж у к ъ продѣлалъ рядъ контрольныхъ опытовъ, которые состояли въ томъ, что онъ показывалъ другому лицу на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи различные рисунки на одно лишь мгновеніе и затѣмъ велѣлъ рисовать воспринятый образъ. Оказалось, что полученные такимъ образомъ отвѣты очень походили на отвѣты прежнихъ лицъ, которые оригинальныхъ рисунковъ вовсе не видѣли. Итакъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ же явленіемъ, которое было отмѣчено Л е м а н о м ъ въ его опытахъ надъ мысленной передачей задуманныхъ словъ, съ тою лишь разницею, что у Л е м а н а получались неотчетливые с л у х о в ы е о б р а з ы задуманныхъ с л о в ъ, а у Ж у к а неотчетливые з р и т е л ь н ы е о б р а з ы задуманныхъ р и с у н к о в ъ.

Наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ еще сравнительно недавніе опыты S i d g w i c k'a, L o m b r o s o и v. S c h r e n k-N o t z i n g'a. Первый авторъ продѣлалъ для ряда опытовъ съ загадываніемъ чиселъ: въ первомъ рядѣ, когда агентъ и перципіентъ находились въ одной и той же комнатѣ, на 644 опыта оказалось удачныхъ 131; въ другомъ же рядѣ опытовъ, когда агентъ и перципіентъ находились въ разныхъ комнатахъ, на 228 опытовъ оказалось лишь 9 удачныхъ. Въ опытахъ L o m b r o s o надъ угадываніемъ различными лицами задуманныхъ картъ или чиселъ авторъ получалъ до 44% удачныхъ отвѣтовъ въ зависимости отъ перципіента [1]). Особенно интересны лучаи, когда L o m b r o s o удавалось мысленно передавать ерципіенту задуманныя с л о в а; такъ, въ отвѣтъ на лово pitckerel, записанное профессоромъ, перципіентъ,

[1]) C. L o m b r o s o. Mon enquête sur la transmission de la pensée. nnales des sciences psych. 1904.

находившійся съ завязанными глазами и ушами на разстояніи 10 метровъ отъ перваго, написалъ слово pitche Schrenk-Notzing сообщилъ о 25 собственныхъ опытахъ съ внушеніемъ рисунковъ, изъ которыхъ 13 дали благопріятные результаты; причемъ въ 2 удачныхъ передачахъ агентъ и перципіентъ находились въ разныхъ комнатахъ.

Таковы тѣ опыты, которые мнѣ удалось собрать въ доступной мнѣ литературѣ. Казалось бы, что опытовъ этихъ, изъ которыхъ многіе были поставлены выдающимися учеными, вполнѣ достаточно, чтобы признать возможность непосредственной передачи мыслей доказаннымъ фактомъ. Однако, этого до сихъ поръ еще нѣтъ: несмотря на высокій научный авторитетъ нѣкоторыхъ экспериментаторовъ и сравнительное обиліе различныхъ наблюденій, вопросъ о возможности передачи мыслей остается въ наукѣ открытымъ. Хотя большинство вдумчивыхъ ученыхъ начинаетъ все болѣе и болѣе склоняться къ признанію этой возможности, однако она не признается еще научно доказаннымъ фактомъ.

Такъ Forel [1]) говоритъ по этому поводу слѣдующее: «сомнительны, по крайней мѣрѣ, научно необоснованы и не объяснены тѣ сверхчувственные факты, о которыхъ разсказываютъ, каковы: ясновидѣніе, телепатія, непосредственная передача мыслей и проч. Во всякомъ случаѣ, непредубѣжденная наука требуетъ старательнаго изслѣдованія этого вопроса». Нѣсколько рѣшительнѣе, хотя также осторожно, высказывается J. Grasset: «я не отрицаю — говоритъ онъ — мысленнаго внушенія, телепатіи, ясновидѣнія и проч. Я не объявляю à priori, что этихъ явленій не существуетъ и что ихъ существованіе никогда не будетъ доказано; наоборотъ, я пользуюсь каждымъ представляющимся случаемъ, чтобы найти эти доказательства. Но я заявляю, что при настоящемъ состояніи нашихъ знаній существо-

[1]) A. Forel. Der Hypnotismus.

ваніе этихъ явленій мнѣ не представляется еще доказаннымъ»... [1])

Въ другой работѣ, посвященной спеціально вопросамъ объ оккультныхъ явленіяхъ, Grasset послѣ небольшого анализа нѣкоторыхъ фактовъ говоритъ слѣдующее: «... научное доказательство мысленнаго внушенія и передачи мыслей еще не дано; но въ то же время имѣются опыты, какъ напр. Lombroso и Ch. Richet, указывающіе на то, что вопросъ не долженъ быть оставленъ и что онъ можетъ быть разрѣшенъ въ будущемъ, если въ опыты будетъ вложено много старанія, если они будутъ производиться безъ профессіональныхъ отгадчиковъ и если прежде всего будутъ организованы самые простые опыты». [2]).

Таково приблизительно общее мнѣніе по интересующему насъ вопросу осторожныхъ и вдумчивыхъ представителей науки и таково, прибавимъ, должно быть мнѣніе положительной науки. Надо, дѣйствительно, признать, что никакой фактъ не можетъ быть признанъ научно доказаннымъ или во всякомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться прочнымъ научнымъ завоеваніемъ до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся поставить его въ условія эксперимента такъ, чтобы его можно было по желанію любое число разъ повторить и тщательно контролировать. Только въ такомъ случаѣ фактъ — пока допускаемый и иногда наблюдаемый — можетъ быть изученъ со всѣхъ сторонъ и сдѣлаться прочнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ. Вотъ почему, какъ ни велика моя личная увѣренность въ возможности и существованіи фактовъ непосредственной передачи мыслей, я считаю все-таки, что эксперименты — тщательно обставленные и много разъ повторенные — являются въ настоящее время настоятельно необходимыми и въ научномъ отношеніи единственно цѣнными.

Но я не могу согласиться съ мнѣніемъ Grasset, что не слѣдуетъ экспериментировать съ профессіональными чте-

[1]) J. Grasset. Le psychisme inférieur. Paris. 1906. p. 94.
[2]) Grasset. L'occultisme. 1907. p. 369.

цами мыслей на томъ основаніи, что послѣдніе могутъ насъ легко мистифицировать. Дѣйствительно, среди профессіональныхъ чтецовъ мыслей есть много шарлатановъ, которые пускаютъ въ ходъ цѣлый рядъ разнообразныхъ престидижитаторскихъ пріемовъ, ничего общаго съ передачей мыслей не имѣющихъ. Если мы про существованіе этихъ пріемовъ ничего не будемъ знать, то можемъ легко попасться и принять за передачу мыслей ловкую передачу условленныхъ сигналовъ. Это все безусловно вѣрно. Но что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли изъ этого, что среди профессіоналовъ не могутъ быть подлинные чтецы мыслей и что ихъ слѣдуетъ совершенно избѣгать?

Нѣтъ, изъ этого слѣдуетъ только то, что съ профессіоналами надо быть очень осторожнымъ, знать всѣ ихъ пріемы и, главное, обставлять опыты безупречно со стороны ихъ научной неуязвимости. Если профессіоналъ отдаетъ себя въ наше полное распоряженіе, и мы ставимъ его въ полную невозможность пользоваться всѣми органами чувствъ для какихъ бы то ни было сигналовъ — сознательныхъ и безсознательныхъ — то какихъ же намъ надо еще гарантій его искренности? Все остальное зависитъ уже отъ насъ, отъ нашего умѣнья обставлять опыты съ научной стороны такъ тщательно, чтобы они ни въ комъ сомнѣній вызвать не могли.

Я счелъ необходимымъ дольше остановиться на этомъ вопросѣ потому, что мои первые опыты, къ изложенію которыхъ я намѣренъ сейчасъ перейти, были продѣланы надъ профессіоналомъ. И я заявляю: не избѣгать мы ихъ должны и не бояться; нѣтъ, мы должны дорожить каждымъ представляющимся намъ случаемъ для констатированія и изслѣдованія интересующихъ насъ фактовъ. Что же касается возможности мистификаціи, то отъ нея насъ гарантируетъ тщательная научная постановка опытовъ: ненаучная постановка не имѣетъ никакой цѣны, если даже объекты нашихъ экспериментовъ стоятъ по своимъ нравственнымъ качествамъ внѣ всякихъ подозрѣній; научная же постановка —

исключаетъ всякіе источники ошибокъ и обмана (хотя бы безсознательнаго), ибо это есть conditio sine qua non всякой научности.

Такимъ образомъ, весь центръ тяжести вопроса лежитъ не въ объектѣ опытовъ, а въ нашемъ искусствѣ придумать соотвѣтственную обстановку ихъ. Только тогда мы сумѣемъ добиться того, къ чему стремимся, т. е научнаго обоснованія фактовъ непосредственной передачи мыслей. Удалось ли мнѣ это сдѣлать, предоставляю судить читателю.

III.

Дѣло идетъ о 14 лѣтней дѣвочкѣ, Софьѣ Штаркеръ, которая обладаетъ способностью быть перципіентомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда агентомъ является ея отецъ. Это обстоятельство уже заставляетъ насъ быть на сторожѣ и принять всѣ мѣры къ выясненію истины. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію принятыхъ мною мѣръ, считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько данныхъ изъ анамнеза дѣвочки [1]).

Софья Штаркеръ, 14-ти лѣтъ отъ роду, происходитъ отъ здоровыхъ родителей. Свою нервно-психическую конституцію она, очевидно, унаслѣдовала со стороны женской линіи по матери. Бабушка этой дѣвочки сошла съ ума на 33 году жизни и вскорѣ послѣ того умерла; сестры этой бабушки страдали постоянно головными болями и умерли молодыми отъ случайныхъ заболѣваній. Дядя дѣвочки по матери страдалъ постоянно головными болями и умеръ на 40-мъ году жизни «отъ головной боли», по выраженію родныхъ. Другой дядя, которому теперь 35 лѣтъ, женатъ и имѣетъ нѣсколько дѣтей; онъ ипохондрикъ и его постоянно преслѣдуетъ мысль, что онъ сойдетъ съ ума. Сестра его (тетя дѣвочки) — здорова; о ней родные разсказываютъ, что она обладала прежде способностью читать мысли и выступала въ качествѣ профессіональной мантевистки; но, по выходѣ замужъ, совершенно лишилась своей способности. Мать Софьи Штаркеръ вообще здорова, но страдаетъ иногда головными болями и галлюцинаціями слуха и зрѣнія. Отецъ, повидимому, человѣкъ здоровый;

[1]) Всѣ нижеслѣдующіе опыты съ Софьей Ш. были произведены мною въ Одессѣ въ 1904 году, къ каковому времени относится и описаніе ихъ.

можно лишь отмѣтить маленькое пристрастіе его къ спиртнымъ напиткамъ, хотя алкоголикомъ его назвать нельзя: происходя изъ Бессарабіи, которая славится обиліемъ и дешевизной своего вина, онъ съ дѣтства привыкъ пить много вина [1]).

Что касается самой дѣвочки, Софьи, то она вообще здорова и для своихъ 14-ти лѣтъ физически хорошо развита. Нервно-психическая конституція ея обнаруживаетъ большую неустойчивость, какъ это, впрочемъ, бываетъ почти со всѣми анемичными субъектами съ признаками раздражительной слабости. У нея иногда наблюдаются безпричинные переходы отъ плача къ смѣху или наоборотъ. Вообще она очень послушна, покорна и почти безвольна, но иногда обнаруживаетъ такое упрямство, котораго ничѣмъ сломить нельзя. Изъ субъективныхъ жалобъ обращаютъ на себя вниманіе головныя боли, которыя обыкновенно бываютъ особенно упорны по утрамъ, и невральгическія боли въ различныхъ частяхъ тѣла. Важно также отмѣтить, что у нея, какъ и у матери, бываютъ иногда галлюцинаціи слуха и зрѣнія. Дѣвочка обладаетъ хорошимъ слухомъ и обнаруживаетъ музыкальныя способности. Если принять во вниманіе низкій умственный уровень той среды, въ которой Софья вращается, то нужно признать ее очень интеллигентной дѣвочкой.

Переходя теперь къ ея способности читать мысли, я могу сообщить объ этомъ слѣдующее. Когда Софьѣ было только 7 лѣтъ, отецъ ея, по профессіи мантевистъ, сталъ упражняться съ нею въ мантевизмѣ — т. е. завязывалъ глаза, бралъ за руку и заставлялъ отыскивать запрятанный куда-либо предметъ. При этихъ опытахъ ему вско-

[1]) Считаю нелишнимъ отмѣтить дальнѣйшую судьбу этого человѣка, который игралъ во всѣхъ нижеприводимыхъ опытахъ съ Софьей роль агента: черезъ годъ послѣ моего знакомства съ нимъ, т. е. въ 1905 г. онъ сошелъ съ ума и былъ помѣщенъ въ Одесскую психіатрическую больницу, откуда мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось получить свѣдѣній о формѣ его заболѣванія; будучи затѣмъ несвоевременно выпущенъ изъ больницы, онъ въ тотъ же день покончилъ жизнь самоубійствомъ.

рѣ бросилось въ глаза слѣдующее: когда онъ задумывалъ нахожденіе какого-либо предмета, дѣвочка называла предметъ раньше, чѣмъ она его нашла; путемъ повторныхъ опытовъ онъ убѣдился, что дѣвочка обладаетъ способностью читать его собственныя мысли. Вначалѣ дѣвочка отгадывала очень неувѣренно и часто ошибалась, но съ теченіемъ времени, благодаря постояннымъ упражненіямъ, она достигла въ этомъ отношеніи большого совершенства и, по моимъ наблюденіямъ, умѣла почти безошибочно отгадывать все то, что думаетъ ея отецъ какъ представленія двигательнаго характера, такъ и любое отвлеченное слово.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію опытовъ, поставленныхъ мною въ присутствіи товарищей-врачей, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о трудностяхъ поставить въ данномъ случаѣ опыты на научныхъ основаніяхъ, т. е. такъ, чтобы результаты ихъ не могли подлежать оспариванію. Главный неблагопріятный моментъ заключается въ томъ, что дѣвочка читала мысли только своего отца и въ весьма ничтожной степени — мои; это обстоятельство невольно вызываетъ подозрѣніе и недовѣріе наблюдателя, который и безъ того настроенъ очень скептически по отношенію къ данному явленію. Подозрѣніе это усугубляется еще тѣмъ, что отецъ по своей профессіи издавна былъ мантевистомъ, и способность дѣвочки читать мысли служила всей семьѣ источникомъ существованія. Въ силу этого обстоятельства у всякаго даже самаго безпристрастнаго зрителя невольно является подозрѣніе, что онъ здѣсь имѣетъ дѣло съ очень ловкимъ фокусомъ и что, слѣдовательно, отецъ съ дѣвочкой мистифицируютъ зрителя, выдавая свой фокусъ за чтеніе мыслей.

Признавая справедливость и умѣстность въ данномъ случаѣ такого рода подозрѣній, я счелъ нужнымъ обставить свои опыты такъ, чтобы отнять у отца съ дѣвочкой всякую возможность сообщаться между собою и подавать другъ другу какіе-либо сигналы. Для того, чтобы лишить испытуемыхъ возможности пользоваться

своимъ осязаніемъ, слухомъ и зрѣніемъ, я принялъ слѣдующія мѣры: во 1-хъ, ставилъ отца на разстояніи 5 — 10-ти шаговъ отъ дѣвочки; во 2-хъ, завязывалъ дѣвочкѣ глаза и поворачивалъ ее спиной къ отцу; въ 3-хъ, плотно выполнялъ ея наружные слуховые проходы ватой такъ, что она не слышала обыкновенной рѣчи у самаго уха. Таковы были мѣры, принятыя для того, чтобы лишить дѣвочку возможности воспринимать какіе-либо сигналы.

Съ другой стороны, чтобы лишить отца возможности подавать какіе-либо сигналы, я поступалъ слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, подъ ноги клался коверъ, который долженъ былъ заглушать малѣйшій шорохъ его; во 2-хъ, ему запрещалось во время опытовъ шевелиться, говорить, сморкаться и, вообще, издавать какіе бы то ни было звуки; въ 3-хъ, между отцемъ и дѣвочкой помѣщался кто-либо изъ присутствующихъ, чтобы слѣдить за малѣйшими нарушеніями; если таковыя замѣчались, то опытъ признавался нечистымъ. Наконецъ, чтобы снять подозрѣніе скептиковъ съ самого себя, я во многихъ опытахъ непосредственно не принималъ никакого участія, сидя въ сторонѣ и предоставляя все дѣло другимъ.

Высказывалось еще подозрѣніе, что дѣвочка здѣсь не при чемъ и что мы тутъ имѣемъ дѣло съ чревовѣщаніемъ отца: отецъ, молъ, подражая голосу дѣвочки, чревовѣщаетъ задуманныя слова. Не говоря о томъ, что такое подозрѣніе казалось абсурднымъ для каждаго, кто присутствовалъ при моихъ опытахъ и, находясь возлѣ дѣвочки, видѣлъ и слышалъ, что это говоритъ именно она, такъ я устранилъ возможность подобнаго подозрѣнія тѣмъ, что во многихъ опытахъ велѣлъ дѣвочкѣ писать отгаданное слово, прежде чѣмъ она его произносила; результаты, разумѣется, были всегда положительные.

Наконецъ, неподдѣльность даннаго случая подкрѣпляется еще тѣмъ, что дѣвочкѣ удавалось иногда отгадывать задуманныя слова и со мною безъ участія отца, хотя, къ сожалѣнію, далеко не въ такой выраженной

и убѣдительной формѣ, какъ съ послѣднимъ. Поэтому главный мой интересъ привлекали опыты передачи мыслей отъ отца къ Софьѣ, и на нихъ я сосредоточилъ свое особенное вниманіе. Опыты эти производились всегда такъ, что сначала я завязывалъ дѣвочкѣ глаза и затѣмъ, повернувъ ее спиной къ отцу, передавалъ послѣднему рядъ предметовъ и клочекъ бумаги съ рядомъ написанныхъ присутствующими словъ; дѣвочка должна была назвать по очереди предметы и прочитать написанныя слова. При этомъ опыты располагались мною въ 2 серіи: въ одной изъ нихъ дѣвочка во время отгадыванія держала отца за руку нѣсколько выше кисти; въ другой — отецъ находился позади дѣвочки на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ при соблюденіи всѣхъ тѣхъ условій, о которыхъ я говорилъ выше.

Я долженъ еще отмѣтить, что иногда во время опытовъ, особенно при опытахъ на разстояніи, дѣвочка останавливалась и не рѣшалась произносить тѣ слова или звуки, которые ей представлялись; тогда мнѣ или кому-либо изъ присутствующихъ приходилось ободрять ее и побуждать говорить; это пытался дѣлать и отецъ, но для чистоты опытовъ я заставлялъ его всегда хранить абсолютное молчаніе.

Всѣмъ своимъ опытамъ я велъ самые точные протоколы, внося въ нихъ всѣ ошибки дѣвочки въ моментъ чтенія; эти ошибки являются особенно драгоцѣнными для того, чтобы судить о механизмѣ передачи мыслей. Вотъ результаты этихъ опытовъ, которые, какъ я выше говорилъ, были поставлены мною въ присутствіи товарищей-врачей, настроенныхъ подчасъ очень скептически.

I. Сеансъ 3-го мая 1904 года. Присутствуютъ слѣдующіе врачи: А. Кнери, Н. Кеферъ, Н. Виленскій, Я. Раймистъ и студ-мед. Шерманъ.

a) Дѣвочка съ завязанными глазами держитъ своей правой рукой отца за лѣвую руку нѣсколько выше кисти. Я даю отцу въ руки рядъ предметовъ, переданныхъ мнѣ присутствующими.

Отецъ смотритъ на предметъ и думаетъ:	*Дѣвочка произноситъ вскорѣ:*
1. пэнсэ	1. пэнсэ
2. часы, показыв. 54 мин. девятаго	2. часы, металлическіе, 5 мин. 4-го т. е. 54 минуты 9-го
3. карандашъ	3. карандашъ
4. серебрян. портъ-сигаръ съ 8 папирос.	4. портъ-сигаръ, серебрян., 8-мъ папиросъ
5. зубочистка	5. зубочистка

b) Отецъ находится на разстояніи 5-ти шаговъ позади дѣвочки, подъ его ногами лежитъ коверъ; глаза у дѣвочки завязаны, а уши открыты; отецъ хранитъ полное молчаніе; присутствующіе пишутъ на бумажкѣ слова и передаютъ ихъ — каждое слово отдѣльно — отцу.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка, послѣ нѣкотораго промежутка, отвѣчаетъ:*
1. мортира	1. модзиль... моер... морзир...
2. блокъ	2. блая... блом... блокъ.

c) Къ условіямъ, обозначеннымъ въ «b» присоединяется еще новое: дѣвочкѣ плотно затыкаютъ уши ватой, такъ что на обращенные къ ней обыкновеннымъ голосомъ вопросы она совершенно не реагируетъ; присутствующіе пишутъ на бумажкѣ слова и передаютъ ихъ отцу.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. присъ	1. кирс... lор... присъ.
2. сонмъ	2. с... со... соб... собака... сон... сон... (дѣвочка остается въ нерѣшительности, какъ бы чувствуя, что чего то еще не хватаетъ).

Прим. На предложенные Софьѣ вопросы, что такое мортира и сонмъ, она заявляетъ, что не знаетъ.

d) Отецъ и дѣвочка находятся въ разныхъ комнатахъ, между ними плотно закрыта деревянная дверь; глаза и уши у дѣвочки открыты; отцу даютъ слова. — Результаты отрицательные.

По окончаніи этихъ опытовъ присутствующіе товарищи подтвердили мнѣ, что имъ не удалось, несмотря на все свое вниманіе, уловить хотя бы малѣйшій намекъ на то, чтобы отецъ подавалъ какіе-либо сигналы своей дѣвочкѣ, которая сидѣла все время спиной къ нему.

II. Сеансъ 6-го мая 1904 года. Присутствуютъ: ассистентъ нервной клиники д-ръ А. Янишевскій, ординаторъ психіатрической больницы д-ръ Я. Ландесманъ и студ. мед. Шерманъ.

a) Обстановка такая же, какъ при «a» въ предыдущемъ сеансѣ; присутствующіе пишутъ на листкѣ бумаги и передаютъ отцу слова.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. лиманъ	1. лиманъ
2. тарарабумбія	2. тарарабумбія.

b) Отецъ находится на разстояніи 5-ти шаговъ позади дѣвочки; подъ его ногами коверъ; глаза у дѣвочки завязаны и уши плотно заткнуты; отцу даютъ слова:

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. полишинель.	1. поля... пол... получен... полишию... полушинел...
2. портретъ	2. плато... поч... пер... пра... перо.

Примѣчаніе: на вопросъ, что такое полишинель, дѣвочка заявляетъ, что это, вѣроятно, полъ шинели.

c) Между отцомъ и дѣвочкой плотно закрытая дверь; глаза у дѣвочки завязаны. — Результатъ отрицательный.

d) Д-ръ Янишевскій пробуетъ самъ съ Софьей безъ участія отца: дѣвочка беретъ его за руку, и онъ думаетъ «пирожное» — Софья отвѣчаетъ пирожное. Выясняется, что отецъ, находившійся въ другомъ концѣ комнаты, также зналъ задуманное слово. Тогда Янишевскій задумываетъ слово «лампадка», которое отцу уже неизвѣстно; дѣвочка не отгадала.

Присутствующіе товарищи подтверждаютъ, что имъ

не удалось уловить ни малѣйшаго намека на какую-либо сигнализацію со стороны отца и что Софья, повидимому, лишена была возможности пользоваться своими внѣшними органами чувствъ — главнымъ образомъ, слухомъ и зрѣніемъ.

III. Сеансъ 10-го мая 1904 г. въ клиникѣ Одесскаго Университета; присутствуютъ: проф. Левашевъ и д-ра Янишевскій, Л. Усковъ, Завадскій и другъ.

a) Обстановка соотвѣтствуетъ «a» въ предыдущихъ опытахъ.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. карандашъ	1. карандашъ
2. ключъ	2. ключъ.
3. резинка	3. резинка
4. серебрян. рубль 1901 г.	4. сереб. монета 1 рубль 1901 г.
5. марка въ 3 коп.	5. марка въ 3 коп.
6. стэтометрія	6. сел... сели... стени... стениометр... стенометрія
7. эндотеліома	7. нендотелич... эндотен... эндотел...
8. добродѣтель	8. добродѣтель.

b) Обстановка соотвѣтствуетъ «b» въ предыдущемъ сеансѣ II; отцу даютъ слова на бумажкѣ.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. карандашъ.	1. кран.
2. булка	2. ук... удк... дудк... буб... булка.
3. кошелекъ	3. кош... кошелекъ
4. рѣка	4. рѣ... рѣ... рѣка
5. ненависть	5. но... ное... ноена... ноен...

c) Д-ръ Янишевскій пробуетъ самъ съ дѣвочкой, безъ отца, но ничего не удается.

Присутствующіе вновь подтверждаютъ, что при всемъ своемъ вниманіи не могли замѣтить никакого намека на сигнализацію.

IV. Сеансъ 17-го мая 1904 г. Присутствуетъ д-ръ А. Пѣвницкій.

a) При обычныхъ условіяхъ, соотвѣтствующ. «a» въ предыдущемъ опытѣ.

Публ. Библ. Ленина

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. платокъ.	1. платокъ.
2. часы 38 минутъ 10-го	2. часы 38 минутъ 10-го
3. часы 35 минутъ 11-го	2. часы 35 минутъ 11-го
4. сюртукъ	4. ту... тру... ю... сюртукъ
5. красный	5. красе... красный
6. больно	6. бол... болон... болоно
7. моторъ	7. моторъ

b) Обстановка, какъ при «b» въ сеансѣ II.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. брандеръ	1. одо...
2. караулъ	2. ка... каш... караулъ
3. лампа	3. лампа
4. солдатъ	4. человѣкъ... солдатъ.

c) Отцу велѣно внушить Софьѣ исполненіе дѣйствій, но съ тѣмъ, чтобы она заранѣе сказала, что она должна сдѣлать; Софья съ завязанными глазами держитъ отца за руку.

Отцу велѣно думать:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
полѣзть на стулъ и оттуда на столъ	полѣзть... на стулъ... потомъ... на столъ.

d) Д-ръ П. пробуетъ самъ внушить Софьѣ задуманное слово безъ участія отца; Софья держитъ его за руку. П. думаетъ слово «столъ» — дѣвочка упорно молчитъ; послѣ нѣкотораго промежутка времени, когда выясняется, что дѣвочка не можетъ отгадать, я беру П. за руку, такъ что образуется цѣпь изъ трехъ человѣкъ — меня, П. и дѣвочки; я начинаю думать то же слово «столъ», и Софья черезъ нѣкоторое время произноситъ «столъ».

e) Я образую цѣпь изъ отца, д-ра П. и Софьи такъ, что П. находится между отцомъ и дѣвочкой и держитъ ихъ за руку; при этомъ д-ру П. неизвѣстны задуманныя слова.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. монета	1. монета
2. Нагасаки	2. на... нага... Нагасаки.

По окончаніи опытовъ д-ръ П. подтверждаетъ также,

что не замѣтилъ ничего такого, что могло бы ему внушить подозрѣніе относительно фокуса.

V. Сеансъ 18 мая 1904 года въ клиникѣ Одесск. Унив.; присутствуютъ: д-ра Янишевскій, Усковъ и Зильберберга.

Софья съ завязанными глазами держитъ меня за руку: я думаю названіе предметовъ, которые вручаются мнѣ присутствующими.

Я думаю:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. спичка	1. спички
2. ножикъ	2. ножикъ
3. питки	3. . . . . (молчитъ)
4. плессиметръ (на подобіе цилиндрическаго столбика)	4. дѣвочка говоритъ, что это *инструментъ*, похожій на тотъ, которымъ стекольщики рѣжутъ стекло.
5. номеръ (имѣющій форму монеты)	5. она говоритъ, что это круглый предметъ и затѣмъ гадаетъ: запонка... монета.

Сеансъ этотъ имѣлъ своей единственною цѣлью доказать, что дѣвочка обладаетъ способностью воспринимать и мои мысли, хотя и въ очень ограниченномъ размѣрѣ; но съ принципіальной точки зрѣнія этого вполнѣ достаточно, чтобы признать эту способность въ дѣвочкѣ неподдѣльной.

VI. Сеансъ 31 мая 1904 года; присутствуютъ д-ра А. Янишевскій и А. Пѣвницкій.

a) У Софьи выполняютъ наружные слуховые проходы плотнымъ слоемъ ваты и завязываютъ глаза, покрывши ихъ предварительно также слоемъ ваты; затѣмъ пишутъ слово на клочкѣ бумаги и даютъ его отцу, сидящему на разстояніи 5-ти шаговъ сзади дѣвочки и хранящему все время абсолютное молчаніе.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. полушинель	1. по... полко... поли... получить... полоши... полушинель
2. ящикъ	2. не отгадала
3. молотокъ	3. ло... мо... молотокъ.

в) Устраивается цѣпь изъ отца, д-ра Янишевскаго

и дѣвочки; при этомъ д-ръ Я. не знаетъ задуманнаго слова.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. папироса	1. папироса
2. аккумуляторъ	2. ку... аку... аку...

в) С о ф ь я держитъ меня за руку; мнѣ даютъ въ другую руку предметъ, названіе котораго я думаю; отецъ, конечно, не знаетъ.

Я думаю:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. патронъ	1. па... па... (дальше не можетъ)
2. булавка	2. булавка
3. ножницы	3. ножик... ножницы
4. резинка	4. (молчитъ)
5. гвоздь	5. („)
6. кольцо	6. („)

Во всѣхъ изложенныхъ опытахъ присутствовавшіе товарищи-врачи признавали, что не только они не замѣтили никакой сигнализаціи, но и считали возможность таковой при моей постановкѣ опытовъ, повидимому, совершенно исключенной.

Въ слѣдующихъ опытахъ я поставилъ своей задачей выяснить, можетъ ли мысль передаваться въ другую комнату при закрытой двери. Попытки такой передачи раньше оказались (см. I и II сеансы) неудачными. Тѣмъ не менѣе я этихъ опытовъ не оставлялъ, но въ то же время, допуская по нѣкоторымъ соображеніямъ возможность передачи мыслей по проволокѣ, попытался примѣнить послѣднюю. Сдѣлалъ я это слѣдующимъ образомъ.

Мѣдная изолированная проволока, толщиною въ 1 т. м и длиною въ 6 метровъ, была пропущена черезъ замочную скважину плотно закрытой двери и концы ея были навернуты нѣсколько разъ на круглыя палочки; отецъ держалъ одинъ конецъ проволоки, плотно стискивая въ рукѣ палочку и пропустивъ между пальцами намотанную на палочку проволоку; другой конецъ проволоки держала такимъ же образомъ въ своей рукѣ С о ф ь я, находившаяся по другую сторону плотно закрытой двери;

въ общемъ, отца отъ дѣвочки, помимо двери, раздѣляло разстояніе въ 5 — 6 метровъ. Чтобы исключить возможность передачи какихъ-либо сигналовъ путемъ подергиванія проволоки, послѣдняя была неподвижно укрѣплена такимъ образомъ, что я наматывалъ ее на дверную ручку съ обѣихъ сторонъ двери и послѣдовательными потягиваніями убѣждался въ томъ, что ни проволока, ни дверь не подаются; дверь во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, была одностворчатая и закрывалась очень плотно, что не всегда бываетъ съ двустворчатыми дверями, которыя легко колеблются, даже будучи запертыми. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ проволока обертывалась еще туго вокругъ стула, который устанавливался посреди комнаты и на которомъ усаживался кто-либо изъ присутствующихъ для контроля.

Во время самаго опыта подлѣ отца оставался одинъ свидѣтель, который давалъ ему задуманное слово и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы онъ не издавалъ ни одного звука; около же С о ф ь и оставались другіе свидѣтели. Результаты этихъ опытовъ, какъ я и ожидалъ, оказались вполнѣ благопріятными.

VII. Сеансъ 5-го мая 1904 г. Мои первые опыты съ проволокой безъ свидѣтелей; приняты всѣ вышеописанныя предосторожности; я съ отцомъ нахожусь въ одной комнатѣ, а С о ф ь я по ту сторону двери — въ другой комнатѣ, откуда она и выкрикиваетъ отвѣты.

Отецъ думаетъ (одинъ мною слово):	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. Ямамато	1. ям... то... ямто...
2. Токіо.	2. то... той... тойяк... тои... токія...
3. экономія	3. окно... кн... кнут... ока.
4. корзина	4. к... кор... корсетъ.
5. папироса.	5. п... па... папироса.
6. кошелекъ.	6. к... кошелекъ.

Въ слѣдующихъ опытахъ я пользуюсь неизолированною проволокой толщиной въ 3 мм.

VIII. Сеансъ 15-го мая 1904 г. Присутствуютъ д-ра У с к о в ъ и З и л ь б е р б е р г ъ. Обстановка вышеописанная

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. мясо.	1. я... ям... амо... амос...
2. дерево.	2. е... э... ре... резинка.
3. небо.	3. н... ниб... нибо... небо.

Къ сеансу V-му 18-го мая 1904 года. Обстановка вышеописанная.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. кость.	1. к... ко... кость.
2. молнія.	2. мо... мол... моло... мони... монол... моноли... молин... молнія.

Приведенные опыты передачи мыслей по мѣдной проволокѣ настолько убѣдительны, что они могутъ послужить для скептиковъ лишнимъ доказательствомъ того, что мы въ данномъ случаѣ не имѣемъ дѣло съ обманомъ: во 1-хъ, при вышеописанной постановкѣ опытовъ совершенно исключена была возможность какой-либо сигнализаціи между испытуемыми; а во 2-хъ, введеніе въ опыты проволоки было такой неожиданностью и новостью для испытуемыхъ, что у нихъ не было времени условиться на счетъ способовъ сигнализаціи, если даже таковую и допустить.

Получивъ положительные результаты съ проволокой, я не оставлялъ своихъ попытокъ убѣдиться въ возможности передачи мыслей черезъ плотно закрытую дверь безъ всякаго контакта. И попытки мои, въ концѣ концовъ, увѣнчались успѣхомъ.

IX. Сеансъ 30-го мая 1904 г. Я съ отцомъ нахожусь въ одной комнатѣ, а дѣвочка въ смежной; дверь (деревянная) между нами плотно закрыта; помимо двери испытуемыхъ раздѣляетъ разстояніе въ 3 метра. Я даю отцу слово на бумажкѣ и велю Софьѣ громко отвѣчать изъ другой комнаты.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. ножикъ.	1. ножикъ.
2. кровать.	2. кровать.
3. Аоанасій.	3. А...аоанасій.
4. Чемульпо.	4. Чем...чемульпо.
5. Фарадей.	5. фра... фрад... фрад... фреде...

Добившись успѣшныхъ результатовъ съ передачей мыслей черезъ плотно закрытую дверь, я рѣшилъ произвести еще разъ такіе же опыты въ присутствіи кого-либо изъ товарищей для того, чтобы избѣгнуть возраженія, будто я, производя эти опыты единолично, не въ силахъ былъ слѣдить одновременно за отцомъ и дѣвочкой и поэтому опыты не могутъ быть признаны стоящими внѣ подозрѣнія.

X. Сеансъ 15 іюня 1904 г. Присутствуетъ д-ръ А. Пѣвницкій.

а) Софья находится со мной въ одной комнатѣ, а въ другой — отецъ съ П.; дверь между нами плотно закрыта. П. даетъ отцу слова на бумажкѣ.

Отецъ думаетъ:	*Дѣвочка отвѣчаетъ:*
1. карточка.	1. кр... кра... краска... кра... кра...
2. пуговица.	2. пу... пук... пуко..
3. брелокъ.	3. не отгадала.

в) Софья находится на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ отца въ той же комнатѣ. Отецъ мысленно напѣваетъ данные ему музыкальные мотивы, Софья послѣ небольшой паузы начинаетъ пѣть эти мотивы вслухъ.

Таковы результаты опытовъ, произведенныхъ мною въ 1904 г. въ присутствіи свидѣтелей врачей, изъ которыхъ большая часть были настроены очень скептически по отношенію къ возможности передачи мыслей. За 3 мѣсяца, въ теченіе которыхъ я наблюдалъ этотъ случай, мною было произведено большое число подобныхъ опытовъ, но я ограничился приведеніемъ лишь тѣхъ, которые были поставлены въ присутствіи врачей-свидѣтелей; во всякомъ случаѣ, результаты всѣхъ моихъ опытовъ были всегда одинаковы и нисколько не отличались отъ вышеприведенныхъ.

Результаты эти могутъ быть приведены къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) При прикосновеніи къ рукѣ отца Софья съ завязанными глазами очень быстро (иногда черезъ одну се-

кунду) называетъ задуманные предметы и слова; если же слово ей незнакомо — иностранное или научный терминъ — то она произноситъ его медленно, по слогамъ, часто дѣлаетъ ошибки и сама же исправляетъ себя.

2) Когда Софью садятъ на разстояніе отъ отца съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ предосторожностей, о которыхъ рѣчь была выше, то она также въ состояніи читать мысли своего отца; но въ этомъ случаѣ процессъ чтенія длится гораздо дольше, чаще встрѣчаются ошибки и даже полныя неудачи; при чемъ отмѣчается также, что обыденные предметы и знакомыя слова Софья отгадываетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ отвлеченныя и непонятныя слова.

3) Передача словъ-мыслей совершается также и въ томъ случаѣ, когда Софья и отецъ находятся въ разныхъ комнатахъ, но процесъ длится при этомъ еще дольше, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, и часто бываетъ совсѣмъ неудаченъ.

4) Установленіе въ послѣднемъ случаѣ контакта между отцомъ и Софьей посредствомъ мѣдной проволоки значительно ускоряетъ и улучшаетъ передачу мыслей отъ перваго ко второй.

5) Софья умѣетъ отгадывать и со мною, безъ всякаго участія отца, но лишь при слѣдующемъ условіи: она должна держать меня за руку, я долженъ задумывать названія только предметовъ и при этомъ глядѣть на нихъ; при соблюденіи этихъ условій Софья часто очень удачно отгадываетъ, но отгадываніе это длится дольше, чѣмъ съ отцомъ.

6) Съ другими лицами Софья отгадываетъ только въ томъ случаѣ, когда образуется цѣпь съ участіемъ отца.

Теперь перейдемъ къ рѣшенію вопроса о томъ, какъ объяснить себѣ описанныя явленія. На это можетъ быть дано три объясненія: во 1-хъ, это можетъ быть ловкій фокусъ, т. е. попросту сознательный обманъ со стороны испытуемыхъ; во 2-хъ, — это можетъ быть невольный самообманъ (теорія Бирда); наконецъ, въ 3-хъ — это можетъ быть неподдѣльное чтеніе мыслей. Надо сознать-

ся, что самой важной и въ то же время трудной задачей является въ данномъ случаѣ необходимость доказать неосновательность 1-го толкованія или, вѣрнѣе, подозрѣнія; это важно потому, что мы имѣемъ дѣло съ профессіоналистомъ, относительно котораго умѣстны всякія подозрѣнія, которыя побуждаютъ насъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы отнять у испытуемыхъ возможность совершать фокусы. Вотъ почему я главное свое вниманіе обратилъ на опыты съ передачей мыслей на разстояніи при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ предосторожностей; опыты же съ передачей мыслей при непосредственномъ контактѣ, гдѣ невозможно устранить сигнализацію между испытуемыми, демонстрировались мною лишь для доказательства того, что контактъ ускоряетъ непосредственную передачу мыслей.

Если я признаю умѣстными въ данномъ случаѣ всяческія подозрѣнія, то не слѣдуетъ, однако, идти въ своихъ подозрѣніяхъ такъ далеко, чтобы подозрѣвать даже тогда, когда нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній къ подозрѣнію, кромѣ сознанія, что передъ нами профессіоналистъ; такую именно подозрительность обнаруживали нѣкоторые товарищи-врачи, утверждавшіе, что здѣсь гдѣ-то долженъ скрываться обманъ. Они утверждали это во 1-хъ потому, что передъ ними былъ профессіоналистъ, а во 2-хъ потому, что для нихъ передача мыслей казалась непостижимымъ и невѣроятнымъ явленіемъ. Но кажущаяся невѣроятность чего бы то ни было не служитъ доказательствомъ невозможности — это уже давно по этому же поводу сказалъ Ch. Richet; что же касается профессіонализма испытуемыхъ лицъ, то въ нашей власти поставить опыты такъ, чтобы исключить всякую возможность обмана.

Мнѣ могутъ возразить, что въ моихъ опытахъ не была всецѣло устранена возможность обмана и что у присутствующихъ не могло получиться твердое убѣжденіе въ томъ, что здѣсь нѣтъ обмана. На это я скажу слѣдующее. Всѣ присутствующіе при моихъ опытахъ, будучи настроены очень скептически, слѣдили всегда

весьма зорко за испытуемыми, помѣщаясь часто съ этой цѣлью между ними; но никто никогда не могъ мнѣ указать, чтобы онъ замѣтилъ хоть малѣйшій намекъ на сигнализацію со стороны отца.

Допустимъ, однако, на минуту, что послѣдній тѣмъ не менѣе ухитрялся сигнализировать; въ такомъ случаѣ намъ придется допустить, что у испытуемыхъ для каждой буквы алфавита существуетъ особый сигналъ, ибо Софья часто отгадывала незнакомыя ей слова (наприм., «полишинель», «мортира»), читая ихъ какъ бы по складамъ. Если это такъ, то для сигнализаціи какого-либо незнакомаго слова отецъ долженъ былъ подавать не одинъ, а цѣлый рядъ сигналовъ по количеству буквъ задуманнаго слова; совершенно невѣроятно, чтобы зорко слѣдившіе за всѣмъ зрители не уловили при этомъ ни одного знака.

Наконецъ, допустимъ даже невозможное, т. е., что отецъ все-таки ухитрялся, оставаясь совершенно недвижимымъ и безмолвнымъ, подавать незамѣтно для присутствующихъ цѣлый рядъ сигналовъ своей дѣвочкѣ, сидѣвшей на разстояніи 5 — 10-ти шаговъ отъ него. Но какъ дѣвочка могла воспринять эти сигналы? Зрѣніе и осязаніе безусловно исключаются, ибо Софья находится на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ отца и сидитъ къ нему спиной съ плотно завязанными глазами. Остается лишь слухъ, который нѣсколько трудно исключить, ибо у насъ не можетъ быть полной увѣренности въ томъ, что дѣвочка не слышитъ; но въ нашихъ силахъ все-таки значительно понизить слухъ, закупоривъ наружные слуховые проходы плотнымъ слоемъ ваты, и по нѣкоторымъ признакамъ можно было судить, что Софья при этомъ условіи не слышала обыкновенныхъ звуковъ.

Признаки эти заключаются въ слѣдующемъ: когда я, стоя позади дѣвочки, у которой уши были плотно закупорены, обращался къ ней шепотомъ или обыкновеннымъ голосомъ, она сидѣла неподвижно и производила впечатлѣніе глухой; когда же я, постепенно возвышая свой голосъ, доходилъ до довольно высокой ноты, то

дѣвочка рѣзко поворачивалась всѣмъ своимъ корпусомъ на стулѣ съ вопросомъ «что?» Вотъ этотъ-то рѣзкій, порывистый поворотъ головы ко мнѣ лишь въ тотъ моментъ, когда я очень сильно возвышалъ свой голосъ, много говоритъ въ пользу неподдѣльности ея глухоты къ обыкновеннымъ звукамъ: трудно допустить, чтобы дѣвочка такъ ловко симмулировала глухоту въ то время, когда затыканіе ушей ватой было введено мною въ опыты совершенно неожиданно и явилось для испытуемыхъ совершенной новостью; не говоря уже о томъ, что весь духовный обликъ Софьи, которую я наблюдалъ ежедневно въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, совсѣмъ не говорилъ въ пользу того, чтобы она была способна обманывать и дурачить другихъ.

Можно ли въ такомъ случаѣ допустить, что дѣвочка съ такимъ образомъ закупоренными ушами воспринимала цѣлый рядъ какихъ-то звуковыхъ сигналовъ въ то время, какъ сидѣвшіе между нею и отцомъ врачи съ открытыми ушами и при напряженномъ вниманіи не въ состояніи были уловить ни единаго намека на это? Допускать это — значитъ противиться здравому разсудку и не желать видѣть фактовъ, которые кажутся такими непостижимыми и невѣроятными. Надо замѣтить, между прочимъ, что затыканіе ушей ватой должно было вліять очень неблагопріятно на результаты опытовъ: дѣвочкѣ, вообще очень нервной, процедура эта была непріятна, непривычное ощущеніе ваты въ ушахъ раздражало ее, вліяя несомнѣнно на ея душевное равновѣсіе; а это обстоятельство не могло не отражаться на успѣшности опытовъ, для которыхъ требуется полное душевное спокойствіе. И вотъ, несмотря на этотъ неблагопріятный моментъ, результаты поставленныхъ мною опытовъ все-таки были благопріятны.

Наконецъ, опыты съ передачей мыслей въ другую комнату — непосредственно и по проволокѣ — уже рѣшительно отнимаютъ всякую почву для сомнѣній въ неподдѣльности наблюдаемыхъ явленій.

Выставлялось между прочимъ еще одно возраженіе: если Софья, дѣйствительно, обладаетъ способностью читать мысли, то почему она не въ состояніи читать мы-

сли другихъ лицъ, кромѣ отца? На это я отвѣчу слѣдующее: имѣя дѣло съ явленіемъ, намъ совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ, мы не вправѣ требовать, чтобы оно совершалось при такихъ, а не иныхъ условіяхъ; тѣмъ менѣе вправѣ мы отрицать это явленіе только потому, что оно не совершается при желательныхъ для насъ условіяхъ. Я укажу лишь на то, что и въ случаяхъ д-ра Краинскаго, о которыхъ я выше сообщалъ, опыты съ чтеніемъ мыслей кликушъ удавались только Краинскому и никому другому.

На вопросъ, почему это бываетъ такъ, мы можемъ отвѣтить только гипотезами; но, повторяю, это обстоятельство не можетъ служить возраженіемъ противъ самаго факта; тѣмъ болѣе, что и мнѣ удавалось, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ опытовъ, передавать Софьѣ свои мысли, хотя лишь при прикосновеніи. Особеннаго значенія я собственнымъ опытамъ съ Софьей не придавалъ, такъ какъ они не могли мнѣ дать того богатаго матеріала для выводовъ, какъ опыты отца съ нею; опыты со мною имѣютъ лишь принципіальное значеніе въ смыслѣ доказательства неподдѣльности самого явленія.

Итакъ, въ виду всего изложеннаго, обманъ можно вполнѣ исключить; впрочемъ, я пустилъ въ ходъ еще одно средство, чтобы испытать этотъ случай. Мнѣ, къ сожалѣнію очень поздно, пришло въ голову слѣдующее: исходя изъ того, что дѣвочка воспринимаетъ, повидимому, слуховыя возбужденія, возникающія въ мозгу ея отца (см. объ этомъ ниже), я рѣшилъ, что Софья должна быть въ состояніи отгадать мелодію, которую отецъ будетъ мысленно напѣвать. Если допустить, вопреки здравому смыслу, что отецъ во всѣхъ предыдущихъ опытахъ телефонировалъ дѣвочкѣ посредствомъ особыхъ сигналовъ задуманное слово, то, вводя совершенно неожиданно для испытуемыхъ задумываніе музыкальныхъ мотивовъ, нельзя было ожидать, чтобы у испытуемыхъ существовали какіе-нибудь условные знаки для сигнализаціи этихъ мотивовъ; мотивы, разумѣется,

я выбиралъ такіе, которые не имѣютъ словъ, напр., популярные вальсы, марши, элегіи и др.

Результаты этихъ опытовъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказались вполнѣ благопріятными: Софья, находясь на разстояніи отъ отца, начинала пѣть то, что я велѣлъ отцу мысленно напѣвать; мотивъ я давалъ отцу такимъ образомъ, что сначала отсылалъ дѣвочку въ 3-ю комнату, плотно закрывалъ двери и затѣмъ чуть слышно напѣвалъ ему на ухо задуманный мною мотивъ (см. сеансъX). Мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что я слишкомъ поздно догадался испытать неподдѣльность изслѣдуемаго явленія посредствомъ внушенія музыкальныхъ мотивовъ и потому не могъ демонстрировать это товарищамъ-скептикамъ; но, думается мнѣ, и такого рода испытаніе не повліяло бы на скептицизмъ тѣхъ, которые не хотѣли вѣрить.

Итакъ, возможность сознательнаго обмана при той постановкѣ опытовъ, которая имѣла мѣсто у меня, рѣшительно исключается. Въ такомъ случаѣ, для объясненія наблюдаемыхъ явленій нужно обратиться къ другому толкованію, именно — къ теоріи невольнаго самообмана, согласно которой читаются не мысли, а безсознательныя мышечныя движенія лица, задумавшаго что-либо. Мнѣ не приходится долго останавливаться на этой теоріи, ибо она, объясняя съ грѣхомъ пополамъ случаи исполненія задуманныхъ дѣйствій (да и то лишь при контактѣ), совершенно не въ состояніи объяснить отгадываніе на разстояніи задуманныхъ словъ.

Наконецъ, что касается гипотезы сознательнаго или безсознательнаго нашептыванія, то при той постановкѣ опытовъ, какая имѣла мѣсто у меня, она представляется прямо нелѣпой: вѣдь, предполагать, что дѣвочка при заткнутыхъ ушахъ и при полномъ молчаніи отца способна была воспринимать какіе-то звуки, которыхъ никто изъ присутствующихъ при самомъ напряженномъ вниманіи не могъ уловить — это значитъ допускать болѣе рискованныя гипотезы, чѣмъ то позволяетъ самое смѣлое толкованіе фактовъ.

Остается, слѣдовательно, прійти къ заключенію, что въ приведенныхъ мною наблюденіяхъ происходила дѣйствительная передача мыслей, какъ таковыхъ. Это заключеніе неизбѣжно вытекаетъ изъ всей совокупности сообщенныхъ наблюденій, и мы не вправѣ его отрицать только потому, что оно кажется невѣроятнымъ и не поддается еще научному объясненію. Послѣднее явится само собою, какъ естественный результатъ знакомства съ фактами и анализа ихъ; точная же наука обязана прежде всего констатировать самые факты такъ, какъ они намъ даны, не подмѣнивая ихъ своими объясненіями, которыя гораздо менѣе обоснованы, чѣмъ сами факты. А потому, преклонимся предъ этими послѣдними и перейдемъ къ ихъ анализу.

Прежде всего отмѣчу, что въ процессѣ передачи мыслей въ нашемъ случаѣ главную роль играетъ, по видимому, возбужденіе слуховыхъ центровъ рѣчи у испытуемыхъ. Объ этомъ можно заключить на основаніи того, что ошибки носятъ фонетическій характеръ, т. е. производятъ такое впечатлѣніе, будто дѣвочка плохо слышала то слово, которое отецъ думаетъ. Это обстоятельство особенно подавало поводъ къ подозрѣніямъ со стороны присутствующихъ; но я напомню лишь, что такія же ошибки встрѣчаются въ опытахъ Ломброзо и что отвѣтные рисунки въ опытахъ Жука съ задумываніемъ рисунковъ (когда, слѣдовательно, уже не могло быть рѣчи о нашептываніи) производятъ такое впечатлѣніе, будто перципіентъ успѣлъ мелькомъ взглянуть на оригиналы. Иными словами, въ опытахъ моихъ и Ломброзо получались неотчетливые слуховые образы задуманныхъ словъ, а у Жука неотчетливые зрительные образы задуманныхъ рисунковъ.

Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-то закономѣрнымъ явленіемъ, въ силу котораго у перципіента въ каждомъ данномъ случаѣ возбуждаются либо зрительные, либо слуховые центры — и притомъ слабѣе, чѣмъ у агента. Такъ какъ возбужденіе центровъ у перципіента находится, повидимому, въ связи съ возбужденіемъ ихъ у агента въ моментъ мышленія, то любопытно по этому поводу вспомнить нѣкоторые факты относительно характера нашего мышленія.

«Когда мы мыслимъ — говоритъ проф. I. Déjerine — мы можемъ это дѣлать двумя различными способами. Либо мы мыслимъ образами предмета, либо образами словъ; въ послѣднемъ случаѣ мы бесѣдуемъ сами съ собой, т. е. мы мыслимъ при помощи нашей внутренней рѣчи. При функціи нашей внутренней рѣчи играютъ роль всѣ 3 центра рѣчи — слуховой, двигательный и зрительный — но въ различной степени. Прежде всего появляются слуховые образы; мы мыслимъ посредствомъ слуховыхъ образовъ, и въ тотъ моментъ, когда мы слышимъ слово, у насъ появляется представленіе о движеніяхъ, необходимыхъ для его произношенія; это значитъ, что слуховой образъ вызвалъ соотвѣтственный двигательный образъ. Иными словами, наша внутренняя рѣчь (langage interieur) осуществляется при помощи слуховыхъ и двигательныхъ образовъ,.. Что же касается зрительныхъ образовъ, то въ механизмѣ внутренней рѣчи они играютъ второстепенную роль». [1])

Слѣдовательно, въ тотъ моментъ, когда агентъ мыслитъ задуманное слово, т. е. повторяетъ его про себя, у него возбуждается, главнымъ образомъ, слуховой центръ рѣчи; когда же онъ мыслитъ названіе предмета, то у него, вѣроятно, помимо слухового, возбуждается также и зрительный центръ рѣчи.

Сравнимъ съ этимъ наши наблюденія. Сама дѣвочка заявляетъ, что, отгадывая какое-либо слово, она не можетъ точно сказать, слышитъ ли она его или нѣтъ: «мнѣ — говоритъ она — почему-то приходитъ вдругъ въ голову такое-то слово или такой-то слогъ». Когда же задумывается какой-либо предметъ, то ей, говоритъ она, представляется цѣлый рядъ предметовъ, и одинъ изъ нихъ она почему-то чувствуетъ нужнымъ назвать. Одна-

---

[1]) Traité de pathologie generale par Ch. Bouchard. 1904 p. 425.

ко, есть основаніе предполагать, что и при отгадываніи предметовъ у Софьи приходитъ въ возбужденіе преимущественно слуховой центръ; такъ, при задумываніи слова «портретъ» (см. сеансъ II) она начинаетъ лепетать «пер... пра... перо...»; на «булка» она отвѣчаетъ «ук... удк... бу... булка» (см. сеансъ III); на «сюртукъ» получается отвѣтъ — «ту... тру... ю... сюртукъ» (см. сеансъ IV) и т. д. Въ виду этого мы вправѣ сказать, что у Софьи въ моментъ отгадыванія появляются прежде всего слуховые образы тѣхъ словъ, которые отецъ мыслитъ, т. е. что у нея возбуждается прежде всего и главнымъ образомъ слуховой центръ рѣчи. А въ такомъ случаѣ, между этими двумя процессами — процессомъ мышленія отца и процессомъ отгадыванія дѣвочки — существуетъ, очевидно, полная гармонія въ томъ смыслѣ, что въ обоихъ случаяхъ въ возбужденіе приходятъ слуховые центры рѣчи, и при этомъ возникающіе въ головѣ отца слуховые образы какимъ-то путемъ воспринимаются Софьей.

На основаніи вышеизложеннаго мы можемъ съ достаточной вѣроятностью заключить, что характеръ ошибокъ — зрительный или слуховой — при передачѣ мыслей обусловливается типомъ мышленія у агента и особенной воспріимчивостью тѣхъ или иныхъ центровъ у перципіента. Это заключеніе является, какъ читатель увидитъ ниже, весьма важнымъ для изысканія способовъ успѣшной постановки аналогичныхъ опытовъ; а пока замѣчу, что на основаніи этого заключенія можно рѣшить, что у меня лично преобладаетъ зрительный типъ мышленія (см. п. 5 на стр. 48).

Анализируя далѣе процессъ передачи мыслей, мы можемъ замѣтить еще, что отгадываніе, повидимому, происходитъ безсознательно, т. е. безъ догадливости. Это отмѣтилъ еще Richet въ своихъ экспериментахъ, и это подтвердили всѣ позднѣйшіе изслѣдователи. Безсознательность оказываетъ лучшую услугу, нежели самое сильное желаніе угадать: частичная безсознательность (inconscience partielle) играетъ, повидимому, огромную роль въ успѣшномъ чтеніи мыслей. Знаменитый Бишопъ заявлялъ, что въ моментъ отгадыванія онъ погружается въ какое-то полубредовое состояніе, которое онъ опредѣлялъ словомъ « rêverie » У Краинскаго для успѣха опытовъ необхдимо было даже глубокое сомнамбулическое состояніе кликушъ.

Что касается моего случая, то для успѣха опытовъ не требовалось особеннаго состоянія испытуемой: Софья всегда и при всѣхъ условіяхъ въ состояніи была отгадывать, при чемъ часто во время отгадыванія она даже баловалась и шутила (этого я не позволялъ ей дѣлать только въ вышеописанныхъ опытахъ ,гдѣ необходима была предосторожность для исключенія обмана). Однако же, для болѣе успѣшнаго хода опытовъ нужно было всегда устранять всякое внѣшнее впечатлѣніе, которое могло развлечь Софью, такъ что она часто сама желала, чтобы ей во время сеанса завязывали глаза. Затѣмъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она пыталась догадаться, какое слово задумано, она постоянно ошибалась. Наконецъ, въ пользу того, что процессъ совершается безсознательно, говоритъ еще то обстоятельстно, что Софья часто совершенно не помнила словъ, которыя она за минуту передъ тѣмъ отгадала. На основаніи изложеннаго можно съ достаточной вѣроятностью заключить, что для успѣшнаго чтенія мыслей высшіе психическіе центры перципіента должны находиться по возможности въ полномъ покоѣ.

Исходя теперь изъ факта непосредственной передачи мыслей и переходя къ вопросу о способѣ этой передачи, мы должны пока сказать слѣдующее. Современное естественно-научное міросозерцаніе покоится на двухъ основныхъ положеніяхъ: 1) нѣтъ дѣйствія безъ причины и 2) нѣтъ дѣйствія на разстояніи безъ промежуточныхъ агентовъ-силъ. Эти два положенія служили всегда надежною путеводною нитью въ научныхъ изысканіяхъ и особенно въ послѣднее время они оказали наукѣ огромную услугу въ дѣлѣ важныхъ открытій.

Исходя изъ этихъ положеній съ одной стороны, а съ другой — основываясь на новѣйшихъ научныхъ завоеваніяхъ въ области физики, мы должны разсуждать по

вопросу о способѣ передачи мыслей слѣдующимъ образомъ. Разъ мысль, возникшая въ мозгу одного лица, можетъ передаваться другому лицу безъ посредства внѣшнихъ органовъ чувствъ, то эта передача должна совершаться посредствомъ какой-то лучистой энергіи, которая вѣроятно, развивается въ мозгу мыслящаго субъекта и, распространяясь оттуда по всѣмъ направленіямъ, вызываетъ въ мозгу другого лица соотвѣтственныя представленія.

Что это за энергія? Этого мы пока не знаемъ; но на основаніи приписываемой ей нами способности вызывать въ мозгу человѣка разныя представленія мы можемъ назвать ее психической энергіей; причемъ, основываясь на сообщенныхъ выше выводахъ изъ наблюденій (см стр. 48), можемъ опредѣлить также нѣкоторыя свойства этой гипотетической лучистой психической энергіи. Именно: такъ какъ передача мыслей при непосредственномъ контактѣ происходитъ сравнительно быстро и совершенно, то надо думать, что человѣческое тѣло или какіе-нибудь элементы его являются для этой предполагаемой энергіи хорошимъ проводникомъ, по которому она (эта энергія) и распространяется съ большей легкостью и быстротой. Но такъ какъ мысль передается на разстояніе и безъ контакта, то надо думать, что эта лучистая энергія распространяется также и черезъ воздухъ; однако, изъ того, что на разстояніи чтеніе мыслей происходитъ гораздо медленнѣе и несовершеннѣе, слѣдуетъ, что для этой неизвѣстной лучистой энергіи воздухъ является худшимъ проводникомъ; поэтому она, проходя черезъ воздухъ, значительно ослабляется въ своей силѣ и въ своемъ напряженіи.

Далѣе, передача мыслей черезъ дверь указываетъ на то, что психическая энергія въ состояніи проходить черезъ непрозрачныя перегородки; а улучшеніе и ускореніе передачи при помощи мѣдной проволоки указываетъ, что послѣдняя служитъ для психической энергіи хорошимъ проводникомъ. Наконецъ, болѣе совершенная передача названій обыденныхъ предметовъ и знакомыхъ словъ, чѣмъ

словъ отвлеченныхъ и непонятныхъ, указываетъ, вѣроятно, на то, что излученіе психической энергіи достигаетъ при мышленіи первыхъ болѣе высокаго напряженія, чѣмъ при вторыхъ.

Такимъ образомъ, совокупность произведенныхъ мною наблюденій и основанныхъ на нихъ теоретическихъ выводовъ приводятъ насъ, независимо отъ развитыхъ во вступленіи взглядовъ, къ построенію слѣдующей гипотезы.

Существуетъ лучистая психическая энергія, которая возникаетъ въ мозгу человѣка въ моментъ мышленія и которая въ состояніи вызвать въ другомъ мозгу зрительные и слуховые образы; эта психическая энергія бываетъ различнаго напряженія и обладаетъ слѣдующими физическими свойствами:

1) Легко распространяется въ тѣлѣ человѣка отъ мозга къ оконечностямъ и обратно.

2) Проходитъ черезъ воздухъ и непрозрачныя перегородки, но отчасти поглощается ими.

3) Хорошо проводится мѣдной проволокой.

Таковы—неизбѣжные выводы изъ сообщенныхъ мною наблюденій, если только признать послѣднія правильно поставленными, а возможность всякаго обмана—сознательнаго и безсознательнаго—вполнѣ исключенной. Мнѣ думается, что нѣтъ никакихъ данныхъ не признавать этого въ моихъ опытахъ; но, каково-бы ни было мнѣніе на этотъ счетъ читателя, я прошу только твердо помнить, что кажущаяся невѣроятность чего-либо никогда не должна служить доказательствомъ невозможности.

IV.

Какъ бы ни были обстоятельны и убѣдительны всѣ вышеприведенные опыты, надо сознаться, что однихъ ихъ недостаточно для научнаго установленія такого факта, возможность котораго до сихъ поръ отрицается многими о ф ф и ц і а л ь н ы м и представителями науки какъ съ принципіальной, такъ и съ фактической стороны.

Конечно, никакое явленіе не становится менѣе реальнымъ оттого, что большинство ученыхъ его еще не признало; однако, въ положительной наукѣ справедливо принято за правило, гарантирующее отъ скороспѣлыхъ и часто ошибочныхъ заключеній, считать прочно установленнымъ научнымъ фактомъ лишь такое явленіе, которое любымъ изслѣдователемъ можетъ быть поставлено въ условія эксперимента и повторено по желанію любое число разъ [1]).

Правда, въ предыдущихъ опытахъ мнѣ удалось въ значительной степени выполнить эти условія и получить вполнѣ удовлетворительный въ смыслѣ научной цѣнности матеріалъ; но всетаки значеніе этого матеріала умаляется, во 1-хъ, тѣмъ, что объектомъ моихъ опытовъ былъ рѣдкій экземпляръ, который не можетъ быть въ распоряженіи каждаго другого изслѣдователя и, во 2-хъ, тѣмъ, что мои опыты скорѣе были экспериментальными наблюденіями, чѣмъ чистыми экспериментами, въ которыхъ я игралъ бы роль не только наблюдателя, но и агента. Конечно, и одни экспериментальныя наблюденія имѣютъ огромную научную цѣнность какъ

[1]) Я говорю, конечно, только о тѣхъ областяхъ положительной науки, въ которыхъ экспериментъ вообще возможенъ; по отношенію, напр., къ явленіямъ космическаго происхожденія наукѣ приходится ограничиваться одними наблюденіями, результаты коихъ однако не менѣе точны.

въ данномъ случаѣ, такъ и вообще. Но разъ мы становимся на ту точку зрѣнія, что существованіе и излученіе психической энергіи есть постулатъ энергетической теоріи мысли, то в о з м о ж н о с т ь передачи мыслей слѣдуетъ считать не исключительнымъ явленіемъ, а правиломъ; иными словами, съ энергетической точки зрѣнія каждый человѣкъ однимъ фактомъ существованія своего мозга является агентомъ и, слѣдовательно, долженъ обладать способностью передавать свои мысли подходящему лицу.

Однако, энергетическая теорія не рѣшаетъ вопроса о томъ, можетъ-ли каждый субъектъ быть перципіентомъ, т.-е. воспринимать психическую энергію л ю б о г о агента. Если бы мы пожелали рѣшить этотъ вопросъ на основаніи сравнительной рѣдкости случаевъ прямого наблюденія случаевъ передачи мыслей, то позволительно предполагать, что для воспріятія чужихъ мыслей перципіентъ долженъ обладать какими-то особыми свойствами, которыя встрѣчаются, повидимому, не часто. Слѣдовательно, если бы намъ удалось опредѣлить эти свойства и точные признаки, по которымъ можно открыть наличность этихъ свойствъ у того или другого субъекта, то намъ уже было-бы не трудно выработать точные методы для постановки опытовъ передачи мыслей, и д о с т у п н о е д л я в с ѣ х ъ научное доказательство трактуемаго факта было-бы вполнѣ обезпечено. Попытаемся-же найти въ предыдущихъ опытахъ указанія на тѣ условія, которыя могутъ намъ помочь выполнить поставленную себѣ задачу.

Мы видѣли, что однимъ изъ тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ процессу воспріятія мыслей, является безсознательное или полусознательное состояніе перципіента и что во всякомъ случаѣ п р о ц е с с ъ в о с п р і я т і я происходитъ б е з с о з н а т е л ь н о. Для того, чтобы извлечь изъ этого наблюденія всю возможную для нашей цѣли пользу, намъ необходимо нѣсколько отступить отъ непосредственной темы настоящей работы и остановиться на вопросѣ о томъ, что такое безсознательная психическая

дѣятельность и какова связь между процессами сознательными и безсознательными.

Дѣло въ томъ, что цѣлый рядъ явленій изъ области нормальной и патологической психологіи, равнымъ образомъ и данныя сравнительной психологіи неизбѣжно приводятъ всѣхъ вдумчивыхъ мыслителей къ тому заключенію, что «безсознательныхъ» психическихъ явленій не существуетъ: все то, что до сихъ поръ принято называть безсознательной мозговой дѣятельностью, обладаетъ въ дѣйствительности всѣми характерными чертами обычнаго знакомаго намъ сознанія.

Наличность обычнаго сознанія обусловливается интенсивностью протекающихъ въ мозгу мыслительныхъ процессовъ и фиксаціей на нихъ вниманія субъекта—сознаніе есть лишь результатъ синтеза опредѣленныхъ психическихъ процессовъ. Явленія гипнотическаго внушенія доказываютъ, что все «сознательное» можетъ въ любой моментъ быть превращено въ «безсознательное» и, наоборотъ,—все то, что протекало когда-либо въ нашемъ мозгу безъ участія такъ назыв. «сознанія», можетъ быть вызвано на поверхность его. Поэтому, въ настоящее время въ психологіи все чаще начинаютъ трактовать о двухъ видахъ сознанія—верхнемъ и нижнемъ. Человѣкъ —говоритъ A. Binet, ссылаясь на извѣстный случай полнаго раздвоенія личности у больной д-ра Azama — это уже не простое единство; ибо если бы это было такъ, нельзя было-бы понять, какимъ образомъ при извѣстныхъ условіяхъ нѣкоторые больные... могутъ проявлять нѣсколько различныхъ личностей; то, что дѣлится, должно состоять изъ нѣсколькихъ частей: если одна личность можетъ сдѣлаться двойственной и тройственной—это доказываетъ, что она представляетъ собою комплексъ, сочетаніе, равнодѣйствующую нѣсколькихъ элементовъ». [1]).

Въ виду этихъ соображеній и цѣлаго ряда другихъ данныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, нѣмецкій психологъ Max Dessoir предложилъ дѣлить наше общее сознаніе на два вида—верхнее и нижнее. Анализируя въ своей интересной работѣ о двойственности личности нѣкоторыя «безсознательныя» проявленія человѣческой психики, названный авторъ ставитъ ихъ въ связь съ дѣятельностью нижняго сознанія. «Необходимо —говоритъ онъ— дѣлать различіе между той областью сознанія, которая извѣстна самому индивиду, и той ея областью, которая при нормальныхъ условіяхъ ему недоступна; мы несемъ въ себѣ какъ-бы скрытую область сознанія, которая, будучи одарена разумомъ, ощущеніями и волей, въ состояніи обусловливать рядъ дѣйствій [1]). Эту скрытую область сознанія названный авторъ и предлагаетъ называть нижнимъ сознаніемъ въ противоположность той области сознанія, дѣятельность которой всегда протекаетъ у насъ на виду и которую Dessoir именуетъ верхнимъ сознаніемъ.

Нельзя, правда, признать такое дѣленіе нашего общаго сознанія на два вида—верхнее и нижнее—особенно удачнымъ, такъ какъ оно какъ-бы указываетъ на подчиненную роль второго по отношенію къ первому и такимъ образомъ предрѣшаетъ тотъ вопросъ, правильное рѣшеніе котораго возможно лишь послѣ самаго тщательнаго сравнительнаго изученія всѣхъ проявленій каждаго вида сознанія въ отдѣльности. И самъ Dessoir дѣлаетъ оговорку, что онъ этимъ дѣленіемъ отнюдь не хочетъ предрѣшать вопроса и потому готовъ замѣнить предложенныя имъ опредѣленія какими-либо иными, которыя окажутся болѣе подходящими. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что болѣе подходящія опредѣленія могутъ быть найдены лишь тогда, когда мы вполнѣ изучимъ оба вида сознанія, которыя желаемъ опредѣлить; а до тѣхъ поръ мы можемъ принять дѣленіе Dessoir'a, которое во всякомъ случаѣ имѣетъ всѣ преимущества передъ ходячимъ дѣленіемъ нашей психики на сферу «сознательную» и «безсознательную»: послѣднее дѣленіе, вы-

[1]) A. Binet. Les altérations de la personnalité 1892 p. 316.

[1]) Max Dessoir. Das Doppel—Ich. Zveite Auflage. 1896.

рывая пропасть между однородными по существу своему проявленіями нашей психики, создаетъ непреодолимыя трудности для рѣшенія вопроса о связи процессовъ «безсознательныхъ» съ «сознательными» и возможности перехода первыхъ во вторые.

Эта искусственно созданная трудность устраняется дѣленіемъ Dessoir'a, подчеркивающимъ полную тождественность протекающихъ въ нашемъ мозгу процессовъ—все равно, доходятъ-ли они до нашего «сознанія» или нѣтъ. Вотъ почему это дѣленіе нашло сочувствіе у ряда другихъ авторовъ, которые съ своей стороны развили и дополнили положенія упомянутаго нѣмецкаго психолога. «Уже одинъ опытъ самонаблюденія — говоритъ Forel— экспериментально доказываетъ намъ, что многія явленія, представляющіяся находящимися внѣ нашего сознанія, всетаки сознаются или сознавались нами. Да, извѣстныя чувственныя ощущенія остаются въ моментъ ихъ возникновенія скрытыми отъ нашего обычнаго верхняго сознанія, въ область котораго они вводятся только впослѣдствіи. Цѣлый рядъ дѣятельныхъ состояній мозга (сонъ, сомнамбулизмъ или второе сознаніе) въ обыкновенныхъ случаяхъ, повидимому, исключены изъ области верхняго сознанія, но затѣмъ путемъ внушенія или какимъ-нибудь инымъ образомъ ассоціируются съ воспоминаемымъ содержаніемъ послѣдняго. Во всѣхъ такихъ случаяхъ видимо-безсознательное оказывается всетаки сознательнымъ».

Въ виду этого Forel, слѣдуя Max Dessoir'у, предлагаетъ называть наше обычное сознаніе «верхнимъ сознаніемъ», всѣ же другіе виды сознанія,—частью забытое, частью находящееся въ слабой или косвенной связи съ содержаніемъ верхняго сознанія, т.-е. все то, что обозначалось до сихъ поръ терминомъ «безсознательное»—называть «нижнимъ сознаніемъ». «Сознаніе —говоритъ онъ далѣе —само по себѣ вовсе не существуетъ и проявляется лишь благодаря дѣятельности мозга, внутреннимъ рефлексомъ которой оно является... Наше верхнее сознаніе представляетъ лишь суммарное синтетическое неполное субъ-

ективное освѣщеніе болѣе интенсивной дѣятельности большого мозга». [1])

Этому же вопросу лишь въ недавнее время посвятилъ спеціальную работу J. Grasset [2]), который также дѣлитъ нашу психику на двѣ почти равнозначущія сферы; но онъ держится того мнѣнія, что скрытая половина человѣческой психики лишена элемента сознательности; поэтому онъ говоритъ не о двухъ сознаніяхъ, а о двухъ психикахъ—высшей и низшей. «Психическіе акты — говоритъ онъ —дѣлятся на двѣ группы: 1) акты психическіе высшаго порядка—сознательные, произвольные и свободные; 2) акты психическіе низшаго порядка—безсознательные, автоматическіе и непроизвольные». Первые принадлежатъ высшей психикѣ, вторые—низшей.

Однако, мнѣніе Grasset объ отсутствіи элемента сознательности въ низшей психикѣ встрѣтило со стороны Pierre Janet, Binet и другихъ рядъ существенныхъ возраженій, на которыхъ мы не находимъ здѣсь нужнымъ останавливаться, такъ какъ это есть споръ о словахъ, а не о сущности. Достаточно указать, что Grasset надѣляетъ низшую психику всѣми тѣми свойствами, которыя мы до сихъ поръ привыкли приписывать сознанію—именно: памятью, воображеніемъ, ассоціаціей идей, творческой фантазіей, логикой и проч.; «низшая психика —говоритъ онъ —имѣетъ такое-же большое или даже большее значеніе, чѣмъ психика высшая; всѣ психическія функціи находятся также въ низшей психикѣ и во многихъ случаяхъ роль послѣдней есть главнѣйшая» [3]). Изъ этого понятно, что, отрицая за низшей психикой элементъ сознанія, Grasset вкладываетъ въ это послѣднее понятіе свое особое содержаніе, которое, конечно, ни для кого не обязательно. Намъ важно лишь констатировать, что работа этого автора вполнѣ подтверждаетъ тотъ фактъ, признаніе котораго становится теперь общимъ достояніемъ и является весьма

[1]) Проф. А. Forel—Гипнотизмъ. Рус. пер. 1905 г.
[2]) J. Grasset. Le psychisme inferieur. 1906.
[3]) J. Grasset. l. c. стр. 355.

важнымъ для дальнѣйшаго развитія психологіи—именно, что личность человѣка слагается, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ сферъ—двухъ сознаній или двухъ психикъ—изъ которыхъ каждая обладаетъ всѣми характерными для обычнаго нашего сознанія способностями.

Оба сознанія—верхнее и нижнее—существуютъ рядомъ въ томъ же самомъ мозгу и могутъ проявлять свою дѣятельность одновременно или послѣдовательно. Въ то время, какъ наше обычное сознаніе (верхнее сознаніе) функціонируетъ вполнѣ завѣдомо для насъ, мы не подозрѣваемъ даже о томъ, что въ это же самое время наше нижнее сознаніе также дѣйствуетъ, разсуждаетъ, оцѣниваетъ поступающія изъ внѣшняго міра впечатлѣнія и дѣлаетъ на основаніи ихъ выводы. Въ обычныхъ условіяхъ нашей мозговой работы нижнее сознаніе почти ничѣмъ себя не проявляетъ, и потому мы о немъ и понятія не имѣемъ. Но при нѣкоторыхъ состояніяхъ нашей психики, напр., при сомнамбулизмѣ, на сцену выступаетъ нижнее сознаніе, которое исключительно себя и проявляетъ, отодвигая верхнее сознаніе туда, гдѣ въ бодрственномъ состояніи находилось само.

Бываютъ однако случаи, когда верхнее и нижнее сознанніе дѣйствуютъ одновременно и независимо другъ отъ друга, проявляютъ себя въ различныхъ актахъ и въ то же время совершенно не знаютъ другъ о другѣ. Акты, въ которыхъ нижнее сознаніе проявляетъ себя независимо отъ верхняго, называютъ обыкновенно автоматическими, а способность къ такого рода актамъ—психическимъ автоматизмомъ. Подъ послѣднимъ разумѣется, иначе говоря, способность къ такимъ актамъ, которые, неся на себѣ всѣ черты разумности и продуманности, въ то же время совершенно не «сознаются» выполняющимъ ихъ субъектомъ. Классической работой въ дѣлѣ изученія различныхъ проявленій психическаго автоматизма—работой, которая послужила отправнымъ пунктомъ для аналогичныхъ изслѣдованій цѣлаго ряда другихъ авторовъ и въ томъ числѣ Dessoir'a,

является книга Pierre Janet о «психологическомъ автоматизмѣ»[1]) у истеричныхъ и загипнотизированныхъ.

Изъ всѣхъ видовъ психическаго автоматизма насъ здѣсь интересуетъ главнымъ образомъ автоматизмъ графическій, т.-е. автоматическое писаніе, которое даетъ богатый матеріалъ для весьма поучительныхъ выводовъ. Автоматическое писаніе заключается въ томъ, что нѣкоторыя лица при извѣстныхъ условіяхъ, напр., будучи заняты устной бесѣдой съ кѣмъ-либо, могутъ въ то же время, посредствомъ вложеннаго въ ихъ руку карандаша, записывать автоматически (т.-е. совершенно не желая и не замѣчая этого) отдѣльныя слова, фразы и цѣлые связные періоды. Такимъ путемъ они могутъ иногда выболтать самыя сокровенныя свои тайны или разсказать о томъ, что имъ когда-либо было внушено въ гипнозѣ и о чемъ ихъ верхнее сознаніе никакого представленія не имѣетъ.

Подобные случаи графическаго автоматизма описаны были различными авторами, имя которыхъ служитъ порукою за достовѣрность самыхъ фактовъ—таковы Pierre Janet, Binet, Féré, Dessoir и др. Свои наблюденія эти авторы производили главнымъ образомъ надъ истеричными и надъ лицами, подвергавшимися постгипнотическимъ внушеніямъ: у первыхъ пишущій автоматизмъ проявлялся обыкновенно въ анестетической рукѣ, у вторыхъ—анестезіи для этого не требовалось. Истеричный субъектъ, вниманіе котораго отвлечено кѣмъ-либо, можетъ незамѣтно для себя писать вполнѣ толковые отвѣты на вопросы, которые ему шепотомъ ставитъ третье лицо, о присутствіи котораго онъ даже не подозрѣваетъ. Человѣкъ, подвергшійся постгипнотическому внушенію, можетъ такимъ же путемъ сообщить все, что ему когда-либо было внушено.

Графическій автоматизмъ является, между прочимъ, одной изъ главныхъ особенностей спиритическихъ медіумовъ, т.-е. тѣхъ лицъ, посредствомъ которыхъ соверша-

[1]) Pierre Janet—L'automatisme psychologique. Paris. 1889.

ются всѣ спиритическія «чудеса». Такъ какъ я намѣренъ въ дальнѣйшемъ заняться изученіемъ нѣкоторыхъ проявленій графическаго автоматизма у медіумовъ, то считаю не лишнимъ выяснить теперь-же свою позицію по отношенію къ вопросу о сущности медіумизма.

Всякая область знанія въ свое время проходила такую стадію, когда не находившіе себѣ объясненія факты съ одной стороны вели къ отрицанію ихъ, а съ другой—къ созданію суевѣрій и всякихъ фантастическихъ теорій; въ такой именно стадіи находится сейчасъ вопросъ о медіумическихъ явленіяхъ. Что касается того психическаго состоянія, которое именуется медіумизмомъ, то сущность послѣдняго въ настоящее время трудами выдающихся психологовъ и невропатологовъ въ значительной степени выяснена; но большинство тѣхъ явленій, которыя наблюдаются при медіумизмѣ, до сихъ поръ еще ждутъ научнаго изученія и объясненія. И только это послѣднее въ состояніи положить предѣлъ возникновенію и распространенію спиритическихъ суевѣрій и фантастическихъ теорій, которыя находятъ себѣ оправданіе въ неугасимой потребности человѣческаго духа объяснять наблюдаемыя явленія.

«Не слѣдуетъ удивляться —справедливо замѣчаетъ Dessoir—тому обстоятельству, что спиритизмъ захватываетъ все болѣе широкіе круги вокругъ себя, разъ представители науки до сихъ поръ презрительно отказываются изслѣдовать факты, лежащіе въ основѣ мистико-религіозныхъ теорій, и такимъ образомъ отнять почву у предразсудковъ»; «...нѣтъ ничего болѣе неправильнаго и антинаучнаго, какъ трусливый страхъ передъ этой областью—особенно въ наши дни, когда, къ счастью, отказались уже отъ такой же тактики по отношенію къ гипнотизму». [1]) Задача положительной науки заключается въ томъ, чтобы между двумя одинаково ненаучными крайностями—отрицаніемъ фактовъ и фантастическимъ толкованіемъ ихъ—проложить путь къ отысканію истины.

[1]) M. Dessoir. l. c. стр. 60 и 82.

Что же такое медіумизмъ, какъ психическое состояніе? Большинство авторовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ этого вопроса, сходятся въ томъ, что медіумизмъ есть такое состояніе, когда нижнее сознаніе освобождается отъ связи съ верхнимъ и дѣйствуетъ независимо отъ послѣдняго, хотя и рядомъ съ нимъ. Дѣло въ томъ, что у такъ назыв. «нормальныхъ» людей дѣятельность обоихъ сознаній настолько тѣсно связана, настолько прочно ассоціирована, что самостоятельная работа одного изъ нихъ невозможна: проявленіе психической дѣятельности нормальнаго субъекта есть лишь результатъ координированной работы верхняго и нижняго сознаній, хотя это проявленіе и исходитъ отъ одного верхняго сознанія; характеристикой нормальной личности является прочная ассоціація всѣхъ элементовъ и комплексовъ общаго сознанія.

Но при нѣкоторыхъ состояніяхъ нашего общаго сознанія, обусловливаемыхъ неизвѣстными пока причинами, имѣетъ мѣсто недостаточная или слабая ассоціація, благодаря которой наступаетъ частичная диссоціація элементовъ сознанія. Эта диссоціація можетъ достигать различныхъ степеней по своей длительности и объему затронутыхъ ею областей сознанія. При диссоціаціи или недостаточно прочной ассоціаціи всего комплекса сознанія отдѣльные элементы его въ состояніи проявлять свою дѣятельность самостоятельно, почти безъ всякой связи съ остальнымъ сознаніемъ, и тогда мы получаемъ картину различныхъ «истерическихъ» проявленій, начиная отъ графическаго автоматизма и кончая ясно выраженной истеріей. Называя графическій автоматизмъ «истерическимъ» проявленіемъ, мы, однако, очень далеки отъ того, чтобы отождествлять медіумизмъ съ истеріей, какъ это склонны дѣлать многіе. Общее между этими двумя состояніями лишь то, что въ обоихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто диссоціація или недостаточная ассоціація элементовъ общаго сознанія; но разница между ними значительна.

При истеріи диссоціація является лишь однимъ изъ

симптомовъ, характерной же для истеріи нужно считать легкую подвижность элементовъ сознанія, благодаря которой диссоціація однихъ элементовъ можетъ также быстро исчезнуть, какъ можетъ наступить ненормальная ассоціація другихъ элементовъ; при истеріи мы одинаково встрѣчаемся съ нарушеніемъ нормальныхъ ассоціацій и появленіемъ ассоціацій необычныхъ, характернымъ же свойствомъ этого состоянія психики является легкая подвижность элементовъ сознанія. И это же свойство истеріи дѣлаетъ подверженныхъ ей лицъ столь благодарными объектами для гипнотическаго внушенія: послѣднее всегда оперируетъ съ отдѣльными элементами или комплексами сознанія, соединяя или разъединяя ихъ по произволу; само собою разумѣется, что легче всего этого достигнуть у тѣхъ лицъ, у которыхъ элементы сознанія находятся въ слабой связи и легко подвижны.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ медіумическими лицами: для послѣднихъ характерна не легкая подвижность элементовъ сознанія (которая, конечно, тоже можетъ встрѣчаться у нихъ), а именно сама диссоціація при почти полной ея устойчивости. Диссоціація эта касается всегда двухъ почти равнозначущихъ сферъ сознанія, изъ которыхъ каждая представляетъ собой весьма сложный комплексъ и можетъ функціонировать какъ цѣльное сознаніе со всѣми его аттрибутами; одну изъ нихъ мы назвали верхнимъ, другую — нижнимъ сознаніемъ. Диссоціація этихъ двухъ сферъ обусловливаетъ возможность большей или меньшей независимости каждой изъ нихъ, что и проявляется, между прочимъ, въ автоматическомъ письмѣ медіумовъ. — Помимо указанной разницы между медіумизмомъ и истеріей имѣется еще другая, о которой рѣчь будетъ ниже.

По P. Janet „медіумы, когда они хороши, представляютъ собою типъ почти полнаго раздвоенія, при которомъ обѣ личности совершенно не знаютъ другъ друга и развиваются независимо другъ отъ друга". По Grasset „медіумы суть субъекты, нижняя психика которыхъ очень активна, весьма легко отщепляется отъ верхней и очень быстро осуществляетъ свою психическую дѣятельность въ поступкахъ» [1]), или еще такъ: «медіумъ есть субъектъ, одаренный живымъ воображеніемъ нижней психики и въ то же время сильною способностью къ диссоціаціи обѣихъ психикъ». [2])

Хотя диссоціація обоихъ сознаній у медіумовъ отличается сравнительной устойчивостью, она, во всякомъ случаѣ, непостоянна: временами, подъ вліяніемъ невыясненныхъ еще причинъ, диссоціація исчезаетъ; вмѣстѣ съ нею исчезаетъ условіе для самостоятельнаго проявленія дѣятельности нижняго сознанія — и способность къ графическому автоматизму пропадаетъ; черезъ нѣкоторое время — нѣсколько дней, недѣль или даже мѣсяцевъ — вновь наступаетъ диссоціація и исчезнувшая было способность возвращается.

Я счелъ нужнымъ нѣсколько остановиться на указаніи сходства и различія между истеріей и медіумизмомъ потому, что большинство авторовъ склонно считать медіумизмъ однимъ изъ проявленій истеріи и строить на этомъ самое объясненіе медіумическихъ явленій; объясненіе это сводится къ тому, что всѣ медіумы являются жертвами истерическаго самообмана или самовнушенія. Этотъ выводъ основанъ, несомнѣнно, на очень поспѣшныхъ обобщеніяхъ при весьма поверхностномъ знакомствѣ съ самыми фактами. И мнѣ остается только настойчиво рекомендовать всѣмъ, кто глубоко интересуется наукой, приняться за самое серьезное изученіе всѣхъ проявленій медіумизма, такъ какъ такого рода изученіе обѣщаетъ наукѣ богатую жатву, какъ это можно видѣть уже изъ моихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Выяснивъ сущность медіумизма, какъ психическаго состоянія, и переходя къ вопросу о проявленіяхъ его, я займусь здѣсь только графическимъ автоматизмомъ медіумовъ, который даетъ намъ богатый матеріалъ для весьма важныхъ выводовъ. «Медіумизмъ — говоритъ Джемсъ

[1]) J. Grasset. Le psychisme inférieur. 1906 p. 98.
[2]) J. Grasset. L'occultisme. 1907 p. 163.

— есть явленіе очень сложное, и его лишь недавно начали изучать строго научнымъ образомъ. Слабѣйшую степень медіумическаго состоянія представляетъ автоматическое письмо; слабѣйшимъ проявленіемъ послѣдняго являются тѣ случаи, когда субъектъ сознаетъ тѣ слова, которыя пишетъ, но чувствуетъ какой-то внѣшній импульсъ, понуждающій его писать. Далѣе слѣдуетъ безсознательное письмо, производимое даже во время чтенія или разговора» [1]).

Что касается идейнаго содержанія автоматическаго письма медіумовъ, то большинство авторовъ (Dessoir, Janet, Flournoy, Grasset и друг.) считаетъ его изложеніемъ идей нижняго сознанія медіума: послѣднее проявляетъ въ автоматическомъ письмѣ свою разумную дѣятельность, пользуясь при этомъ нашими тѣлесными органами, повидимому, также искусно, какъ и обычное верхнее сознаніе. На этомъ между прочимъ основана отчасти вѣра спиритовъ въ потусторонній міръ: не зная, откуда берутся тѣ вполнѣ разумные отвѣты, которые получаются отъ «психографическихъ» медіумовъ, спириты приписываютъ ихъ своимъ духамъ; послѣдніе-де избираютъ медіумовъ орудіемъ сношенія съ живыми людьми; иными словами, дѣятельность нижняго сознанія медіума спириты приписываютъ своимъ духамъ. Такое объясненіе содержанія автоматическаго письма во многихъ случаяхъ, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но оно не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ пишущаго автоматизма у медіумовъ.

Дѣло въ томъ, что медіумы во время сеансовъ записываютъ иногда такія вещи, которыхъ ихъ нижнее сознаніе ни въ коемъ случаѣ знать не могло; такъ, напр., медіумы сообщаютъ подробности изъ жизни сеансирующихъ, которыхъ они видятъ первый разъ въ жизни. Въ подтвержденіе этого факта сошлюсь на Джемса, котораго никто, вѣроятно, не рѣшится заподозрить въ мистификаціи или въ отсутствіи критическаго чутья. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «Странно только то обстоятельство, что

[1]) В. Джемсъ. Психологія. Рус. пер. 1905, стр. 177.

лица, незнакомыя со спиритическими традиціями, говорятъ въ состояніи (медіумическаго) транса отъ имени умершихъ, переживаютъ иллюзіи нѣсколькихъ своихъ предсмертныхъ агоній, сообщаютъ свѣдѣнія о своей жизни въ странѣ «вѣчнаго лѣта» и изобличаютъ недостатки у лицъ, участвовавшихъ въ сеансѣ. Я не имѣю никакой теоріи, которую могъ бы дать для объясненія многихъ фактовъ, видѣнныхъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ однимъ медіумомъ въ состояніи транса, что «духъ» можетъ быть совершенно непохожимъ на нормальную личность испытуемаго. Могу указать на одинъ случай, гдѣ «духомъ» былъ нѣкій французскій докторъ, который, какъ я убѣдился, зналъ всевозможныя обстоятельства жизни, а также живыхъ и умершихъ родныхъ и знакомыхъ безчисленнаго множества участниковъ сеанса, которыхъ женщина-медіумъ никогда не встрѣчала прежде и не знала даже по имени... Я надѣюсь, что мое личное заявленіе такого рода побудитъ, можетъ быть, двухъ-трехъ читателей подвергнуть изслѣдованію эту сферу явленій, которой такъ назыв. «жрецы науки» обыкновенно не удостоиваютъ вниманія» [1]).

Итакъ, нижнее сознаніе медіума («духъ» у спиритовъ) можетъ сообщать посредствомъ автоматически пишущей руки такіе факты, которыхъ медіумъ ни въ коемъ случаѣ не могъ знать. Откуда же берется это знаніе къ нижнему сознанію? Какъ попадаетъ въ нижнее сознаніе медіума знаніе о томъ, чего оно само никогда не видѣло и не слышало? Если принять во вниманіе, что медіумъ сообщаетъ всегда факты изъ жизни присутствующихъ на сеансѣ лицъ или вообще факты, извѣстные кому-либо изъ присутствующихъ, то на поставленный вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: повидимому, знаніе о фактахъ переходитъ изъ сознанія присутствующихъ въ нижнее сознаніе медіу-

[1]) В. Джемсъ. l. c. стр. 179.

ма безъ посредства внѣшнихъ органовъ чувствъ; иными словами, всѣ тѣ непостижимые случаи, когда медіумы на спиритическихъ сеансахъ сообщаютъ сокровеннѣйшія мысли или интимнѣйшіе факты изъ жизни присутствующихъ, я объясняю тѣмъ, что при этомъ происходитъ невольная передача на разстояніе медіуму тѣхъ мыслей, которыя шевелятся въ мозгу у присутствующихъ — въ ихъ верхнемъ или нижнемъ сознаніи [1]).

Если бы это оказалось такъ, то въ лицѣ медіумовъ мы обрѣли бы тѣхъ субъектовъ, о которыхъ я говорилъ въ началѣ настоящей главы и которые могли бы служить намъ перципіентами при постановкѣ опытовъ передачи мыслей; въ виду большой распространенности въ наше время спиритизма, оперирующаго всегда съ медіумами, нужно думать, что число послѣднихъ — особенно пишущихъ медіумовъ, которые представляютъ собою, какъ говоритъ Джемсъ, слабѣйшую степень медіумическаго состоянія — не мало и, слѣдовательно, каждый интересующійся даннымъ вопросомъ изслѣдователь могъ бы безъ большого труда найти въ мѣстѣ своего жительства необходимаго ему для опытовъ перципіента.

Читатель, конечно, понимаетъ, что для выясненія настоящаго вопроса необходимо было поставить рядъ опытовъ съ какимъ-либо медіумомъ; я и рѣшилъ это сдѣлать.

---

[1]) Впрочемъ, этотъ взглядъ, повидимому, не новъ, такъ какъ онъ уже раньше неоднократно высказывался противниками спиритизма, напр. философомъ E. v. Hartmann'омъ, для объясненія медіумическихъ явленій.

V.

Итакъ, исходя въ началѣ предыдущей главы изъ факта «безсознательности» при воспріятіи мыслей и выяснивъ затѣмъ сущность такъ назыв. безсознательныхъ процессовъ, я въ концѣ пришелъ къ заключенію, что медіумы, представляющіе собою типъ людей, у которыхъ нижнее сознаніе («безсознательная» сфера) проявляетъ посредствомъ автоматическаго письма содержаніе своихъ идей независимо и безъ вѣдома верхняго сознанія, могутъ оказаться подходящими перципіентами для постановки опытовъ передачи мыслей. Прійдя къ такому выводу, я рѣшилъ поставить рядъ опытовъ для провѣрки выводовъ, а кстати и самихъ фактовъ, которые привели меня къ этимъ выводамъ. Мнѣ нужно было, слѣдовательно, отыскать медіума, который согласился бы предоставить себя въ мое полное распоряженіе для изслѣдованій.

Случай — этотъ добрый ангелъ каждаго изслѣдователя — помогъ мнѣ. Я узналъ, что одна моя знакомая дѣвица Лидія В. обладаетъ способностью графическаго автоматизма, которую она открыла въ себѣ, когда вздумала однажды въ шутку устроить спиритическій сеансъ въ компаніи со своими сестрами. Сеансъ свой они устроили по шаблону спиритовъ, о которомъ я нахожу нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что на спиритическихъ сеансахъ вмѣсто карандаша въ рукахъ у медіума фигурируетъ чаще всего традиціонное «блюдце», которымъ медіуму гораздо легче оперировать, чѣмъ карандашомъ; сеансъ обыкновенно устраивается такъ: кладутъ на столъ листъ бумаги, на которомъ изображены въ какомъ угодно порядкѣ бук-

вы алфавита; на листъ кладутъ обыкновенное блюдце донышкомъ вверхъ и на какомъ-либо краѣ блюдца чертятъ чернилами стрѣлку, направленную отъ центра блюдца къ краю; медіумъ усаживается за столъ и кладетъ кисть своей руки на блюдце, которое вскорѣ начинаетъ двигаться; другое лицо садится по близости, слѣдитъ за движеніемъ блюдца и записываетъ тѣ буквы, на которыя послѣдовательно указываетъ стрѣлка, нарисованная на краю блюдца.

Сеансъ начинается съ того, что кто-либо изъ присутствующихъ задаетъ «духу» вопросъ о чемъ-либо; черезъ нѣкоторое время рука съ блюдцемъ начинаетъ медленно двигаться и своей стрѣлкой указывать послѣдовательно буквы, передъ которыми блюдце обыкновенно на мгновеніе останавливается; изъ этихъ буквъ, которыя пунктуально записываются другимъ лицомъ, составляются слова, фразы и длинныя разсужденія, служащія отвѣтомъ на поставленный «духу» вопросъ. Во время сеанса медіумъ можетъ разговаривать, заниматься чѣмъ угодно и часто даже не глядѣть на листъ съ алфавитомъ, а рука тѣмъ не менѣе будетъ двигаться къ опредѣленнымъ буквамъ и давать такимъ образомъ связный, толковый отвѣтъ на вопросъ.

Въ этихъ опытахъ вмѣсто карандаша фигурируютъ, слѣдовательно, блюдце со стрѣлкой и готовый алфавитъ; это имѣетъ много преимуществъ передъ карандашомъ и вотъ почему: когда медіумъ пишетъ карандашомъ, ему приходится продѣлывать рядъ весьма сложныхъ координированныхъ движеній, требующихъ къ тому же много усилій въ виду тренія между бумагой и остріемъ карандаша; при такихъ условіяхъ медіумъ невольно можетъ чувствовать, что именно онъ пишетъ, а потому полной «безсознательности» записыванія можно достигнуть лишь при трансѣ медіума, что не всегда имѣетъ мѣсто.

Когда же фигурируетъ блюдце и готовый алфавитъ, тогда дѣло значительно упрощается: рука, во 1-хъ, должна продѣлывать лишь самыя простыя движенія (взадъ и впередъ) и, во 2-хъ, имѣя точку опоры на блюдцѣ съ

гладкими краями, она очень легко скользитъ по бумагѣ; если къ этому прибавить еще, что медіумъ можетъ совершенно не глядѣть на алфавитъ, то станетъ понятнымъ, что при такихъ условіяхъ медіумъ въ состояніи очень легко автоматически «записывать» отвѣты и въ то же время совершенно не знать ихъ содержанія, хотя онъ и очень далекъ отъ транса.

Вотъ почему и я въ своихъ опытахъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, нашелъ для себя удобнымъ воспользоваться спиритическимъ шаблономъ, замѣнивъ лишь традиціонное блюдце кускомъ простого картона, вырѣзаннаго въ видѣ трехугольника и укрѣпленнаго на трехъ костяныхъ запонкахъ: такой трехугольничекъ — планшетка — очень легко и безшумно скользитъ по бумагѣ и какимъ-либо концомъ своимъ или укрѣпленной на немъ бумажкой стрѣлкой указываетъ на буквы.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ опытовъ съ Лидіей В., которые были произведены мною въ концѣ 1906 и началѣ 1907 гг., считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько данныхъ о самой Лидіи. Ей 18 лѣтъ отъ роду; она окончила гимназію и въ настоящее время учится на Высшихъ женскихъ курсахъ. Съ объективной стороны Лидія никакихъ аномалій не проявляетъ: чувствительность вездѣ нормальна, анэстезій не замѣчается, рефлексы слегка повышены. По характеру своему она — человѣкъ спокойный, сдержанный, нѣсколько флегматичный и вдумчивый; въ семьѣ пользуется нѣкоторымъ вліяніемъ на другихъ. Будучи вообще довольно самостоятельнымъ человѣкомъ, она, однако, обнаруживаетъ частенько недостатокъ воли тамъ, гдѣ надо принимать быстрыя рѣшенія и дѣйствовать. Изъ біографіи ея важно отмѣтить одинъ фактъ: когда ей было 8 — 9 лѣтъ отъ роду, она въ теченіе продолжительнаго времени страдала зрительными галлюцинаціями, на почвѣ которыхъ сплетала иногда увлекательныя «тарасконады»; лишь по исчезновеніи этихъ явленій родные поняли, что это было нѣчто ненормальное; сама же Лидія ничего не помнитъ о томъ періодѣ своей жизни и о своихъ видѣніяхъ. Небезын-

тересно еще отмѣтить, что одна сестра ея страдаетъ форменными припадками истеріи, хотя и въ слабой формѣ. Больше ничего заслуживающаго нашего вниманія ни въ Лидіи В., ни среди ея родныхъ нѣтъ.

Итакъ, я, располагая подходящимъ психологическимъ объектомъ, приступилъ къ изслѣдованію интересующихъ меня медіумическихъ явленій и провѣркѣ своихъ, такъ сказать, апріорныхъ выводовъ. Въ опытахъ моихъ, кромѣ меня и Лидіи, принимала иногда участіе ея сестра, когда мнѣ необходима бывала помощь третьяго лица; она въ такихъ случаяхъ была незамѣнимымъ для меня по своей внимательности и терпѣливости помощникомъ-ассистентомъ.

Расположеніе опытовъ было такое же, какъ у спиритовъ: Лидія сидѣла за столомъ и держала руку на картонномъ трехугольничкѣ; сестра ея слѣдила за движеніемъ руки и записывала буквы; я ставилъ вопросы. Отъ спиритическихъ сеансовъ мои опыты отличались, однако, одной маленькой и весьма существенной для моей цѣли подробностью: въ спиритическихъ кружкахъ вопросы ставятся обыкновенно кѣмъ-либо изъ присутствующихъ вслухъ, а я въ виду поставленной себѣ задачи рѣшилъ ставить вопросы не вслухъ, а про себя.

Въ самомъ дѣлѣ, если правильно было мое допущеніе, что въ медіумическихъ явленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ непосредственной передачей мыслей отъ присутствующихъ къ медіуму, то я долженъ получить правильный отвѣтъ на вопросъ и въ томъ случаѣ, если свой вопросъ не произнесу совершенно; при такой постановкѣ опытъ становится чистымъ и весьма убѣдительнымъ: если ни Лидія, ни сестра ея не знаютъ, что я задумалъ, то полученный правильный отвѣтъ не допускаетъ никакихъ объясненій, кромѣ одного — яснаго и простого: мысль передается непосредственно

Вотъ мои первые опыты:

Вопросъ. Какъ отдѣлаться отъ скверной привычки?

Отвѣтъ. Я скажу — больше выдержки.

Вопросъ. Какъ бороться съ неудачею въ жизни?

Отвѣтъ. Энергія и бодрость духа — почти все въ

жизни; пусть неудача не сломитъ бодрости духа — тогда все хорошо.

Вопросъ. Чѣмъ объяснить это явленіе?

Отвѣтъ. Нужно вѣрить въ силу сверхъестественнаго, но и критически разбираться въ этомъ.

Я еще разъ подчеркиваю, что вопросы свои ставилъ мысленно, такъ что ни Лидія, ни сестра ея не могли знать ихъ; тѣмъ не менѣе, отвѣты, какъ это видно, не были случайными, а прямо отвѣчали на вопросъ. Возможность мистификаціи со стороны Лидіи (если бы она была способна на это) совершенно отпадала, такъ какъ она не только не знала, что я задумалъ, но и не знала также, что написала. Все это происходило совершенно автоматически: мы разговаривали, смѣялись, шутили надъ духами, а въ это время рука Лидіи медленно двигалась къ опредѣленнымъ буквамъ, и ассистентъ записывалъ ихъ.

Къ этому я долженъ прибавить еще слѣдующую подробность: азбука была набросана карандашомъ на обыкновенномъ газетномъ листѣ, и буквы алфавита были такъ слабо видны, что для того, чтобы различить ихъ, мнѣ и сестрѣ Лидіи приходилось наклоняться къ самому столу; между тѣмъ Лидія не только не наклонялась къ листу, но часто даже не глядѣла на него. Это обстоятельство сначала вызывало мое недоумѣніе: какъ могла рука Лидіи двигаться къ опредѣленнымъ буквамъ, разъ Лидія не глядитъ на нихъ?

Мое недоумѣніе, однако, вскорѣ разсѣялось: видоизмѣнивъ нѣсколько постановку опытовъ, я убѣдился, что, хотя Лидія не глядитъ на буквы, она тѣмъ не менѣе ихъ видитъ безсознательно, т. е. не верхнимъ, а нижнимъ сознаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоило мнѣ только завязать Лидіи глаза или велѣть ей закрыть ихъ, какъ рука переставала двигаться или блуждала въ безпорядкѣ во всѣ стороны; ясно, что участіе зрѣнія Лидіи въ моихъ опытахъ было необходимо, но, повидимому, Лидія видѣла буквы не прямымъ, а периферическимъ зрѣніемъ; въ послѣднемъ случаѣ можно, какъ извѣстно, многое видѣть и не сознавать. Въ переводѣ на нашъ языкъ это значитъ,

что нижнее сознаніе Лидіи во врем.я опытовъ видитъ буквы алфавита периферіей глаза.

Итакъ, приведенные опыты доказали мнѣ основательность моей гипотезы о сущности медіумическихъ «откровеній». Желая, однако, всячески провѣрить ее, я пошелъ дальше. Если мое объясненіе вѣрно, т. е. если, дѣйствительно, тутъ происходитъ мысленное внушеніе, то я долженъ былъ ожидать, что любое задуманное мною слово передастся и запишется такимъ же путемъ. Опыты, поставленные въ этомъ направленіи, не замедлили подтвердить мое ожиданіе и въ то же время обнаружили рядъ интересныхъ «ошибокъ».

Вотъ нѣсколько такихъ опытовъ:

Задумано:	*Написано:*
свѣча	свѣчка
подушка	к... ш... подушка
сныъ	*синалъ*
кровать	*револьверъ*
кровать	*приволье*
бумага	бумага
лощадь	лошадь
газета	журналъ
икона	рожа
стаканъ	самоваръ
поле	трава
лобъ	*слово*
сенеа	*сн... нех...*
Алексѣй	Александра
Николай	Николай
звонокъ	звонокъ
рѣка	лодка.

Несмотря на много «ошибокъ» въ написанныхъ отвѣтахъ, опыты эти должно признать весьма убѣдительными въ смыслѣ доказательства передачи мыслей при автоматическомъ письмѣ медіумовъ: изъ этихъ опытовъ очевидно, что медіумъ, дѣйствительно, воспринимаетъ мысли, возникающія у другого лица, и записываетъ ихъ автоматически.

Что же касается «ошибокъ», то характеръ ихъ въ

общемъ сводится къ какой-либо ассоціаціи: либо по смежности, либо по контрасту, либо по сходству звуковому или зрительному. Этотъ характеръ ошибокъ является, какъ я выше сказалъ, интереснымъ для насъ, ибо онъ даетъ важныя указанія для выясненія самаго процесса передачи мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, если вмѣсто задуманнаго мною слова, передается помимо моей воли и моего вѣдома другое слово на основаніи ассоціаціи по сходству (звуковому: снѣгъ — сигналъ, лобъ — слово, кровать — приволье) или по смежности (газета — журналъ, стаканъ — самоваръ), то, очевидно, эти ассоціативные образы возникли въ моемъ нижнемъ сознаніи въ связи съ протекавшими въ моемъ верхнемъ сознаніи мыслями-словами. Если же это такъ, то, значитъ, не только автоматическое записываніе, какъ это я выше объяснялъ, осуществляется нижнимъ сознаніемъ, но и самое возникновеніе мысленныхъ образовъ у агента и воспріятіе ихъ медіумомъ имѣетъ мѣсто въ нижнемъ сознаніи того и другого; иначе нельзя объяснить возможность совершенно неожиданныхъ «ошибокъ» по ассоціаціи.

Такимъ образомъ, весь процессъ разыгрывается преимущественно въ предѣлахъ нижняго сознанія агента и медіума: образъ, возникающій въ верхнемъ сознаніи агента, передается его же нижнему сознанію или вызываетъ въ немъ какой-либо ассоціативный образъ; возникшій такимъ путемъ въ нижнемъ сознаніи агента образъ сопровождается выдѣленіемъ психической энергіи, которая устремляется изъ мозга агента и тѣмъ или инымъ путемъ достигаетъ мозга медіума; здѣсь она вызываетъ соотвѣтственный образъ въ нижнемъ же сознаніи, которое автоматически записываетъ его. Слѣдовательно, автоматическое письмо медіума въ данномъ случаѣ нужно разсматривать, какъ реакцію нижняго сознанія на возбужденіе, пришедшее извнѣ въ видѣ психической энергіи другого лица: автоматическое письмо медіума есть психическій рефлексъ, осуществляемый нижнимъ сознаніемъ.

При такомъ взглядѣ на сущность медіумической способности становится понятнымъ очень многое изъ того, что происходитъ на спиритическихъ сеансахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нижнемъ сознаніи участниковъ сеанса можетъ въ связи съ тѣмъ или инымъ вопросомъ, который ставится «духу», возникнуть цѣлый рядъ ассоціативныхъ образовъ, о которыхъ верхнее сознаніе въ данный моментъ не будетъ имѣть никакого представленія; эти ассоціативные образы, которые могутъ содержать въ себѣ много интереснаго, передадутся нижнему сознанію медіума и автоматически запишутся имъ; неудивительно, что полученная такимъ образомъ автоматическая запись сообщаетъ намъ иногда такія интимныя подробности или сокровенныя тайны участниковъ, что послѣдніе невольно испытываютъ паническій трепетъ и легко склоняются къ допущенію сверхъестественнаго вмѣшательства въ лицѣ всевѣдущихъ «духовъ».

А разъ идея о «духахъ» пріобрѣтаетъ себѣ много сторонниковъ и вѣра въ «духовъ» прочно укрѣпляется въ сознаніи спиритовъ, то получается уже заколдованный кругъ, изъ котораго спириты собственными силами не въ состояніи выпутаться. Въ самомъ дѣлѣ, спириты населили своими «духами» весь видимый міръ; вѣрой въ «духовъ» отравлено сплошь все сознаніе — верхнее и нижнее — спиритовъ; «духи» завладѣли ихъ сознаніемъ и вытѣснили оттуда здравую критическую мысль; въ силу этого, когда спириты ставятъ «духу» вопросъ, то нижнее сознаніе ихъ ждетъ отвѣта именно отъ «духа» и даже отъ опредѣленнаго «духа» (такъ наз. покровителя даннаго кружка); возникающіе при этомъ образы и представленія будутъ передаваться нижнему сознанію медіума, который автоматически записываетъ; разумѣется, что эта запись будетъ разсказывать намъ о тѣхъ «духахъ» и даже отъ имени тѣхъ «духовъ», которыми заселено все сознаніе спиритовъ: медіумъ, будучи даже совершенно свободенъ отъ спиритическихъ бредней, все-таки запишетъ автоматически всѣ эти бредни; словомъ, характеръ и содержаніе отвѣтовъ медіума зависитъ отъ того, что думаютъ и чувствуютъ участники сеанса.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытно признаніе, которое дѣлаетъ убѣжденный спиритъ итальянскій проф. Лаппони: «удивительна легкость — говоритъ онъ — съ какой духи умѣютъ приспособлять свои вкусы ко вкусамъ своихъ почитателей... Духи раздѣляютъ убѣжденія, исповѣдуемыя участниками сеанса: они благочестивы съ вѣрующими, нѣжны и сентиментальны съ влюбчивыми, благоразумны съ разсудительными, положительны и практичны съ дѣловыми людьми; отличаются знаніями передъ тѣми, кто любитъ науку; веселы — съ любящими пожить; простоваты и неотесаны съ простыми людьми». [1])

Это обстоятельство представляется спириту Лаппони до того страннымъ, что онъ, спиритъ, готовъ даже допустить въ такихъ случаяхъ мистификацію со стороны медіумовъ. Съ нашей точки зрѣнія нѣтъ, конечно, нужды въ такомъ допущеніи, которое и со спиритической стороны не должно быть пріемлемымъ хотя бы потому, что указанное Лаппони обстоятельство является на спиритическихъ сеансахъ не исключеніемъ, а правиломъ. Дѣло, какъ я выше указалъ, объясняется гораздо проще: на сеансахъ медіумы по существу своему суть не что иное, какъ мысленное или психическое эхо своихъ сосѣдей.

Однако, необходимо сдѣлать оговорку, что не всегда это бываетъ такъ, т. е., что не всегда медіумы бываютъ только эхомъ. Дѣло въ томъ, что нижнее сознаніе медіума не представляетъ собою чистаго листа, а подчасъ бываетъ заполнено собственнымъ содержаніемъ; въ зависимости отъ этого и могутъ получаться иногда самыя разнообразныя и неожиданныя записи: если нижнее сознаніе медіума совершенно или почти свободно отъ собственнаго содержанія, оно будетъ точно записывать всякую полученную психическую «телеграмму»; если же оно чѣмъ-либо занято, то въ отвѣтъ на вопросъ мо-

[1]) Лаппони. Гипнотизмъ и спиритизмъ. Рус. пер. 1907 г. стр. 136.

жетъ записаться иногда такая чушь, что останется только руками развести. Такъ, напр., въ самомъ началѣ моихъ опытовъ съ Лидіей В., когда сознаніе ея было, повидимому, не совсѣмъ свободно отъ «духовъ», я на вопросъ «кто ты?», мысленно обращенный мною къ «духу», получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Печальный демонъ я, духъ изгнанья, спутникъ зла, вселяющій сомнѣніе и порокъ». Но стоило мнѣ только развить передъ моей барышней здравыя мысли о сущности автоматическаго письма, какъ такого рода отвѣты совершенно исчезли.

Однако, время отъ времени, «отсебятина» въ какомъ-либо другомъ родѣ все-таки появлялась, и къ этому надо всегда быть готовымъ, чтобы не приходить въ тупикъ; такъ, напр., на задуманное мною слово «полотенце» я получилъ слѣдующій отвѣтъ: «несчастіе у всѣхъ, а въ душѣ каждый думаетъ плохо о другомъ». Чаще всего «отсебятина» въ отвѣтахъ Лидіи появлялась тогда, когда у нея бывали какія-либо душевныя непріятности; въ такихъ случаяхъ необходимо было прекращать опыты на нѣсколько дней, пока нижнее сознаніе Лидіи приходило въ равновѣсіе.

Выше мы видѣли, какъ небольшой анализъ «ошибокъ» въ отвѣтахъ Лидіи далъ возможность выяснить отчасти самый процессъ передачи мыслей. Переходя теперь къ выясненію условій, благопріятствующихъ этому процессу, мы можемъ найти соотвѣтственныя поучительныя указанія также въ упомянутомъ анализѣ.

Читатель помнитъ, что на основаніи опытовъ съ Софьей Штаркеръ я пришелъ къ заключенію, что характеръ ошибокъ при передачѣ мыслей — зрительный или слуховой — обусловливается, по всей вѣроятности, типомъ мышленія у агента; на этомъ же основаніи я тогда заключилъ, что у меня лично преобладаетъ зрительный типъ мышленія. Анализируя теперь отвѣты Лидіи на задуманныя мною слова, я замѣтилъ также, что луч-

ше всего передавались названія предметовъ, которые находились передъ моимъ взоромъ — физическимъ или умственнымъ, т. е. на которые я непосредственно глядѣлъ или которые себѣ представлялъ; если же случались ошибки, то они были ассоціаціями преимущественно оптическаго характера.

Въ виду этого я пришелъ къ заключенію, что мыслю главнымъ образомъ зрительными образами и что возникающая въ моемъ мозгу психическая энергія достигаетъ гораздо большаго напряженія при зрительныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ при слуховыхъ; степень же напряженія психической энергіи должна всецѣло зависѣть отъ силы зрительныхъ впечатлѣній: чѣмъ послѣднія будутъ ярче и многообразнѣе, тѣмъ выше должно быть напряженіе возникающей психической энергіи и, слѣдовательно, тѣмъ успѣшнѣе должны быть результаты опытовъ при мысленномъ внушеніи.

Чтобы провѣрить эти выводы, я поставилъ рядъ новыхъ опытовъ, для которыхъ воспользовался столь модными въ наше время иллюстрированными открытками: послѣднія представляютъ громадный выборъ всевозможныхъ видовъ, которые по богатству красокъ и разнообразію содержанія, несомнѣнно, производятъ на нашъ глазъ сильное впечатлѣніе, несравнимое съ впечатлѣніемъ отъ обыкновенныхъ предметовъ.

Расположеніе этихъ опытовъ было слѣдующее: Лидія сидѣла, какъ всегда, у стола и держала руку на картонной планшеткѣ; противъ нея сидѣла сестра ея и записывала буквы на листочкѣ такъ, чтобы Лидія не могла видѣть, какія именно буквы пишутся; я усаживался неподалеку отъ Лидіи (иногда сзади нея), доставалъ изъ своего бокового кармана открытку, принесенную съ собой (слѣдов., она не могла быть извѣстна ни Лидіи, ни сестрѣ) и, держа открытку предъ собой такъ, чтобы никто не могъ ее видѣть, начиналъ глядѣть на нее. Черезъ нѣкоторое время (иногда 5 — 10 мин., иногда полчаса и больше) рука Лидіи начинала медленно двигаться по листу и указывать носикомъ

картона опредѣленныя буквы, которыя точно записывались ассистентомъ (сестрой Лидіи). Когда ассистентъ сообщалъ мнѣ, что записалась цѣлая картина, я прекращалъ опытъ. Во время самаго писанія мы отнюдь не хранили благоговѣйнаго молчанія, а, наоборотъ, разговаривали о различныхъ вещахъ, шутили, смѣялись — словомъ, вели непринужденную бесѣду; при этомъ я, однако, не забывался ни на секунду и держалъ открытку все время такъ, чтобы никто не могъ ее видѣть.

И вотъ при такихъ условіяхъ опыта оказалось, что Лидія автоматически описывала содержаніе открытокъ, которыя находились въ моихъ рукахъ; при чемъ, описанія-отвѣты содержали часто указанія на такія характерныя детали изображенныхъ на открыткѣ видовъ, что фактъ передачи ихъ не могъ быть объясненъ никакими случайными совпаденіями; опыты съ открытками окончательно рѣшили вопросъ о сущности медіумическихъ явленій и въ то же время доказали съ поразительной убѣдительностью возможность мысленнаго внушенія не только отдѣльныхъ словъ, но цѣлыхъ картинъ.

Я не стану здѣсь приводить всѣхъ своихъ опытовъ съ открытками: эти опыты убѣдительны не своимъ количествомъ, а, такъ сказать, индивидуальностью каждой открытки-задачи и характерностью описанія-отвѣта; въ этихъ опытахъ одинъ положительный результатъ дороже и убѣдительнѣе, чѣмъ десятокъ отрицательныхъ; но у меня, однако, на десятокъ положительныхъ попадался одинъ отрицательный, что, конечно, еще болѣе убѣдительно.

Вотъ для иллюстраціи нѣсколько опытовъ:

Опытъ 1. Передо мной слѣдующая открытка: подернутая легкой рябью поверхность моря; далеко на горизонтѣ линія горъ; на первомъ планѣ, справа, каменистый берегъ, около котораго бьется рыбачья лодка; надъ лодкой на берегу стоитъ, облокотившись на деревянныя перила, молодая женщина въ чепцѣ и глядитъ въ море.

Точно записанный отвѣтъ гласитъ: «голубоватая

даль... тамъ небо сливается съ синѣющимъ моремъ... кругомъ необъятный просторъ... море, какъ въ сказкѣ — спокойно... синее, красивое... какія мысли могутъ явиться среди этого простора... какъ легко вздохнетъ здѣсь всякій... вотъ тамъ, опершись руками на какой-то столбъ, видна какъ будто фигура... сколько тоски въ этой позѣ... тоски по простору и по той красотѣ, которую она видитъ только здѣсь... среди самой необъятной природы» [1])

Опытъ 2. Открытка изображаетъ: зеленое поле; справа на первомъ планѣ желтые колосья и яркіе полевые цвѣты; вдали группа домиковъ, окруженная деревьями; фонъ картины — голубое небо съ бѣло-молочными облаками и птицами въ видѣ точекъ.

Отвѣтъ: «Голубое небо... яркіе цвѣты... на горизонтѣ чуть виднѣются какія-то постройки... осѣненныя деревьями... вдали будто точки видны... будто что-то живое... далеко будто узенькая полоска чего-то свѣтлаго... можетъ быть, это облака легкой грядой проходятъ...»

Опытъ 3. Открытка: слѣва виденъ кусочекъ моря; всю же открытку занимаетъ высокій каменистый берегъ, покрытый мѣстами кустарникомъ; на берегу подымается высокая бѣлая (должно быть мѣловая) скала, у подножія которой — маленькая избушка.

Отвѣтъ: «Бѣлыя горы... блестящія... внизу, у подножія ютится домикъ... зелень тоже видна...»

Опытъ 4. Открытка: гладкая поверхность озера; вдали ровная линія горъ, у подножія которыхъ на берегу озера видны въ двухъ мѣстахъ дома; на первомъ планѣ женщина стоитъ въ лодкѣ и, упираясь шестомъ въ дно озера, передвигаетъ лодку.

Отвѣтъ: «Вода... ощущеніе свѣжести и тихій шумъ воды... небо ли такъ отражается въ водѣ своей синевой... или то просто цвѣтъ моря сапфирный... вотъ что-то тихо качается... на волнахъ... какъ будто лодка... что-то черное поднимается въ ней... это человѣкъ... женщина...»

[1]) Многоточіе я ставилъ тамъ, гдѣ Лидія во время писанія дѣлала паузу.

Этихъ примѣровъ пока достаточно. Я не стану долго останавливаться на нихъ, такъ какъ опыты эти слишкомъ убѣдительны, чтобы нужно было еще тратить слова: никакія слова не могутъ быть такъ краснорѣчивы и убѣдительны, какъ сами факты; пусть же всѣ, кому дороги интересы и прогрессъ науки, убѣдятся путемъ контрольныхъ опытовъ надъ подходящимъ медіумомъ въ томъ, что приведенные мною факты соотвѣтствуютъ дѣйствительности; индиферентизмъ къ этому со стороны серьезныхъ психологовъ явился бы великимъ грѣхомъ передъ наукой.

Наиболѣе интереснымъ въ приведенныхъ опытахъ, помимо самого факта мысленной передачи сложныхъ зрительныхъ образовъ, является еще характеръ описаній-отвѣтовъ: во-1-хъ, они производятъ такое впечатлѣніе, будто самъ медіумъ находится въ той обстановкѣ природы, которую онъ автоматически описываетъ на основаніи полученныхъ мысленныхъ «телеграммъ», и во 2-хъ, описаніе картинъ сопровождается иногда рядомъ вызванныхъ послѣдними эмоцій.

Что касается перваго обстоятельства, то, повидимому, для нижняго сознанія медіума безразлично, откуда приходятъ къ нему впечатлѣнія: изъ внѣшняго міра дѣйствительнаго или отъ копіи его на картинѣ, черезъ верхнее ли сознаніе самого медіума или черезъ верхнее сознаніе агента съ мысленной передачей ихъ медіуму; оно, это нижнее сознаніе, не входитъ и, вѣроятно, не можетъ входить въ оцѣнку способовъ поступленія къ нему впечатлѣній изъ внѣшняго міра: оно оцѣниваетъ лишь самыя впечатлѣнія и старается на основаніи ихъ составить себѣ представленіе о внѣшнемъ мірѣ.

Что касается второго обстоятельства, т. е. эмоціональной окраски полученныхъ отъ медіума описаній - отвѣтовъ, то было бы интересно рѣшить вопросъ, гдѣ возникаютъ эти эмоціи — у меня, когда я гляжу на открытку, или въ нижнемъ сознаніи медіума, когда оно оцѣниваетъ полученныя впечатлѣнія, т е., иными словами, передаются ли отъ меня вмѣстѣ съ зрительными образами также и вызванныя ими эмоціи, или послѣднія возникаютъ уже въ нижнемъ сознаніи медіума; цѣлый рядъ фактовъ, о которыхъ рѣчь будетъ еще ниже, доказываютъ, что имѣетъ мѣсто и то, и другое; во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ зрительными образами могутъ передаваться и соотвѣтственныя эмоціи — иногда же передаются почти исключительно однѣ эмоціи.

Въ общемъ, нижнее сознаніе медіума является какъ бы эхомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя попадаютъ или возникаютъ въ сознаніи другого лица, или еще лучше сказать, что нижнее сознаніе является какъ бы «говорящей» свѣточувствительной пластинкой фотографическаго аппарата: какія впечатлѣнія въ него попали, о тѣхъ оно намъ автоматически и точно сообщаетъ посредствомъ соотвѣтственныхъ знаковъ живой рѣчи; нижнее сознаніе медіума есть живой регистрирующій аппаратъ для воспріятія мысленныхъ образовъ другого лица.

Таковы тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи вышеприведенныхъ опытовъ. Считаю нужнымъ тутъ же заявить, что нахожу излишнимъ всякій разъ подолгу останавливаться на доказательствѣ правильности моихъ выводовъ: дальнѣйшіе опыты сами покажутъ, насколько я былъ правъ; факты, повторяю, убѣдительнѣе всякихъ словъ — я же ручаюсь за непреложность сообщаемыхъ мною фактовъ.

Изъ цѣлаго ряда опытовъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, я замѣтилъ также, что лучше всего передавались тѣ открытки, на которыхъ были изображены достаточно широкія по своимъ перспективамъ картины, т. е. картины природы съ открытымъ горизонтомъ и многими характерными подробностями, хорошо замѣтными въ окружающей природѣ; картины, изображающія тѣсную улицу или сцену въ комнатѣ, передавались плохо; съ большимъ трудомъ или совсѣмъ не передавались изображенія отдѣльныхъ предметовъ или животныхъ. Чѣмъ шире горизонтъ на картинѣ, чѣмъ больше въ ней простора для глазъ, тѣмъ точнѣе и лучше передается она;

описаніе картины начинается обыкновенно съ общихъ контуровъ, перспективы, горизонта, а затѣмъ идутъ уже частности, о которыхъ иногда лишь мелькомъ или совсѣмъ не упоминается, хотя бы эта частность на самой открыткѣ занимала большое мѣсто. Въ этомъ можно убѣдиться уже изъ приведенныхъ опытовъ, но вотъ для примѣра еще одинъ интересный въ этомъ отношеніи опытъ.

Опытъ 5. На открыткѣ изображено: желтое поле; вдали на горизонтѣ темныя пятна деревьевъ и какъ будто строеніе; на первомъ планѣ высокая зеленая трава и слѣва группа деревьевъ, передъ которыми на самомъ первомъ планѣ изображена почти во всю ширину открытки большая бѣлая собака, которая держитъ въ зубахъ зайца и одновременно дѣлаетъ стойку передъ какой-то дичью, летающей тутъ же въ травѣ.

Отвѣтъ: «Голубой горизонтъ... яркая зелень... полоской тянется темная зелень... больше ничего не видно... что-то виднѣется... какъ будто даже живое... какое-то животное... пожалуй нѣсколько... не разберу... какая-то корова что ли... не знаю».

Итакъ, собака, которая изображена во всю ширину открытки, представляется нижнему сознанію Лидіи, какъ что-то едва замѣтное, съ трудомъ различаемое; нижнее сознаніе какъ будто находится среди той природы, которую оно описываетъ; въ самомъ дѣлѣ, если представить себѣ наблюдателя находящимся гдѣ-либо въ этомъ полѣ, то весьма возможно, что большая собака въ высокой травѣ будетъ издали едва видна и ее съ трудомъ различишь отъ коровы или другого животнаго.

Какъ объяснить себѣ то обстоятельство, что картины безъ широкихъ перспективъ и отдѣльныя, даже крупныя, детали на другихъ картинахъ часто очень плохо или совсѣмъ не передаются, — объ этомъ я скажу впослѣдствіи. А пока замѣчу лишь, что изъ этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать выводъ, будто картины съ широкими перспективами обыкновенно такъ похожи другъ на друга, что удачные отвѣты медіума можно объяснить случайнымъ совпаденіемъ;

пусть гг. скептики говорятъ, что имъ угодно, но я скажу, что отвѣты, гдѣ помимо описанія общаго фона указываются такія характерныя детали, какъ: женщина, облокотившаяся на перила; черная фигура въ лодкѣ; бѣлая скала съ избушкой у подножія и друг., — такіе отвѣты никакими случайными совпаденіями объяснить нельзя: это слишкомъ очевидно и убѣдительно, чтобы нужно было тратить слова на доказательства.

Наконецъ, изъ своихъ опытовъ я замѣтилъ еще слѣдующее: для того, чтобы картина передалась, нѣтъ нужды глядѣть на нее все время, пока Лидія пишетъ; достаточно лишь одну минуту вглядѣться въ открытку и затѣмъ спрятать ее — она все равно передастся. Мало того, волевое усиліе, т. е. верхнее сознаніе ровно никакой роли при передачѣ той или иной детали не играетъ: я могу, какъ угодно, долго и упорно глядѣть на какую-либо, даже очень крупную , деталь на картинѣ съ желаніемъ ее передать Лидіи, но изъ этого можетъ ровно ничего не выйти — передастся только то, что моему нижнему сознанію больше говоритъ, чѣмъ верхнему. Такъ, въ послѣдней открыткѣ я очень хотѣлъ, чтобы собака съ зайцемъ въ зубахъ передалась, и потому очень упорно глядѣлъ на нее; а между тѣмъ она все-таки едва-едва передалась. Съ другой стороны, передаются часто такія детали, на которыя я ровно никакого вниманія во время опыта не обратилъ и лишь по прочтеніи отвѣта узналъ про ихъ существованіе. На основаніи этого обстоятельства я нахожу возможнымъ сдѣлать тотъ выводъ, что передача зрительныхъ впечатлѣній совершается отъ моего нижняго сознанія къ нижнему сознанію Лидіи почти безъ всякаго участія нашего верхняго сознанія.

Чтобы провѣрить это заключеніе, я поставилъ рядъ слѣдующихъ опытовъ.

Изъ пачки имѣвшихся у меня въ карманѣ открытокъ, составъ которыхъ мною постоянно обновлялся, я доставалъ первую попавшуюся и, не глядя на нее, т. е. не фиксируя ее своимъ взоромъ, подносилъ на 2 — 3 секунды къ

своимъ обращеннымъ въ сторону глазамъ, затѣмъ пряталъ; при такихъ условіяхъ я совершенно не зналъ содержанія той открытки, которая была передъ моими глазами — тѣмъ не менѣе автоматическій отвѣтъ Лидіи правильно описывалъ картину. Тутъ, слѣд., открытку видѣло мое нижнее сознаніе, которое безъ участія моего верхняго сознанія передавало ее нижнему сознанію Лидіи.

Но вскорѣ я замѣтилъ, что при такой постановкѣ опытовъ сравнительно часто писались совершенно невѣрные отвѣты, что при участіи верхняго сознанія (т. е. при фиксированіи открытокъ) случалось рѣдко; отсюда ясно, что верхнее сознаніе все-таки принимаетъ нѣкоторое участіе въ передачѣ картинъ — быть можетъ, это участіе выражается въ контролѣ надъ правильностью полученныхъ нижнимъ сознаніемъ впечатлѣній, при чемъ верхнее сознаніе играетъ роль электрической кнопки: нажимая эту кнопку, мы направляемъ психическій разрядъ по опредѣленному пути; характеръ же и сила дѣйствія, т. е. эффектъ разряда, всецѣло зависитъ отъ содержанія нижняго сознанія на этомъ пути.

Таковы общіе результаты моихъ опытовъ надъ мысленной передачей непосредственныхъ зрительныхъ впечатлѣній отъ картинъ на открыткахъ. Послѣ того я поставилъ рядъ другихъ опытовъ, которые должны были показать мнѣ, передаются ли и какъ передаются зрительные образы воспоминанія, т. е. воспроизведенныя представленія. Съ этой цѣлью я, вмѣсто того, чтобы глядѣть на открытку, старался представить себѣ тѣ дѣйствительныя картины природы, которыя я когда-либо видѣлъ, или вообще то, что я когда-либо видѣлъ и что оставило слѣдъ въ моей памяти.

Вотъ нѣсколько опытовъ такого рода.

Опытъ 6. Задача. Я представляю себѣ Цейскій ледникъ на Кавказѣ, гдѣ я былъ два года тому назадъ. Все залито солнцемъ. Я вспоминаю главнымъ образомъ о себѣ, о проводникѣ, который велъ меня за руку по скользкому льду, и о томъ, какъ я въ одномъ мѣстѣ чуть

не полетѣлъ въ расщелину. Объ общей картинѣ ледника я почти не думаю — по крайней мѣрѣ сознательно.

Отвѣтъ: «Что-то необъяснимое, блестящее... искрится, горитъ... будто море разноцвѣтныхъ камней... озаренные яркимъ сіяніемъ солнца... что-то бѣлое вдали... будто молочные облака... а внизу что-то зеленѣетъ... какъ красиво на снѣжномъ фонѣ — зеленая стѣна... а тамъ синѣетъ что-то ... точно подернутыя дымкой вершины снѣжныя... что же это блестящее... что-то черное на немъ... маленькія пятна... что это... сверкающая величественная картина... черныя точки шевелятся... очевидно, живое что-нибудь... чортъ возьми, какъ хорошо... весь міръ гдѣ-то далеко... тутъ же одна природа... дикая, прекрасная...»

Долженъ ли я говорить, что описаніе это поразительно точно и поэтично передаетъ общую картину, которую я тогда видѣлъ, и кончаетъ той именно фразой, которая у меня вырвалась, когда я впервые взобрался на вершину и передо мной открылась великолѣпная картина освѣщеннаго солнцемъ ледника съ окаймляющими его зелеными склонами горъ; «черныя же точки, которыя шевелятся» — это были туристы, которые ушли часомъ раньше меня и которыхъ я увидѣлъ вдали на ледникѣ именно въ видѣ только черныхъ точекъ. Все это я вспомнилъ только послѣ того, какъ прочиталъ отвѣтъ, а во время опыта объ этомъ даже и не думалъ.

Опытъ 7. Задача. Я вспоминаю дачу лѣтомъ прошлаго года; на травѣ передъ домомъ дѣти играютъ въ мячъ; особенно мнѣ мила одна дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ съ мячемъ, который больше ея головы; тутъ же нѣсколько взрослыхъ.

Отвѣтъ: «Что-то веселое маленькое... мелькаетъ... что-то свѣтлое... смѣхъ серебристый... ахъ, это дѣтская фигурка... она поднимаетъ тонкія руки... что такое она бросаетъ... какъ мило она наклоняется... какая это игра... вотъ опять звонкій смѣхъ... круглый предметъ летитъ... нѣжныя милыя созданія... какое приволье имъ тутъ... на зеленомъ коврѣ... какъ играетъ солнце на этой прозрачной фигурѣ».

Думаю, что этихъ двухъ опытовъ достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о фактѣ и характерѣ передачи воспроизведенныхъ представленій.

Прежде всего ясно, что послѣднія передаются такъ же, если не лучше, какъ и непосредственныя зрительныя впечатлѣнія отъ открытокъ. Затѣмъ бросается въ глаза то обстоятельство, что образы воспоминанія, независимо отъ моей воли, т. е. верхняго сознанія, всплываютъ въ моемъ нижнемъ сознаніи и передаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они переживались мною въ дѣйствительности; такъ я, вспоминая о ледникѣ, представлялъ себѣ главнымъ образомъ свое опасное движеніе по льду надъ расщелинами и именно эту картину хотѣлъ передать — однако, мое нижнее сознаніе передало общую картину ледника, которая, повидимому, произвела на меня тогда болѣе глубокое впечатлѣніе и оставила первый въ хронологическомъ порядкѣ слѣдъ въ моей памяти; остальныя переживанія на ледникѣ были лишь деталью на общемъ фонѣ этой картины, и они почти не передались. Такимъ образомъ, еще разъ подтверждается, что наше верхнее сознаніе почти никакого участія въ передачѣ зрительныхъ образовъ нижнему сознанію медіума не принимаетъ

Изъ приведенныхъ опытовъ, далѣе, обнаруживается еще то обстоятельство, что воспроизведенныя представленія верхняго и нижняго сознанія не совпадаютъ другъ съ другомъ: въ то время, какъ верхнее сознаніе вспоминаетъ главнымъ образомъ детали, которыя, вѣроятно, сильнѣе запечатлѣваются въ немъ, — нижнее сознаніе воспроизводитъ весь фонъ пережитаго, который, повидимому, лучше охватывается нижнимъ сознаніемъ. Общихъ же правилъ установить, во всякомъ случаѣ, пока еще нельзя, такъ какъ опытъ 7-й показываетъ, что и детали могутъ передаваться нижнимъ сознаніемъ съ поразительной точностью: будто схваченныя фотографическимъ аппаратомъ отдѣльныя сцены и даже позы. Все, повидимому, зависитъ отъ силы впечатлѣнія на насъ той или иной детали.

Наконецъ, опыты съ мысленной передачей воспроизведенныхъ зрительныхъ представленій показываютъ, что послѣднія бываютъ сильно окрашены эмоціонально и что источникъ этой окраски лежитъ во мнѣ, а не въ медіумѣ; изъ этого слѣдуетъ, что воспроизведеніе и передача зрительныхъ образовъ сопровождается воспроизведеніемъ и передачей соотвѣтственныхъ эмоцій. Между прочимъ, этимъ фактомъ окончательно рѣшается въ положительномъ смыслѣ вопросъ о существованіи аффективной памяти; два-три опыта такого рода, какъ приведенные, гораздо быстрѣе и убѣдительнѣе рѣшаютъ этотъ вопросъ, чѣмъ всѣ сложныя разсужденія и косвенныя доказательства, къ которымъ до сихъ поръ по необходимости приходилось прибѣгать: наши эмоціи, несомнѣнно, могутъ быть воспроизведены, причемъ хранилищемъ эмоціональныхъ переживаній является, повидимому, нижнее сознаніе.

Итакъ, въ то время, какъ въ опытахъ съ Софьей мы имѣли дѣло главнымъ образомъ, съ передачей слуховыхъ представленій, въ настоящихъ опытахъ съ Лидіей мы наблюдаемъ почти исключительно передачу зрительныхъ представленій и чувственныхъ эмоцій. При этомъ, такъ какъ съ одной стороны мое личное участіе въ опытахъ въ качествѣ агента устраняетъ предположеніе о возможности какой-либо мистификаціи и такъ какъ съ другой стороны фактъ передачи сложныхъ зрительныхъ представленій исключаетъ всякія окольныя толкованія — какъ-то: чтеніе мышечныхъ движеній, непроизвольное нашептываніе и проч. — то совокупность всѣхъ приведенныхъ опытовъ доказываетъ съ поразительною ясностью и убѣдительностью тотъ фактъ, что мысли могутъ непосредственно передаваться отъ одного лица къ другому.

Если же это такъ, то для научнаго объясненія даннаго явленія остается одна только гипотеза — это именно та, которую я на основаніи теоретическихъ соображеній изложилъ во вступительной главѣ и на основаніи

опытныхъ данныхъ развилъ въ концѣ третьей главы. Я говорю о гипотезѣ психической энергіи; эта гипотеза находится въ полномъ согласіи съ данными опыта и съ современными теоретическими взглядами на сущность всякихъ процессовъ, и только ею при настоящемъ состояніи нашихъ знаній возможно вполнѣ научно объяснить явленіе передачи мыслей. Постараемся же теперь, придерживаясь этой гипотезы и тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы въ концѣ третьей главы на основаніи опытовъ съ Софьей, продолжить наши изслѣдованія.

Прежде всего, необходимо провѣрить нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя надъ Софьей — именно тѣ, что металлическій проводникъ и непосредственный контактъ облегчаютъ передачу мыслей отъ агента къ перципіенту или, иными словами, что металлъ и человѣческое тѣло хорошо проводятъ психическую энергію. Съ этой цѣлью мною былъ поставленъ рядъ опытовъ, въ которыхъ въ качествѣ проводника служилъ мнѣ круглый мѣдный стерженекъ, длиною въ 25 ctm и толщиною въ 5 mm. Взявъ одинъ конецъ этого стержня въ свою руку и велѣвъ Лидіи держать другой конецъ его, я приступилъ къ дѣлу, располагаясь такъ же, какъ и въ предыдущихъ опытахъ; при этомъ, разумѣется, я взглядывалъ на открытку такъ, чтобы никто ее не могъ видѣть.

И вотъ, быстрота и точность, съ которой при этихъ условіяхъ передавалась картина, оказались прямо поразительными: въ то время какъ раньше автоматическое писаніе начиналось черезъ 10 — 15 минутъ послѣ начала опыта и передача всей картины длилась иногда часъ-полтора, теперь писаніе начиналось черезъ 2 — 3 мин. и вся картина передавалась уже въ теченіе 5 — 10 минутъ; при чемъ описаніе становилось такимъ точнымъ, что ясно было, что нижнее сознаніе Лидіи разбирается уже гораздо легче въ полученныхъ впечатлѣніяхъ. Вотъ два опыта для иллюстраціи сказаннаго.

Опытъ 8. Задача-открытка. На первомъ планѣ прудъ; вдали видны купальни; за купальнями зеленый

берегъ съ рощицей; слѣва на первомъ планѣ — высокая скала съ растущими по краю деревьями. Небо синее съ облаками.

Отвѣтъ: «Вода... вдали деревья на берегу... съ одной стороны что-то въ родѣ обрыва... тамъ вдали на водѣ виднѣются рабросанныя строенія... голубое небо съ легкими облаками».

Опытъ 9. Задача-открытка. Зима, слѣва обнаженныя деревья, вдали строенія, замерзшій ручеекъ.

Отвѣтъ: «Зима... сѣроватый тонъ... обнаженныя деревья... на горизонтѣ строенія...»

Передача каждой изъ этихъ открытокъ длилась, повторяю, всего 5 — 10 минутъ, лаконичность и точность отвѣтовъ сами бросаются въ глаза — даже детали передаются. Продѣлавъ еще значительное число такимъ же образомъ организованныхъ опытовъ, я убѣдился, что мѣдный стержень, дѣйствительно, ускоряетъ и улучшаетъ передачу мыслей отъ меня къ Лидіи.

Видоизмѣнивъ затѣмъ свои опыты такимъ образомъ, что я устанавливалъ контактъ между мною и Лидіей безъ стержня, держа ее непосредственно за кисть руки, я могъ убѣдиться, что при такихъ условіяхъ передача картины совершалась гораздо лучше, чѣмъ безъ всякаго прикосновенія; но можно было все-таки замѣтить, что при этомъ описаніе длилось гораздо дольше и было уже не такимъ точнымъ, какъ при употребленіи мѣднаго стержня. Изъ этого обстоятельства позволительно сдѣлать тотъ выводъ, что металлическій проводникъ какимъ-то образомъ способствуетъ быстрой передачѣ психической энергіи отъ одного лица къ другому. Возможно, что тутъ играютъ нѣкоторую роль химическіе процессы и термоэлектричество, развивающіеся при соединеніи руки съ металломъ; во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ долженъ быть еще изслѣдованъ ближе, но фактъ самъ по себѣ не подлежитъ сомнѣнію: мѣдный проводникъ весьма ускоряетъ передачу психической энергіи.

Изъ опытовъ съ металлическимъ проводникомъ выяснилось еще одно въ высшей степени интересное и поучительное обстоятельство, которое тѣмъ болѣе цѣнно, что я его совершенно не ожидалъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Обыкновенно я передъ началомъ опыта выбиралъ нѣкоторое время изъ пачки своихъ открытокъ наиболѣе интересную или перебиралъ въ своемъ воспоминаніи пережитыя впечатлѣнія, чтобы остановиться на какомъ-либо изъ нихъ; сдѣлавъ свой выборъ, я приступалъ къ опыту. И вотъ при опытахъ со стержнемъ иногда случалось, что вмѣсто той картины, которую я выбралъ, т. е. на которую глядѣлъ или которую воспроизводилъ въ своей памяти, передавалась совершенно другая — именно одна изъ тѣхъ, которыя я только что видѣлъ на открыткахъ или (если объектомъ опыта были воспроизведенныя представленія), которыя я перебиралъ въ своей памяти.

Это было изумительно; долгое время я не могъ объяснить себѣ этого явленія, пока не остановился на одномъ предположеніи, которое вполнѣ подтвердилось дальнѣйшими опытами и которое сводится къ слѣдующему. Когда я разсматриваю картины на открыткахъ или переживаю въ своемъ представленіи видѣнныя картины дѣйствительности, то какая-либо изъ нихъ почему-то производитъ особое впечатлѣніе на мое нижнее сознаніе; возникающая при этомъ психическая энергія не успѣваетъ оставить мое тѣло къ тому времени, когда я приступаю къ опыту; поэтому, когда я вслѣдъ затѣмъ берусь за стержень, то энергія устремляется къ Лидіи и вызываетъ соотвѣтственные зрительные образы, которые и описываются. Картина же, которую я «сознательно» выбралъ и которую хотѣлъ передать, попадаетъ въ нижнее сознаніе Лидіи тогда, когда это послѣднее рефлектируетъ уже на первое возбужденіе; поэтому она никакого эффекта не обнаруживаетъ и, вѣроятно, не производитъ даже психическаго разряда.

Такимъ образомъ, я въ данномъ случаѣ представляю себѣ, что психическая энергія можетъ

накопляться на поверхности человѣческаго тѣла подобно тому, какъ электричество накопляется на конденсаторахъ и устремляется по проводникамъ.

Если это объясненіе вѣрно, то для предупрежденія неожиданныхъ сюрпризовъ слѣдуетъ передъ началомъ каждаго опыта отводить въ землю случайно накопившуюся психическую энергію, прикасаясь къ металлическимъ проводникамъ въ комнатѣ, напр., къ трубамъ отопленія или водопровода. Дѣйствительно, когда я сталъ это дѣлать, у меня послѣ того ни разу не было сюрпризовъ въ родѣ вышеописанныхъ; а до того они случались неоднократно. Это обстоятельство нужно признать лучшимъ доказательствомъ правильности самого объясненія.

Резюмируя теперь результаты всѣхъ приведенныхъ мною опытовъ съ Лидіей и придерживаясь развитой мною раньше гипотезы психической энергіи, я могу сказать слѣдующее:

1) непосредственныя зрительныя впечатлѣнія и воспроизведенныя представленія, равно какъ и эмоціи, могутъ передаваться отъ одного лица къ другому безъ посредства внѣшнихъ органовъ чувствъ.

2) повидимому, передача эта совершается посредствомъ психической энергіи, которая, возникая во время мышленія въ мозгу агента, въ состояніи распространяться оттуда по всѣмъ направленіямъ и, достигнувъ мозга перципіента, обусловливать появленіе у послѣдняго соотвѣтственныхъ представленій.

3) Весь процессъ передачи и воспріятія мыслей разыгрывается, повидимому, въ нижнемъ сознаніи обоихъ лицъ, но при нѣкоторомъ участіи верхняго сознанія агента.

Что касается свойствъ психической энергіи, то на основаніи приведенныхъ опытовъ можно признать наличность слѣд. чисто-физическихъ свойствъ:

а) психическая энергія проходитъ черезъ воздухъ, но отчасти задерживается имъ;

b) она хорошо проводится человѣческимъ тѣломъ и еще лучше мѣдной проволокой;

c) она можетъ скопляться на поверхности или оконечностяхъ человѣческаго тѣла, покидая его довольно медленно;

d) если соединить наше тѣло съ металлическимъ проводникомъ, то психическая энергія устремляется по немъ дальше и можетъ такимъ образомъ переходить къ другому лицу или въ землю.

Таковы — выводы изъ моихъ до сихъ поръ сообщенныхъ опытовъ; къ этимъ выводамъ остается прибавить еще слѣдующій: такъ какъ разсматриваемая нами энергія обладаетъ психическими и физическими свойствами, то правильнѣе называть ее не психической, а психофизической энергіей.

Къ дальнѣйшему изслѣдованію этой энергіи я перейду въ слѣдующей главѣ, а пока замѣчу лишь, что, какъ бы ни казались мои выводы на первый взглядъ смѣлыми и даже невозможными, читатель не долженъ забывать, что всѣ они покоются на непреложныхъ фактахъ. И неумолимая логика этихъ фактовъ должна привести всякаго добросовѣстнаго научнаго изслѣдователя къ аналогичнымъ заключеніямъ: любовь къ истинѣ должна преодолѣть всякій страхъ передъ необычайностью и кажущеюся невѣроятностью выводовъ, логически вытекающихъ изъ правильно наблюденныхъ фактовъ.

Quid non miraculo est, cum primum in notitiam venit? Quam multa fieri non posse, priusquam sint facta, judicantur?

Plinius.

VI.

Предыдущее изслѣдованіе доказало намъ существованіе психофизической энергіи и выяснило нѣкоторыя свойства ея. Продолжая это изслѣдованіе дальше, я пришелъ къ постановкѣ новыхъ опытовъ, которые пролили яркій свѣтъ на сущность разсматриваемой психофизической энергіи и обнаружили новыя свойства ея. Къ изложенію этихъ опытовъ я и намѣренъ сейчасъ перейти, но сперва нахожу необходимымъ сообщить нѣсколько данныхъ, такъ сказать, историческаго характера.

Когда я производилъ еще свои опыты надъ Софьей Штаркеръ, у меня сложилось предположеніе, что телепатія весьма родственна ясновидѣнію или, говоря точнѣе, что способность читать мысли имѣетъ много общаго со способностью читать письма въ запечатанныхъ конвертахъ: въ томъ и другомъ случаѣ, полагалъ я, должна играть роль одна и та же энергія. Что касается способности читать письма въ закрытыхъ конвертахъ, то случаи такого рода описаны уже въ научной литературѣ и сомнѣнія въ своей достовѣрности вызывать не могутъ. Такіе случаи сообщались въ Лондонскомъ Обществѣ для психическихъ изслѣдованій; затѣмъ въ Парижѣ Janet и Richet поставили рядъ опытовъ, которые доказали наличность ясновидѣнія у одной дѣвушки и которые были предметомъ сообщеній въ Парижскомъ Обществѣ физіологической психологіи въ 1886 — 1888 годахъ. Въ

русской научной литературѣ имѣется одинъ въ высшей степени убѣдительный и цѣнный случай, прекрасно описанный д-ромъ А. Н. Ховринымъ, старшимъ ординаторомъ психіатрической лечебницы въ Тамбовѣ [1]).

Я остановлюсь нѣсколько на работѣ Ховрина, такъ какъ это облегчитъ мою задачу въ дальнѣйшемъ. Свои наблюденія Ховринъ производилъ надъ дѣвицей М., 32 лѣтъ, страдавшей большой истеріей и обладавшей между прочимъ способностью читать письма въ закрытыхъ конвертахъ. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ цѣлымъ рядомъ врачей, которые присутствовали при опытахъ Ховрина, и двумя экспертизами, помѣщенными въ журналѣ «Вопросы философіи» въ отдѣлѣ протоколовъ Петербургскаго Общества экспериментальной психологіи за 1892 и 1893 годъ; при чемъ по поводу рѣшенія одной присланной Обществомъ задачи собраніе Общества пришло къ заключенію, что «фактъ ясновидѣнія въ этомъ случаѣ былъ неподдѣльный».

Свою способность г-жа М. проявляла въ сомнамбулическомъ и бодрственномъ состояніи. О содержаніи письма, которое ей давалось въ руки только на время сеанса и въ присутствіи врача, М. сообщала вслухъ д-ру Ховрину, и онъ въ точности записывалъ всѣ ея отвѣты. Для прочтенія каждаго письма иногда требовалось по 10 — 15 сеансовъ, изъ которыхъ каждый длился 1 — 2 часа; въ общемъ на прочтеніе одного письма требовалось иногда затратить цѣлый мѣсяцъ. Гораздо быстрѣе чтеніе происходило, когда г-жа М. находилась въ трансѣ; тогда бывало достаточно иногда даже одного сеанса.

Самымъ интереснымъ и загадочнымъ обстоятельствомъ въ наблюденіяхъ Ховрина являлся характеръ передачи содержанія писемъ: г-жа М. передавала обыкновенно не подлинный текстъ написаннаго, а разсказывала о тѣхъ картинахъ, которыя были описаны въ письмѣ [2]).

[1]) А. Н. Ховринъ. Рѣдкая форма гиперестезіи высшихъ органовъ чувствъ. „Вопросы нервно-психической медицины“ за 1898 г.

[2]) Ховринъ бралъ всегда письма съ описаніемъ зрительныхъ представленій, такъ какъ онъ замѣтилъ, что послѣднія лучше всего «читались».

Упомянутый авторъ объясняетъ это тѣмъ, что «безсознательно» воспринятый текстъ письма вызываетъ затѣмъ у М. соотвѣтственныя зрительныя галлюцинаціи. Что же касается самой способности воспринимать текстъ закрытаго письма, то Ховринъ пытается объяснить это отчасти видѣніемъ, отчасти прощупываніемъ написанныхъ буквъ черезъ бумагу; по его мнѣнію, весь вопросъ о способности М. сводится къ вопросу объ изощреніи различительной способности ея высшихъ органовъ чувствъ — главнымъ образомъ, зрѣнія и осязанія.

Проф. Анфимовъ, который совершенно несправедливо подвергаетъ сомнѣнію фактъ ясновидѣнія у М. и самую возможность ясновидѣнія, въ то же время вполнѣ основательно критикуетъ объясненіе Ховрина: «одной гиперестэзіи зрѣнія, — говоритъ Анфимовъ — т. е. расширенія оптической способности глаза совершенно недостаточно для ясновидѣнія; для ясновидѣнія требуется не только расширеніе оптическаго горизонта, а измѣненіе modus in rebus въ зрительныхъ ощущеніяхъ, потому что при немъ необходимо добиться прозрачности непрозрачныхъ предметовъ и средъ. Слѣд., глазъ долженъ овладѣть колебаніями, совершенно иными по формѣ и скорости, чѣмъ колебанія, воспринимаемыя нами какъ свѣтъ. Едва ли такое положеніе біологически допустимо для нашего невооруженнаго глаза... Итакъ, для ясновидѣнія... нужно создать новыя внѣшнія условія, при которыхъ многія изъ невоспринимаемыхъ теперь нашимъ глазомъ колебаній стали бы для него въ положеніе лучей воспринимаемыхъ. Слѣд., это будетъ тотъ же путь, по которому шли въ своихъ величайшихъ открытіяхъ Herz и Roentgen» [1]).

Считая въ настоящее время невозможнымъ ясновидѣніе, проф. Анфимовъ лишь приноситъ дань прочно установившимся научнымъ предразсудкамъ, отъ власти которыхъ онъ не въ силахъ отдѣлаться; тѣмъ не менѣе онъ

[1]) Я. Анфимовъ. О сверхчувственныхъ явленіяхъ у истеричныхъ, «Врач. Газета», 1902 г., № 22. Курсивъ—мой.

почти инстинктивно приходитъ къ совершенно правильному заключенію, что ясновидѣніе можетъ основываться только на воспріятіи такихъ лучей, которые могутъ проходить черезъ непрозрачные предметы и среды; Анфимовъ только не додумался до того, что воспріятіе этой лучистой энергіи можетъ совершаться и помимо глаза, который приспособленъ спеціально для свѣтовыхъ лучей.

Въ виду изложенныхъ соображеній я и пришелъ къ заключенію, что ясновидѣніе должно имѣть много общаго съ непосредственной передачей мыслей — общаго въ томъ смыслѣ, что въ обоихъ случаяхъ, вѣроятно, играетъ роль одна и та же энергія, которая обладаетъ свойствомъ проходить черезъ непрозрачныя среды и вызывать въ нашемъ мозгу рядъ представленій; а если это такъ, то лица, обладающія способностью «читать» чужія мысли, должны обладать также способностью читать письма въ запечатанныхъ конвертахъ. И вотъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, я еще во время своихъ изслѣдованій съ Софьей Штаркеръ поставилъ надъ послѣдней рядъ опытовъ съ цѣлью выяснить, не обладаетъ ли она способностью читать письма въ запечатанныхъ конвертахъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ опытовъ были удачны, другіе — неудачны; въ общемъ же, я вынесъ тогда такое впечатлѣніе, что Софья обладаетъ указанной способностью.

Интереснѣе всего то обстоятельство, что въ удачныхъ опытахъ чтеніе закрытыхъ писемъ носило тотъ же характеръ, какъ и въ наблюденіяхъ Ховрина: вмѣсто подлиннаго текста Софья передавала мнѣ содержаніе тѣхъ картинъ, которыя были описаны въ письмѣ, т. е. передача Софьи носила характеръ зрительныхъ галлюцинацій [1]). Такъ какъ, однако, опыты мои этого рода не были тогда обставлены всѣми необходимыми гарантіями ихъ научной безупречности и такъ какъ я по внѣшнимъ обстоятельствамъ былъ лишенъ тогда возможности обставить ихъ

[1]) Письма я бралъ у третьихъ лицъ, содержанія ихъ не зналъ, но, слѣдуя примѣру Ховрина, просилъ давать мнѣ письма съ описаніемъ зрительныхъ представленій.

соотвѣтственнымъ образомъ, то я и не счелъ удобнымъ опубликовывать ихъ, рѣшивъ выждать накопленія достаточнаго количества безупречнаго въ научномъ отношеніи матеріала.

Теперь, производя свое изслѣдованіе надъ Лидіей В., я рѣшилъ вновь провѣрить свое предположеніе о родственной близости явленій ясновидѣнія и передачи мыслей и о тождествѣ той энергіи, которая играетъ въ этихъ явленіяхъ главную роль. Прежде всего, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, можетъ ли Лидія В. при той обстановкѣ опытовъ, которая была описана, сообщить содержаніе закрытыхъ писемъ, взятыхъ мною у постороннихъ неизвѣстныхъ ей лицъ. Чтобы совершенно устранить возможность мысленнаго внушенія, я бралъ письма отъ совершенно неизвѣстныхъ Лидіи лицъ; при чемъ, конечно, содержаніе писемъ и мнѣ не было извѣстно. Я лишь просилъ тѣхъ лицъ, у которыхъ бралъ письма-задачи, описывать свои непосредственныя или воспроизведенныя зрительныя представленія.

Процессъ автоматическаго отвѣта происходилъ такъ. Лидія сначала брала въ обѣ руки принесенное мною закрытое письмо и держала его 1 — 2 минуты; затѣмъ, держа письмо въ своей лѣвой рукѣ, она клала правую руку на картонъ, которымъ указывала буквы. Черезъ 5 — 10 минутъ послѣ начала опыта рука начинала медленно двигаться и указывать буквы; я сидѣлъ противъ Лидіи и записывалъ буквы: ассистентъ мнѣ теперь не нуженъ былъ. Во время самаго писанія мы по обыкновенію вели себя непринужденно: болтали, шутили, смѣялись — словомъ, наше верхнее сознаніе жило своей собственной жизнью. Опытъ прекращался мною, когда записалась какая-либо картина или когда рука Лидіи останавливалась на долгое время. По прекращеніи опыта я вскрывалъ конвертъ (обыкновенно хорошо закрытый и непрозрачный) и прочитывалъ вслухъ содержаніе письма; такимъ образомъ я поддерживалъ интересъ къ этимъ опытамъ самой Лидіи, для которой это томительно-длительное сидѣніе за столомъ надъ алфавитомъ было бы иначе не-

выносимой пыткой. Долженъ еще прибавить, что письма бралъ я у разныхъ лицъ, которыхъ просилъ давать мнѣ короткія письма (хотя бы въ одной-двухъ фразахъ), чтобы пока не осложнять опытовъ. Вотъ результаты первыхъ опытовъ.

Опытъ 10. Задача-письмо. «Надъ поляной ярко сіяетъ солнце».

Отвѣтъ: «Солнце... птицы... зелень... весело... пѣсни ли там... что же такой шум... трудно опредѣлить».

Опытъ 11. Задача-письмо. «Передъ восходомъ солнца въ лѣсной рощѣ. Все покрыто росой. Птицы просыпаются и щебечутъ».

Отвѣтъ: «Что-то черное... какіе-то большіе темные контуры... вѣтеръ маленькій... деревья шепотомъ разсказываютъ о чемъ-то... только что это за странный свѣтъ... какой-то розоватый блескъ... розовыя стали верхушки деревьевъ... точно свѣтъ утренней зари... свѣжо такъ... бодро... серебряная роса... большой красный шаръ виднѣется»...

Опытъ 12. Задача-письмо: «По улицѣ движется толпа съ красными флагами».

Отвѣтъ: «Глухой шумъ... будто ропотъ толпы... что-то громадное колышется... небывалая картина.... что-то спокойное, торжественное въ этомъ народномъ шествіи»...

Опытъ 13. Задача-письмо: «Въ горахъ Кавказа. На склонахъ горъ роскошная растительность. Вездѣ ручейки и водопады».

Отвѣтъ: «Просторъ кругомъ... одна природа... неискаженная человѣкомъ... солнце... синее небо... зелень кругомъ... будто молодыя стройныя деревья... поднимаются... тихо журчитъ что-то... серебряной лентой извивается среди зелени... лѣсной ли ручей сверкаетъ тамъ или узкая снѣговая полоска... нѣтъ... это какъ весенній потокъ несется... какой-то оврагъ»...

Этихъ писемъ пока достаточно.

Писаніе каждаго отвѣта длилось отъ 20 — 30 мин. до часа и болѣе; обыкновенно послѣ трехъ-четырехъ написанныхъ словъ рука останавливается на минуту-двѣ; иногда пауза можетъ длиться даже 10 минутъ. Въ общемъ, всѣ четыре приведенныхъ отвѣта были написаны въ теченіе одного сеанса, который длился съ перерывами 4 — 5 часовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу полученныхъ опытовъ, я долженъ сказать, что ни на минуту не должно быть подозрѣнія, будто Лидія могла прочитать на свѣтъ содержаніе письма; за этимъ я тщательно слѣдилъ, не говоря уже о томъ, что такое предположеніе по отношенію къ скромной правдивой Лидіи представляется дикимъ. Еще разъ повторяю, что содержаніе писемъ мнѣ совершенно не было извѣстно до окончанія опыта, когда я вскрывалъ письмо. Итакъ, приступимъ къ анализу отвѣтовъ.

Прежде всего не можетъ подлежать сомнѣнію, что отвѣты вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію писемъ — слѣдовательно, Лидія дѣйствительно обладаетъ способностью автоматически «читать» закрытыя письма, какъ я это и ожидалъ. Но въ отвѣтахъ-описаніяхъ Лидіи невольно бросаются въ глаза слѣдующія особенности: во-1-хъ, несоотвѣтствіе между довольно краткими письмами и длинными отвѣтами; во- 2-хъ, удивительнымъ должно казаться описаніе въ отвѣтахъ такихъ деталей, о которыхъ въ задачахъ вовсе не упоминается; наконецъ, въ 3-хъ, всѣ описанія сильно окрашены эмоціями, о которыхъ въ письмахъ также не упоминается. Все это производитъ такое впечатлѣніе, будто Лидія прямо видитъ соотвѣтствующую картину, любуется ею, оцѣниваетъ отдѣльныя впечатлѣнія и резюмируетъ; словомъ, тутъ происходитъ то же, что мы уже видѣли при непосредственной передачѣ зрительныхъ представленій: и тамъ, и тутъ характеръ передачи одинаковъ.

Мало того, когда я на слѣдующій день представилъ отвѣты тѣмъ лицамъ, у которыхъ взялъ письма, то они были ошеломлены: оказалось, что описанія-отвѣты сообщали подробности, которыя имѣли мѣсто въ дѣйствительности, но не были упомянуты въ задачахъ; поразительно точнымъ оказался также хронологическій

порядокъ въ смѣнѣ впечатлѣній пережитого и очень вѣрно переданы были пережитыя эмоціи, о которыхъ въ задачахъ также не упоминалось.

Что же это означаетъ? Какъ себѣ это объяснить?

Если мы пріучимся глядѣть фактамъ въ глаза, если будемъ послѣдовательны въ своихъ разсужденіяхъ и если не будемъ пугаться никакихъ выводовъ, какъ бы эти послѣдніе ни казались намъ дикими и невѣроятными, то наука много выиграетъ — прежде всего она выиграетъ въ темпѣ своего развитія.

Итакъ, къ какому выводу должно прійти на основаніи сообщенныхъ фактовъ? Выводъ можетъ быть только одинъ: повидимому, мысль запечатлѣвается на бумагѣ непосредственно, т. е. помимо словесныхъ знаковъ; повидимому, та психическая энергія, которая въ предыдущихъ опытахъ переходила отъ меня къ Лидіи по воздуху или по металлическому проводнику, можетъ также переходить въ бумагу, сохраняться въ ней, переноситься вмѣстѣ съ ней въ другое мѣсто и затѣмъ переходить къ другому лицу, вызывая у него опредѣленныя представленія. Какъ это на первый взглядъ ни кажется дикимъ и невѣроятнымъ, мы все-таки должны не пугаться этого вывода, а постараться его провѣрить.

Помимо характера отвѣтовъ (я привелъ лишь четыре опыта, а было произведено мною гораздо больше и все съ тѣмъ же результатомъ) меня навели на вышеприведенную гипотезу еще другіе факты — именно случаи, когда отвѣты совершенно не соотвѣтствовали содержанію писемъ, т. е., когда отвѣты, казалось бы, должны были доказать мнѣ полную случайность ихъ, если бы я былъ такъ же поспѣшенъ въ своихъ выводахъ, какъ это свойственно предубѣжденнымъ скептикамъ. Вотъ, напримѣръ, два письма, взятыя мною у брата, котораго Лидія совершенно не знаетъ. Онъ — коммерсантъ, и голова его всегда полна коммерціей; когда я попросилъ его въ конторѣ написать два коротенькихъ письма съ двумя-тремя фразами и, запечатавъ въ конвертъ, передать мнѣ, то онъ взглянулъ на меня съ крайнимъ недоумѣніемъ: это выходило за предѣлы его по-

ниманія; находя безполезнымъ посвящать его въ суть своихъ опытовъ, я попросилъ не задерживать меня вопросами и исполнить просьбу; тогда онъ написалъ и передалъ мнѣ оба письма уже запечатанными. Результаты получились слѣдующіе; прибавлю еще, что Лидія не знала, отъ кого эти письма.

Опытъ 14. Задача-письмо: «Жду съ нетерпѣніемъ разсчетовъ, такъ какъ деньги нужны».

Отвѣтъ: «Странное порученіе...»

Опытъ 15. Задача-письмо: «Чувствую себя довольнымъ въ ожиданіи пріѣзда главнаго фабриканта».

Отвѣтъ: «завтра нужно платить проценты»...

Казалось бы, можно ли послѣ такихъ отвѣтовъ еще толковать о какой-то возможности читать закрытыя письма? Да, читать — въ томъ смыслѣ, какъ это слово принято понимать — конечно, нельзя; но Лидія въ послѣднихъ случаяхъ «прочитала» вовсе не то, что было написано, а то, что непосредственно запечатлѣлось помимо написаннаго: Лидія прочитала запечатлѣвшіяся на бумагѣ мысли. Что это именно такъ, меня убѣдилъ допросъ, учиненный мною на слѣдующій день брату: оказалось, когда онъ писалъ первое письмо, то не могъ отдѣлаться отъ недоумѣнія по поводу того «страннаго порученія», которое я ему далъ; когда же онъ писалъ второе письмо — первую пришедшую въ голову фразу — то голова его была полна уже текущими дѣлами и въ томъ числѣ мыслью о необходимости, дѣйствительно, платить проценты по какому-то документу. И вотъ, то, что сильнѣе всего его занимало въ моментъ писанія, прежде всего и запечатлѣлось; написанныя же имъ фразы, очевидно, лишь мимолетно промелькнули въ верхнемъ сознаніи и слѣда не оставили.

Я выше сказалъ, что мы не должны пугаться выводовъ, а стараться ихъ провѣрить. Такъ я и поступилъ, разсуждая при этомъ слѣдующимъ образомъ. Если правильно мое предположеніе, что мысль фиксируется на бумагѣ непосредственно, т. е. помимо словесныхъ знаковъ, то я долженъ получить удовлетворительный отвѣтъ на задачу и въ томъ случаѣ, когда вмѣсто письма, т. е. листка бумаги съ текстомъ, принесу Лидіи пустой листокъ, надъ которымъ третье лицо

продумало какую-нибудь картину и, слѣдовательно, на которомъ должна была, согласно моему предположенію, непосредственно зафиксироваться мысль того лица.

Опыты такого рода и были мною поставлены. Для этихъ опытовъ я взялъ нѣсколько задачъ отъ разныхъ лицъ, причемъ задача состояла въ слѣдующемъ: данное лицо должно было продумать надъ листкомъ почтовой бумаги какую-нибудь картину (воспроизведенную или непосредственную) — въ теченіе двухъ-трехъ минутъ въ другой отъ меня комнатѣ; затѣмъ, запечатавъ этотъ «продуманный» листокъ въ конвертъ, передать его мнѣ, у себя же оставить другой листокъ, на которомъ должно было быть описано содержаніе продуманной картины — этотъ второй листокъ долженъ былъ послѣ служить для провѣрки полученнаго отвѣта.

Такихъ задачъ я взялъ нѣсколько отъ разныхъ лицъ и отправился съ ними — этими пустыми листками — продѣлывать свои рѣшительные опыты надъ Лидіей В. Признаюсь, что, сознавая всю важность этихъ опытовъ, я приступалъ къ нимъ съ душевнымъ трепетомъ и съ готовностью отказаться отъ своихъ выводовъ, если указанные опыты окажутся неудачными. Но логика меня не обманула: она не завела меня въ тупой уголъ, а подняла на такую высоту, съ которой мнѣ сразу открылись необъятно-широкіе горизонты и богатѣйшія перспективы для дальнѣйшаго развитія научной мысли.

Расположеніе послѣднихъ опытовъ было такое же, какъ и въ описанныхъ уже опытахъ съ письмами — съ той лишь разницей, что я предлагалъ Лидіи вскрывать конвертъ и брать пустой листокъ въ руки, чтобы облегчить предполагаемый переходъ психической энергіи изъ листка въ руку Лидіи; но она не всегда вскрывала конверты — первые опыты были продѣланы съ закрытыми конвертами.

Вотъ результаты ихъ.

Опытъ 16. Отвѣтъ на первый пустой листокъ: «что-то открывается... большое, зеленое... кажется мнѣ, что это какое-то море зелени и цвѣтовъ... или, можетъ быть, глубокое тихоструйное озеро со своими водо-

рослями... или блѣдными лиліями... ароматъ какой-то... это свѣжесть моря... можетъ, это не море, а грезы... за ними же туманная даль... колышется что-то... рябитъ кругомъ... такъ прекрасно сказочно и хорошо».

Когда я этотъ отвѣтъ представилъ на другой день той барышнѣ, которая дала мнѣ задачу-листокъ, то оказалось, что у нея была записана на контрольномъ листкѣ слѣдующая картина, которую она когда-то видѣла и затѣмъ сама разрисовывала на полотнѣ: «Морское дно; облѣпленная раковинами скала; водяныя растенія съ желтыми цвѣтами; на днѣ большой крабъ».

Оставляя пока всякія комментаріи, я скажу лишь, что барышня была поражена точностью передачи общаго фона картины и своихъ ощущеній по поводу нея; мелкія детали, какъ и въ предыдущихъ опытахъ, передались лишь отчасти.

Опытъ 17. Отвѣтъ на пустой листокъ, полученный отъ другого лица: «темнота... вдругъ блескъ... что-то странное, чарующее... масса оттѣнковъ... что-то свѣтлое... блестящее... солнце ли такъ сверкаетъ въ волнахъ морскихъ... или то луномолочный свѣтъ блѣднаго мѣсяца... все это неопредѣленно и такъ неясно».

Этому листку соотвѣтствовала слѣд. запись: «Проходя недавно по мосту вечеромъ, я увидѣлъ подъ мостомъ глыбы свѣже-наколотаго льда; сверху падалъ свѣтъ дугового электрическаго фонаря; я остановился и нѣкоторое время любовался переливами свѣта въ ледяныхъ глыбахъ».

Опытъ 18. Отвѣтъ на пустой листокъ отъ третьяго лица: «Необъятный просторъ... что-то гладкое... растилается... будто зеркало синее... будто весь небосклонъ отражается въ немъ».

Запись гласила: «Лѣтомъ на берегу Женевскаго озера».

Опытъ 19. Отвѣтъ на пустой листокъ: «Это было въ чудный день... что-то ласкающее... разливалось въ природѣ... бодрящее... этотъ неопредѣленный гулъ... говорящій о жизни... о веснѣ... о любви... что это ласточки щебечутъ... неумолчный ли шумъ каждаго атома

природы... почему деревья стали такими красными... какая это свѣтлая веселая картина».

Этому отвѣту соотвѣтствовала запись: «При въѣздѣ въ лѣсъ меня поразила картина заходящаго солнца, которое окрашивало верхушки деревьевъ въ розовый цвѣтъ».

Я полагаю, что въ виду характерности приведенныхъ опытовъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо случайномъ совпаденіи отвѣтовъ съ задачами; а въ такомъ случаѣ эти опыты въ связи съ изложенными выше должны быть признаны вполнѣ достаточными для того, чтобы рѣшить стоящій передъ нами основной и чрезвычайно важный вопросъ: дѣйствительно ли мысль можетъ непосредственно фиксироваться на бумагѣ? — и рѣшить его утвердительно.

Однако, въ этихъ опытахъ бросается въ глаза богатая передача эмоцій, которыя почти покрываютъ собою всю зрительную картину, отодвигая ее въ описаніи на задній планъ. Объясняется это тѣмъ, что содержаніемъ задачъ были взяты воспроизведенныя представленія, которыя, какъ мы раньше уже видѣли, бываютъ сильно окрашены пережитыми эмоціями; послѣднія же передаются очень точно и иногда затемняютъ собственно зрительную картину. Поэтому, чтобы устранить по возможности участіе эмоцій и такимъ образомъ сдѣлать передачу собственно зрительныхъ образовъ болѣе чистой и убѣдительной, я рѣшилъ вновь воспользоваться открытками.

Лицамъ, у которыхъ бралъ задачи, я предложилъ поступать слѣдующимъ образомъ: выбрать заранѣе какую-либо открытку, затѣмъ взять листокъ чистой бумаги и, держа въ рукахъ передъ собой листокъ и открытку, созерцать послѣднюю нѣкоторое время (2 — 3 мин.); затѣмъ вложить листокъ въ заранѣе приготовленный чистый конвертъ и прислать мнѣ; открытку же оставить у себя для контроля полученнаго отвѣта. Съ такими задачами — пустыми листками «запечатлѣнной» бумаги — я отправился вновь къ Лидіи В. продѣлать свои опыты.

Вотъ результаты ихъ.

Опытъ 20. Отвѣтъ на 1-й пустой листокъ: «свѣтло-зеленыя поля... тамъ, кажется, лѣсъ вдали зелеѣетъ... среди деревьевъ много строеній... куполы видны... дальше гладкая поверхность воды... кажется, море...»

На соотвѣтствующей задачѣ-открыткѣ было изображено: широкій морской берегъ; уходящее вдаль море; зеленыя поля, рощи и посреди нихъ — монастырь съ многочисленными куполами.

Опытъ 21. Отвѣтъ на 2-й пустой листокъ: «ясный чистый свѣтъ... синее чудное небо... прекрасная природа... кажется, будто зеркальная поверхность воды серебрится тамъ, вдали... зелень деревьевъ склоняется къ изумрудному озеру... межъ деревьевъ домики»...

Задача-открытка изображала: не то рѣчка, не то прудъ; по бокамъ зеленые берега съ расцвѣтающими деревьями, которыя отражаются въ зеркальной поверхности воды; въ двухъ мѣстахъ — домики; вдали — мостикъ и человѣкъ на немъ.

Опытъ 22. Отвѣтъ на 3-й пустой листокъ: «свѣтло-зеленое поле... будто что-то золотистое стелется по землѣ... переливается на солнцѣ... ахъ, это желтѣющее поле... а тамъ темнѣетъ что-то... кажется, лѣсокъ... вдали какое-то строеніе... совсѣмъ простая постройка... вблизи видны фигуры въ довольно пестрыхъ нарядахъ».

Задача-открытка изображала: зеленое поле съ золотисто-желтыми цвѣтами въ большомъ количествѣ; слѣва — видна ограда деревенской церкви и часть послѣдней безъ купола; справа и дальше въ глубь — перспектива закрыта темными лѣсистыми холмами, среди которыхъ виденъ домикъ; на первомъ планѣ — нѣсколько мужскихъ и женскихъ фигуръ въ праздничныхъ деревенскихъ нарядахъ направляются къ церкви.

Опытъ 23. Отвѣтъ на 4-й пустой листокъ: «зеленое поле съ яркими цвѣтами... полосой тянется темная зелень... небо облачное.... на горизонтѣ избушка... съ крыльями... будто мельница...»

Открытка-задача изображала то, что было описано въ отвѣтѣ, но, кромѣ того, на полѣ еще паслись коровы и рядомъ съ вѣтряной мельницей находился домикъ.

Мнѣ кажется, что къ послѣднимъ опытамъ никакіе ком-

ментаріи не нужны: опыты эти по своей обстановкѣ такъ убѣдительны, и смыслъ ихъ такъ ясенъ, что каждый непредубѣжденный и любящій истину изслѣдователь можетъ и долженъ открыто и смѣло признать, что мысль непосредственно фиксируется на бумагѣ и можетъ быть воспринята оттуда другимъ подходящимъ лицомъ. Какъ это ни кажется на первый взглядъ дикимъ, нелѣпымъ, невѣроятнымъ, невозможнымъ и проч., не слѣдуетъ забывать, что выводъ этотъ повелительно диктуется непреложными фактами, и отрицать этотъ выводъ — значитъ отрицать факты.

Однако, прійдя къ тому заключенію, что мысль фиксируется непосредственно на бумагѣ, необходимо было рѣшить еще другой вопросъ, именно: какъ она фиксируется? Оставляетъ ли мысль какой-нибудь слѣдъ на бумагѣ подобно звуку на граммофонной пластинкѣ или мысль, какъ таковая, переходитъ на бумагу въ видѣ психической энергіи? Я склонился ко второму предположенію, которое стоитъ въ тѣсной связи съ моимъ представленіемъ о сущности психической энергіи: я предположилъ, что психическая энергія, выдѣляясь изъ мозга одного лица въ моментъ мышленія, можетъ перейти въ бумагу, сохраняться въ ней, быть перенесенной вмѣстѣ съ ней въ другое мѣсто и, при соприкосновеніи бумаги съ рукой другого лица, устремляться къ этому послѣднему и вызывать въ его мозгу опредѣленныя представленія; иными словами, къ уже извѣстнымъ намъ свойствамъ психической энергіи я прибавилъ еще новое — способность переходить въ бумагу и сохраняться въ ней. Но это надо было доказать, т. е. надо было доказать, что въ «запечатлѣнной» бумагѣ, дѣйствительно, содержится психическая энергія, какъ таковая.

Сдѣлать это было не трудно. Такъ какъ психическая энергія обладаетъ свойствомъ легко проходить по металлическому проводнику, то я долженъ былъ получить правильные отвѣты на задачи и въ томъ случаѣ, если не дамъ Лидіи въ руку самую бумажку, а приложу послѣднюю къ концу проволоки, которую держитъ въ рукѣ Лидія: психическая энергія должна будетъ изъ бумажки («запечатлѣнной») перейти въ проволоку и пробѣжать по ней къ Лидіи, вызвавъ затѣмъ знакомую уже намъ психическую реакцію. Такого рода опыты я и не замедлилъ поставить, расположивъ ихъ слѣдующимъ образомъ.

Въ одной комнатѣ сидѣла Лидія и держала правую руку, какъ всегда, на планшеткѣ, въ лѣвой же сжимала обнаженный отъ изоляціи и навернутый на карандашъ конецъ обыкновенной изолированной проволоки; проволока была протянута черезъ замочную скважину закрытой двери въ другую комнату, гдѣ я прикладывалъ къ другому концу, также обнаженному отъ изоляціи и навернутому на карандашъ, пустой «запечатлѣнный» листокъ (въ конвертѣ или безъ него), который былъ взятъ мною у постороннихъ лицъ и приготовленъ уже извѣстнымъ намъ образомъ; за движеніемъ руки слѣдила и буквы записывала теперь опять сестра Лидіи — мой неутомимый ассистентъ.

Вотъ результаты нѣкоторыхъ опытовъ.

Опытъ 24. Отвѣтъ на 1-й пустой листокъ черезъ проволоку: «Вода... на берегу деревья... вдали много домиковъ... будто отражаются въ водѣ... лодка видна... синія горы...»

Задача-открытка въ точности соотвѣтствовала этому описанію.

Опытъ 25. Отвѣтъ на 2-й пустой листокъ черезъ проволоку: «Свѣтло-зеленое поле... тамъ вдали будто темный лѣсъ зеленѣетъ... какое-то готическое строеніе... горы... облака...»

Задача-открытка изображала: зеленое поле съ яркими полевыми цвѣтами; желтѣющія полосы зрѣлаго хлѣба, тутъ же косарь съ какой-то женщиной; на заднемъ планѣ много темно-лиственныхъ деревьевъ, а среди нихъ два-три домика и нѣмецкая церковь съ готическимъ остроконечнымъ шпилемъ; еще дальше синеватыя горы и облачное небо.

Опытъ 26. Отвѣтъ на 3-й пустой листокъ черезъ проволоку: «Темнота... вода... большія зданія... огоньки... будто лодка... темный тонъ...»

Задача-открытка вполнѣ соотвѣтствуетъ описанію.

Опытъ 27. Отвѣтъ на 4-й пустой листокъ черезъ проволоку: «Ночь... большія каменныя глыбы... будто развалины... красный свѣтъ... какъ будто огненный языкъ... кругомъ люди... красный свѣтъ играетъ на ихъ лицахъ... они сидятъ...»

Задача-открытка изображаетъ: пустыню въ Египтѣ; полуразрушенныя стѣны древнихъ построекъ; много каменныхъ глыбъ; ночь и звѣздное небо; вокругъ костра расположился караванъ — арабы съ верблюдами.

Если въ комъ-либо до сихъ поръ еще могло оставаться сомнѣніе насчетъ неподдѣльности наблюдавшихся мною явленій, то только что приведенные опыты должны уничтожить послѣдніе слѣды этихъ сомнѣній; если Лидія можетъ давать правильные отвѣты на задачи, не видя даже самой пустой бумажки, а лишь прикасаясь къ концу проволоки, къ которой приложена въ другой комнатѣ бумажка, то уже никакихъ другихъ толкованій быть не можетъ, кромѣ одного: психическая энергія, выдѣляющаяся изъ мозга одного лица въ моментъ мышленія, можетъ переходить въ бумагу, сохраняться въ ней, переноситься на ней въ другое мѣсто и, переходя вновь къ другому лицу, вызывать въ мозгу послѣдняго соотвѣтственныя представленія. Это положеніе я считаю теперь уже доказаннымъ.

Интересно по этому поводу указать, что оккультисты признаютъ существованіе особой способности у нѣкоторыхъ медіумовъ — такъ наз. психометріи. Послѣдняя заключается, по словамъ оккультистовъ, въ томъ, что нѣкоторые медіумы, коснувшись руками какого-либо предмета, который раньше находился въ рукахъ другого лица, могутъ сообщить массу вѣрныхъ подробностей о жизни и характерѣ послѣдняго. «Оккультисты заявляютъ — говоритъ французскій авторъ Maurecy — что впечатлѣнія и образы могутъ регистрироваться на предметахъ, которые были ихъ свидѣтелями; такъ что, напр., посредствомъ какой-либо бездѣлушки сенситивъ (медіумъ) можетъ обнаружить прошедшія сцены, въ которыхъ владѣлецъ бездѣлушки игралъ извѣстную роль» [1]). Въ послѣдне время во французской и американской прессѣ особенно часто появляются сообщенія о случаяхъ удачныхъ «психометрическихъ» откровеній. Приводя нѣкоторые изъ этихъ случаевъ и относясь къ нимъ съ большимъ скептицизмомъ, проф. Grasset для объясненія удачныхъ «откровеній» считаетъ, повидимому, вполнѣ достаточной гипотезу случайныхъ совпаденій. СкептицизмъGrasset, конечно, весьма умѣстенъ, ибо почти всѣ сообщаемые случаи «психометрическихъ» откровеній носятъ характеръ отдѣльныхъ случайныхъ наблюденій, въ которыхъ весьма трудно установить точность, такъ какъ они произведены безъ всякихъ предосторожностей для исключенія обмана и ошибокъ. Что же касается гипотезы случайныхъ совпаденій тамъ, гдѣ точность наблюденія установлена и всякая мистификація исключена, то объ этомъ врядъ ли приходится серьезно говорить: вѣдь, нельзя же объяснять только совпаденіемъ тѣ случаи, когда «психометръ», взявъ въ руки клочекъ бумаги, описываетъ такія характерныя интимныя подробности, которыя никому, кромѣ владѣльца этого клочка бумаги, извѣстными быть не могли. [2]).

Я думаю, что послѣ приведенныхъ мною чисто-экспериментальныхъ наблюденій, къ постановкѣ которыхъ я пришелъ совершенно независимо отъ оккультистовъ и даже не имѣя еще понятія о существованіи у послѣднихъ какой-то «психометріи» [3]) — послѣ этихъ наблюденій, думаю я, всякій скептицизмъ, поскольку, конечно, онъ не вытекаетъ изъ недовѣрія къ самому автору, долженъ исчезнуть, и каждый вдумчивый читатель долженъ смѣ-

[1]) Louis Maurecy. Expériences de psychometrie. — Цитир. по Grasset. L'occultisme. 1907. p. 305.

[2]) Любопытна въ этомъ отношеніи анкета по психометріи, произведенная въ 1909 году однимъ французскимъ авторомъ—E. Duchâtel. Enquête sur des cas de psychométrie. Paris 1910. Къ сожалѣнію, анкета эта велась довольно поверхностно и безъ всякаго научнаго метода, такъ что полученные авторомъ результаты не могутъ имѣть никакой научной цѣнности.

[3]) См. мою „Эманацію психофизической энергіи“ 1907 г.

ло признать то, что логически слѣдуетъ изъ фактовъ — именно, что мысль можетъ непосредственно фиксироваться на бумагѣ.

Помимо всѣхъ до сихъ поръ сообщенныхъ мною опытовъ, я продѣлалъ еще много подобныхъ, но приводить ихъ въ своей работѣ нахожу совершенно лишнимъ: я пока поставилъ своей задачей установить общія положенія и не вдаваться въ детальный психологическій анализъ; для установленія же общихъ положеній совершенно достаточны приведенные опыты, которые должны быть убѣдительны не своей массой, а индивидуальностью каждой задачи-картины и характерностью отвѣтовъ- описаній. Кого же не убѣдили приведенные опыты, тому никакая подавляющая статистика не поможетъ: невозможно вколачивать людямъ въ голову то, чего ихъ мозгъ не переваривaетъ.

Однако, приводя до сихъ поръ только удачные опыты, я не могу и не долженъ умолчать о неудачныхъ: послѣдніе также весьма цѣнны для изслѣдователя, ибо они даютъ возможность выяснить многіе мелкіе вопросы и тѣ условія, которыя благопріятствуютъ или мѣшаютъ опытамъ. Подъ неудачными опытами я разумѣю такіе, при которыхъ либо ничего не писалось (т. е. рука совсѣмъ не двигалась); либо писалась картина, совершенно несоотвѣтствующая задачѣ; либо — картина смѣшанная, т. е. содержавшая въ себѣ элементы задачи и посторонніе элементы; либо, наконецъ, писалась какая-либо «отсебятина». О нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ я уже выше говорилъ; въ общемъ же, изъ анализа всѣхъ своихъ неудачныхъ опытовъ я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ-правиламъ для успѣха опытовъ.

Во 1-хъ, огромную роль играетъ настроеніе и самочувствіе медіума Лидіи: если у нея состояніе подавленное, т. е. нижнее сознаніе чѣмъ-либо заполнено, тогда лучше не приступать къ опытамъ, ибо ничего писаться не будетъ или какая-либо «отсебятина» на тему о переживаемомъ.

В-о 2-хъ, дающій задачу (т. е. «запечатлѣвающій»

на листкѣ бумаги какую-либо картину путемъ созерцанія ея — назовемъ его созерцателемъ) долженъ всегда брать чистый листокъ, не бывшій еще ни въ чьихъ рукахъ (лучше всего изъ средины пачки почтовой бумаги); иначе на томъ листкѣ можетъ оказаться фиксированная кѣмъ-либо непроизвольно психическая энергія, которая вызоветъ совершенно другія представленія, чѣмъ задуманныя.

Въ 3-хъ, созерцатель долженъ заранѣе выбрать какую-либо картину и въ моментъ созерцанія уже не думать о другой, помня, что даже мимолетная мысль о другой картинѣ можетъ запечатлѣться иногда сильнѣе, чѣмъ созерцаемая, и записаться; поэтому лучше созерцать картину не долго (достаточно одной минуты) и въ такомъ помѣщеніи, гдѣ передъ глазами нѣтъ другихъ картинъ. Тотчасъ же по окончаніи созерцанія надо прятать листокъ въ заранѣе приготовленный психически чистый конвертъ.

Въ 4-хъ, листокъ для опыта надо доставать изъ пачки уже въ тотъ моментъ, когда приступаете къ созерцанію, и держать его во время созерцанія передъ собою въ рукѣ: въ послѣднемъ случаѣ, какъ оказалось, психическая энергія легче всего переходитъ въ бумагу; но она можетъ попадать на бумагу и черезъ воздухъ, хотя гораздо медленнѣе и хуже.

Наконецъ, въ 5-хъ, надо всегда передъ началомъ каждаго созерцанія отводить случайно накопившуюся психическую энергію въ землю, прикасаясь для этого на нѣсколько мгновеній къ какому-либо металлическому проводнику.

Когда я выяснилъ всѣ эти условія и принималъ соотвѣтствующія предосторожности, то всякія неожиданности въ моихъ опытахъ почти исчезли: либо ничего не писалось, либо писался правильный отвѣтъ на задачу. Сюрпризы же встрѣчались лишь тогда, когда я въ качествѣ созерцателя привлекалъ новое лицо, которое не умѣло сразу принять къ свѣдѣнію всѣхъ предосторожностей и дѣлало промахи, въ которыхъ послѣ само сознавалось.

Вотъ, напримѣръ, мною были два раза взяты задачи — пустые листки — у прив.-доц. А. Н. Бернштейна, завѣдующаго психологической лабораторіей при психіатрической клиникѣ Московскаго университета. Первый разъ отвѣты (на три задачи) получились неудачные, т. е. они содержали въ себѣ рядомъ съ элементами задачъ еще посторонніе элементы; когда я сообщилъ эти отвѣты д-ру Бернштейну, то онъ сознался мнѣ въ томъ, что во время созерцанія картинъ-задачъ ему не удавалось сосредоточиться на нихъ, и постороннія представленія все время мѣшали ему; поэтому, онъ и самъ опасался, что опыты не удадутся. Такъ оно и случилось: отвѣты оказались такими же смѣшанными, какъ и его представленія во время созерцанія. Послѣ того, д-ръ Б. прислалъ мнѣ еще три задачи — пустые листки, приготовленные уже со всѣми предосторожностями, на которыя я указывалъ. Результаты получились слѣдующіе.

Опытъ 28. Отвѣтъ на первый пустой листокъ отъ д-ра Бернштейна: «кажется, тамъ поле... вьется дорожка... нѣсколько деревьевъ стоитъ... даль голубая... тамъ, среди зелени будто живое что-то... а тамъ.. будто лѣсъ зеленѣетъ далеко».

Задача-картина изображала: поле, стоги сѣна, телѣга; на первомъ планѣ три женщины; направо въ глубинѣ домики, а за ними — темнѣетъ лѣсъ.

Опытъ 29. Отвѣтъ на второй пустой листокъ отъ д-ра Б.: «гладкая поверхность воды... на берегу будто дома разбросаны... кое-гдѣ окруженные деревьями... на водѣ, кажется, покачивается лодка».

Задача-картина изображала морской берегъ; вдали лодка, въ водѣ стоятъ люди; на берегу въ отдаленіи какое-то строеніе, окруженное жидкой зеленью.

Наконецъ, опытъ съ третьимъ листкомъ отъ д-ра Бернштейна — самый интересный.

Опытъ 30. Отвѣтъ на третій пустой листокъ отъ д-ра Б.: «будто много воды... можетъ быть цѣлое море... большія сѣрыя горы цѣпью тянутся... легкій парусъ вдали... а тутъ будто цѣлый городокъ... у

подножія горъ будто темная зелень, которая поднимается вверхъ».

Задачей было воспроизведенное представленіе о какомъ-то зимнемъ пейзажѣ — иными словами, описаніе совершенно не соотвѣтствовало задачѣ.

Имѣя уже въ этомъ отношеніи опытъ и зная, чѣмъ обусловливается подобное несоотвѣтствіе, я съ увѣренностью заявилъ д-ру Б., что, когда онъ запечатлѣвалъ свою картину о зимнемъ пейзажѣ, либо передъ его глазами въ комнатѣ случайно находилась картина, подобная описанной въ отвѣтѣ, либо онъ случайно думалъ о такой картинѣ; «отсебятины» же въ данномъ случаѣ я не допускалъ— во 1-хъ, потому, что полученный отвѣтъ былъ цѣльнымъ, связнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ и, во 2-хъ, потому, что Лидія В. во время рѣшенія этихъ задачъ была въ благопріятномъ для опытовъ состояніи. Для меня было ясно, что причина такого отвѣта лежала не въ ней, а въ субъектѣ опыта, т. е. д-рѣ Б.

Что же оказалось? Б. сообщилъ мнѣ, что онъ, дѣйствительно, хотѣлъ сначала запечатлѣть другую картину — именно видъ на Воробьевы горы съ Москва-рѣки; при этомъ онъ довольно долго обдумывалъ, съ какой стороны лучше всего представить себѣ эту картину — съ горъ на берегъ или съ берега на горы; затрудняясь въ выборѣ позиціи, Б. отказался отъ этой задачи и рѣшилъ запечатлѣть картину зимняго пейзажа, который недавно видѣлъ. Остановившись на послѣднемъ рѣшеніи, онъ перешелъ изъ зала, гдѣ обдумывалъ тему, въ кабинетъ и здѣсь, взявъ въ руки заранѣе приготовленный чистый листокъ, представлялъ себѣ въ теченіе 2 — 3 минутъ зимній пейзажъ. Между тѣмъ, несмотря на это, передалась картина Воробьевыхъ горъ, о которыхъ онъ передъ тѣмъ усиленно думалъ: кто бывалъ на Воробьевыхъ горахъ около Москвы, тотъ признаетъ, что вышеприведенное описаніе-отвѣтъ довольно точно рисуетъ видъ на Воробьевы горы съ противоположнаго берега Москва-рѣки [1]).

[1]) Считаю необходимымъ упомянуть, что приведенное описаніе опытовъ съ задачами отъ д-ра Бернштейна мною передъ опубликованіемъ

Какъ же это произошло? Съ моей точки зрѣнія очень просто: когда д-ръ Б. обдумывалъ картину Воробьевыхъ горъ, въ его мозгу развивалась психофизическая энергія, которая постепенно покидала мозгъ и скоплялась на поверхности тѣла (рукъ); лишь только онъ затѣмъ взялъ листокъ въ руки, энергія перешла въ бумагу и осталась въ ней. Картина, о которой онъ думалъ вслѣдъ за первой, почему-либо слабо возбуждала нижнее сознаніе; возникшая энергія не могла въ силу этого достигнуть достаточнаго напряженія, чтобы выйти изъ мозга и перейти въ бумагу раньше, чѣмъ опытъ былъ прекращенъ. [1]) Въ результатѣ, первая картина передалась, а вторая — нѣтъ. Замѣчу тутъ же, что я тогда еще не примѣнялъ отведенія энергіи передъ опытомъ въ землю и потому этого указанія д-ру Б. не сдѣлалъ.

Разбирая теперь отвѣты на первые два листка, мы видимъ, что они, какъ и въ другихъ моихъ опытахъ, дали главнымъ образомъ общее описаніе картины-задачи, подробности же передались не вполнѣ и слабо; но во всякомъ случаѣ общее сходство описанія съ картиной-задачей бросается каждому въ глаза. Что же касается послѣдняго опыта, то онъ такъ характеренъ и такъ демонстративенъ, что, кажется, нельзя было бы придумать болѣе убѣдительнаго доказательства правильности всей моей теоріи и вытекающихъ изъ нея выводовъ.

Прежде чѣмъ подводить итоги своимъ опытамъ, я хотѣлъ бы еще отвѣтить на одинъ вопросъ, который, вѣроятно, не разъ уже возникалъ у читателя при чтеніи моего изслѣдованія, именно: почему при мысленной передачѣ зрительныхъ представленій главнымъ образомъ передаются общія части картины, а детали, занимающія иногда весь первый планъ на картинѣ, плохо или совсѣмъ не передаются? Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Дать на этотъ

прочитано послѣднему и признано имъ съ фактической стороны вполнѣ точнымъ.

[1]) Возможно также и другое предположеніе: послѣ того, какъ энергія отъ первой картины вошла въ бумагу, послѣдняя достигла предѣла насыщенія, и потому новая энергія войти въ нее ужъ не могла.

вопросъ вполнѣ безошибочный и научнообоснованный отвѣтъ при настоящемъ состояніи нашихъ знаній не представляется, конечно, возможнымъ; но нѣкоторыя гипотетическія соображенія я нахожу все-таки нужнымъ высказать.

Именно: когда мы глядимъ на какую-либо картину, то наше вниманіе прежде всего привлекаютъ невольно тѣ детали, которыя являются наиболѣе крупными и имѣютъ вполнѣ опредѣленныя очертанія; чтобы охватить эти делали ясно и точно, наши глаза должны хорошо аккомодировать — иными словами, требуется значительная работа внутреннихъ глазныхъ мышцъ. Чѣмъ отчетливѣе и опредѣленнѣе изображенъ какой-либо предметъ, тѣмъ онъ требуетъ больше работы со стороны упомянутыхъ мышцъ; развивающаяся при первомъ впечатлѣніи отъ предмета энергія затрачивается почти всецѣло на сокращеніе тѣхъ мышцъ, которыя въ данномъ случаѣ работаютъ, и потому совершенно не выдѣляется; вслѣдствіе этого и не передаются или плохо передаются тѣ части картины, которыя требуютъ особенной аккомодаціонной работы глазъ. Наоборотъ, тѣ части картины, которыя не имѣютъ рѣзко опредѣленныхъ линій контуровъ и производятъ лишь общее впечатлѣніе (небо, вода, облака, поле, зелень и др.), должны съ вышеизложенной точки зрѣнія передаваться: вѣдь, созерцаніе неба, воды, облаковъ, зелени и проч. почти не требуетъ тонкой аккомодаціи глазъ; развивающаяся при созерцаніи подобныхъ частей картины энергія почти не затрачивается, свободно выдѣляется и вызываетъ соотвѣтствующіе образы въ мозгу другого лица. — Такимъ образомъ, характеръ передачи зрительныхъ представленій обусловливается съ моей точки зрѣнія дѣйствіемъ закона сохраненія энергіи, подтверждая значеніе послѣдняго и для явленій психическаго порядка.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сообщить о результатахъ опытовъ, поставленныхъ мною еще надъ двумя дѣвицами, которыя обладали способностью къ графическому автоматизму. Въ одномъ случаѣ я имѣлъ дѣло съ барышней, которая увлекалась спиритизмомъ и

сама фигурировала на спиритическихъ сеансахъ въ качествѣ медіума; опыты съ нею дали мнѣ вполнѣ благопріятные результаты, подтвердивъ всѣ основныя положенія, выработанныя на основаніи опытовъ съ Лидіей. Совершенно обратные результаты получилъ я въ опытахъ съ другой дѣвицей; хотя и она обладала ясно выраженной способностью къ автоматическому письму, но содержаніе послѣдняго по большей части не имѣло ничего общаго съ моими мыслями: барышня излагала въ своемъ автоматическомъ письмѣ лишь то, что находилось или могло находиться въ ея собственномъ нижнемъ сознаніи. Иными словами, эта барышня не въ состояніи была служить перципіентомъ, а способность къ графическому автоматизму у нея являлась лишь истерическимъ симптомомъ въ смыслѣ частичной диссоціаціи элементовъ сознанія.

По этому поводу считаю необходимымъ еще разъ подчеркнуть разницу между медіумизмомъ и истеріей вообще и между содержаніемъ автоматическаго письма при томъ и другомъ состояніи въ частности. Дѣло въ томъ, что графическій автоматизмъ при истеріи является, какъ это я указывалъ въ 4-ой главѣ, выраженіемъ частичной диссоціаціи опредѣленныхъ комплексовъ сознанія; послѣднее обстоятельство обусловливаетъ возможность проявленія во внѣ содержанія того или иного комплекса независимо отъ всего остального сознанія; но это содержаніе не находится ни въ какомъ непосредственномъ отношеніи къ содержанію чужого сознанія и образуется лишь изъ впечатлѣній, приходящихъ или пришедшихъ извнѣ черезъ посредство собственныхъ внѣшнихъ органовъ чувствъ. Иными словами, наличность графическаго автоматизма при истеріи не указываетъ вовсе на способность даннаго субъекта быть медіумомъ въ моемъ смыслѣ, т. е. перципіентомъ. Для послѣдняго необходимо обладать, повидимому, еще другими особенностями, въ силу которыхъ кожа или какіе-либо иные элементы тѣла даннаго лица становятся проницаемыми для психической энергіи другого лица, и такимъ образомъ сознаніе перваго подпадаетъ подъ непосредственное вліяніе сознанія второго, становясь иногда даже эхомъ послѣдняго. Каковы эти особенности, мы въ настоящее время не знаемъ, но знаніе это можетъ и должно быть добыто путемъ настойчиваго и добросовѣстнаго изученія всѣхъ формъ и проявленій медіумизма.

Подводя теперь итоги всѣмъ своимъ опытамъ, я могу формулировать выводы свои въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Мышленіе сопровождается выдѣленіемъ особой лучистой энергіи.

2. Эта лучистая энергія обладаетъ психическими и физическими свойствами, а потому должна быть названа психофизической энергіей.

3. Психическія свойства этой энергіи заключаются въ томъ, что, попадая въ мозгъ другого лица, она обусловливаетъ появленіе въ немъ точно такихъ же представленій, которыми сопровождалось ея возникновеніе въ мозгу перваго лица.

4. Физическія свойства психофизической энергіи заключаются въ томъ, что она можетъ:

a) свободно проходить въ тѣлѣ человѣка изъ мозга къ конечностямъ и обратно.

b) скопляться на поверхности или конечностяхъ тѣла.

c) проходить черезъ воздухъ съ задержкой.

d) проходить черезъ непрозрачную перегородку (дверь) съ значительной задержкой.

e) свободно пробѣгать по мѣдной проволокѣ.

f) переходить на бумагу, сохраняться въ ней и быть переносимой такимъ образомъ куда угодно.

Примѣчаніе. Относительно того, какъ долго психофизическая энергія можетъ сохраняться въ бумагѣ, сейчасъ опредѣленнаго отвѣта дать нельзя, но нѣкоторыя данныя (отвѣты на задачи, пролежавшія нѣсколько недѣль) указываютъ на то, что при благопріятныхъ условіяхъ *психофизическая энергія можетъ сохраняться въ бумагѣ довольно долго.*

g) при соприкосновеніи тѣла, «заряженнаго» психофизической энергіей (живой организмъ, «запечатлѣнная» бумага, металлическій проводникъ) съ тѣломъ «незаряженнымъ» (или слабо «заряженнымъ») — психофизическая энергія устремляется изъ перваго въ послѣднее.

5. Мѣстомъ возникновенія и воспріятія психофизической энергіи, повидимому, является нижнее сознаніе, въ которомъ происходитъ также и психическая реакція, выражающаяся съ внѣшней стороны въ автоматическомъ письмѣ.

6. Для проникновенія психофизической энергіи въ мозгъ другого лица послѣднее должно обладать какими-то особенными свойствами, въ силу которыхъ тѣло его становится проницаемымъ для разсматриваемой энергіи.

VII.

Сведя въ предыдущемъ всѣ явленія передачи мыслей и ясновидѣнія къ вліянію психофизической энергіи и установивъ многія свойства этой послѣдней, я намѣренъ теперь приступить къ выясненію самой сущности психофизической энергіи, т. е. къ физическому опредѣленію послѣдней и отысканію ея аналогона въ мірѣ физическомъ. Но сперва нахожу необходимымъ нѣсколько коснуться исторіи вопроса о лучистой энергіи живого организма вообще и мозга въ частности.

Идея о томъ, что человѣческое тѣло вообще и нервная система въ частности испускаетъ какіе-то специфическіе лучи, которые дѣйствуютъ на другихъ людей, очень стара: она ведетъ свое начало, вѣроятно, отъ того времени, когда впервые стали наблюдаться случаи непроизвольной передачи мыслей, а умъ человѣческій сталъ искать естественнаго объясненія этого явленія. Гипотеза специфическаго лучеиспусканія человѣческаго организма въ качествѣ естественнаго объясненія всякаго рода оккультныхъ явленій такъ проста и такъ настойчиво навязывается каждому, кто къ такому объясненія стремится, что она, несмотря на торжественное ауто-да-фе, которому ее нѣсколько разъ предавали ученыя комиссіи въ разныхъ странахъ, черезъ короткое время вновь выплывала на свѣтъ Божій.

Надо, впрочемъ, признать, что побѣда надъ упомянутой гипотезой доставалась ея противникамъ довольно легко, ибо гипотеза эта покоилась всегда на шаткой почвѣ случайныхъ наблюденій отдѣльныхъ лицъ; а теоретическое обоснованіе ея сводилось къ тому, что нѣкоторымъ особенно чувствительнымъ лицамъ—такъ наз. сенситивамъ—удавалось

видѣть въ темнотѣ лучеиспусканіе человѣческаго тѣла, которое въ силу этого представлялось имъ свѣтящимся.

Что касается сущности и свойствъ гипотетической лучистой энергіи организма, то мнѣнія различныхъ авторовъ на этотъ счетъ расходились. Знаменитый Месмеръ — отецъ гипнотизма — утверждалъ, что человѣческій организмъ источаетъ особаго рода флюидъ, обладающій магнетическими свойствами и названный имъ поэтому «животнымъ магнетизмомъ»; по мнѣнію Месмера, руки и глаза нѣкоторыхъ лицъ могутъ посредствомъ флюидической энергіи животнаго магнетизма оказывать физическое воздѣйствіе на другихъ лицъ. Шумъ въ обществѣ, поднятый въ 1779 году ученіемъ и лѣченіемъ Месмера, былъ такъ великъ, что Парижская Академія Наукъ нашла нужнымъ для изслѣдованія вопроса нарядить въ 1784 г. спеціальную комиссію, отзывъ которой оказался, однако, совершенно неблагопріятнымъ для ученія Месмера; этотъ отзывъ въ виду большого авторитета названной комиссіи (въ составъ ея входили между прочимъ Франклинъ и Лавуазье) произвелъ на французское общество такое впечатлѣніе, что магнетическій флюидъ попалъ послѣ того въ одинъ разрядъ съ философскимъ камнемъ.

Несмотря на то, вопросъ объ излученіяхъ человѣческаго тѣла неоднократно послѣ Месмера всплывалъ на поверхность науки и привлекалъ вниманіе отдѣльныхъ изслѣдователей. Изъ нихъ больше всѣхъ извѣстенъ ученый химикъ бар. Рейхенбахъ, сочиненія котораго въ свое время (именно — въ половинѣ XIX стол.) привлекли всеобщее вниманіе и пользовались большимъ успѣхомъ. Этотъ авторъ назвалъ ту энергію, которая, по его словамъ, излучается человѣческимъ тѣломъ и которую въ темнотѣ могли видѣть его „сенситивы“, od'омъ и утверждалъ, что человѣческое тѣло биполярно, т. е. что правая и лѣвая половины тѣла источаютъ энергію съ противуположнымъ знакомъ; относительно природы одической энергіи Рейхенбахъ училъ, что она занимаетъ середину между магнетизмомъ, электричествомъ и теплотой, но не можетъ быть приравнена ни къ одной изъ нихъ.

Неутомимая пропаганда Рейхенбахомъ своихъ идей въ цѣломъ рядѣ сочиненій привела, однако, лишь къ тому, что онъ, несмотря на свои серьезныя научныя заслуги въ области химіи, прослылъ безнадежнымъ чудакомъ. Насколько эта слава была имъ заслужена, мы рѣшать не беремся, но отмѣтимъ лишь, что четверть вѣка спустя, въ эпоху всеобщаго увлеченія спиритизмомъ, французскій врачъ A. Chevillard опубликовалъ работу, въ которой пытался объяснить сущность спиритическихъ явленій, исходя изъ гипотезы животнаго флюида. [1]) По мнѣнію этого автора, вся поверхность тѣла людей находится въ нѣкоторомъ напряженіи и подобно наэлектризованному тѣлу испускаетъ изъ себя какую-то невѣсомую матерію, именуемую имъ нервнымъ флюидомъ.

Любопытно отмѣтить также, что проф. Менделѣевъ — этотъ безпощадный противникъ спиритизма ,затратившій на борьбу съ спиритическими суевѣріями массу труда и энергіи — слѣдующимъ образомъ отзывается о гипотезѣ Chevillard'a: „эта гипотеза — говоритъ онъ—на мой взглядъ не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго и, будь опыты, ее утверждающіе, несомнѣнны, ихъ принялъ бы каждый натуралистъ». [2]) Вспомнимъ еще по этому поводу, что Вил. Круксъ — знаменитый англійскій физикъ, доказывавшій еще 30 лѣтъ тому назадъ невѣроятное тогда и общепризнанное теперь существованіе четвертаго «лучистаго состоянія матеріи» — признавалъ также, на основаніи произведенныхъ имъ наблюденій надъ спиритическими явленіями, существованіе особой «психической силы».

Наконецъ, остается еще упомянуть, что въ новѣйшее время, т. е. спустя полъ-вѣка послѣ Рейхенбаха, идеи послѣдняго вновь возродились и нашли себѣ горячихъ сторонниковъ въ лицѣ нѣсколькихъ французскихъ изслѣдователей—особенно De-Rochas, которые произвели рядъ соот-

---

1) A. Chevillard. Etudes expérimentales sur certains phénomènes nerveux et solution rationelle du problème spirite. 2 ed. 1875.

2) Д. Менделѣевъ. Матеріалы для сужденія о спиритизмѣ. 1876 г. стр. 324.

вѣтственныхъ наблюденій и пришли къ почти одинаковымъ съ Рейхенбахомъ заключеніямъ. Но и этихъ авторовъ въ наше время постигаетъ участь ихъ нѣмецкаго предшественника; оффиціальная наука съ ними не считается, а филистеры надъ ними издѣваются.

И это неизбѣжно: филистеры всѣхъ типовъ и ранговъ всегда будутъ издѣваться надъ тѣмъ, что не несетъ на себѣ штемпеля оффиціальнаго признанія; а наука никогда не можетъ и не должна признавать того, что не можетъ быть доказано объективнымъ методомъ или объективизаціей результатовъ, полученныхъ субъективнымъ методомъ [1]).

Сознавая это, нѣкоторые авторы пытались изобрѣсти приборы, которые давали бы возможность объективно констатировать специфическія излученія животнаго тѣла, а особенно излученія психическія; результатомъ этихъ попытокъ явился рядъ такъ наз. біометровъ — каковы приборы: Lucas, Fortin, Baraduc и др. Принципъ всѣхъ этихъ біометровъ сводится къ легкой стрѣлкѣ, которая находится подъ стекляннымъ колпакомъ и которая при приближеніи пальца притягивается или отталкивается. Упомянутые авторы и ихъ послѣдователи полагали, что такого рода опыты съ біометрами доказываютъ существованіе специфическихъ излученій тѣла и даже психическихъ лучей; но заключеніе это было не совсѣмъ основательно. Дѣло въ томъ, что при постановкѣ опытовъ со своими біометрами авторы ихъ не сумѣли исключить вліяніе на приборъ тепла и электричества собственнаго организма: на стрѣлку біометра могли оказывать дѣйствіе, какъ это доказала критика, электрическія и тепловыя явленія, связанныя съ физико-химическими процессами жизни, и даже атмосферныя вліянія; а при такихъ условіяхъ движенія стрѣлки біометра отнюдь не могутъ, конечно, служить основаніемъ гипотезы специфическихъ излученій нашего тѣла.

Въ 1904 г. Paul Joire сообщилъ въ засѣданіи па-

[1]) Подъ объективизаціей я разумѣю возможность придать результатамъ субъективныхъ наблюденій maximum достовѣрности посредствомъ большихъ чиселъ или параллельно—перекрестныхъ наблюденій.

рижскаго «Общества гипнологіи и психологіи» результаты своихъ опытовъ, произведенныхъ посредствомъ новагобіометра, который былъ конструированъ самимъ Joire'омъ и названъ имъ стенометромъ [1]). Послѣдній состоитъ въ главной своей части изъ тонкой соломенной или аллюминіевой стрѣлки, подвѣшанной на тоненькой шелковинкѣ или покоющейся, подобно коромыслу вѣсовъ, на стеклянной подставкѣ. Joire полагаетъ, что посредствомъ этого аппарата ему удалось доказать, что «существуетъ особая сила, которая исходитъ отъ живого организма, возникаетъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нервной системы и передается на разстояніе».

Вліяніе этой силы проявлялось на разстояніи въ томъ, что стрѣлка стенометра поворачивалась всегда къ рукѣ экспериментатора, а въ рѣдкихъ случаяхъ отталкивалась отъ нея; при этомъ опыты обставлялись такъ, чтобы исключить возможное вліяніе всякой другой силы — тепла, свѣта, электричества и звука (сотрясеніе воздуха). Такъ какъ при исключеніи всѣхъ этихъ силъ стрѣлка стенометра все-таки поворачивалась однимъ концомъ своимъ къ протянутой рукѣ экспериментатора, то Joire и пришелъ къ заключенію, что дѣйствующая въ данномъ случаѣ сила есть специфическая энергія живого организма, возникающая въ нервной системѣ.

Мало того, этотъ авторъ констатировалъ еще слѣдующее: «если кто-либо помѣстится передъ этимъ аппаратомъ, приблизительно въ 60 ctm. отъ стекляннаго колпака и, не протягивая своей руки, станетъ фиксировать взоромъ клочокъ ваты (укрѣпленный на остріѣ стрѣлки), то можно замѣтить, что стрѣлка, каково бы ни было ея первоначальное положеніе, поворачивается и устанавливается перпендикулярно къ наблюдателю, точно клочокъ ваты притягивается послѣднимъ».

Читатель, конечно, понимаетъ, что такіе опыты, если бы они оказались точными, дѣйствительно доказали бы,

[1]) Paul Joire. Etude de la force nerveuse exteriorisée et enregistrée par le stenomètre. Revue de l'Hypnotisme 1905. Fevrier.

какъ хочетъ Joire, существованіе особой энергіи живого человѣка, которая возникаетъ въ нервной системѣ (или мозгу), выдѣляется изъ организма и проявляетъ свою силу на разстояніи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я счелъ необходимымъ поставить рядъ контрольныхъ опытовъ со стенометромъ [1]), но, къ сожалѣнію, полученные результаты оказались неблагопріятными: по моимъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ психологической лабораторіи при психіатрической клиникѣ Московскаго университета, самыя ничтожныя тепловыя вліянія въ состояніи были поворачивать стрѣлку, такъ что я рѣшительно не въ состояніи былъ исключить вліяніе тепла моего собственнаго тѣла на движеніе стрѣлки.

Это легко понять изъ слѣдующаго. Joire утверждаетъ что, окружая свой стенометръ толстымъ слоемъ ваты, онъ настолько изолировалъ его отъ вліянія внѣшней теплоты, что приближеніе куска раскаленнаго желѣза не производило ни малѣйшаго эффекта на стрѣлку; между тѣмъ, приближеніе при этихъ условіяхъ руки поворачивало стрѣлку. Я продѣлалъ такіе же опыты, но, вмѣсто раскаленнаго желѣза, приближалъ къ окруженному толстымъ слоемъ ваты стенометру сосудъ съ тепловатой водой; оказалось, что, несмотря на весьма толстый слой ваты, стрѣлка стенометра неизмѣнно поворачивалась къ сосуду съ теплой водой; удвоенный и даже утроенный слой ваты все таки не въ состояніи былъ защитить стенометра отъ вліянія теплой воды.

Мнѣ кажется, что при такихъ условіяхъ довольно трудно исключить вліяніе на стрѣлку теплоты тѣла экспериментатора, а въ такомъ случаѣ и нельзя этимъ путемъ доказать существованіе особой лучистой «энергіи живого тѣла, исходящей изъ нервной системы».

Впрочемъ, я не хочу выносить окончательнаго заключенія и сообщаю лишь свои впечатлѣнія.

---

[1]) Къ сожалѣнію, я не располагалъ стенометромъ указанной Joire'омъ фабрики и потому вынужденъ былъ ограничиться опытами съ стенометромъ, конструированнымъ по описанію автора мною самимъ.

Что же касается разногласія между наблюденіями Joire'a и моими надъ вліяніемъ теплоты на стрѣлку стенометра, то, быть можетъ, причина этого заключается въ томъ, что я экспериментировалъ съ влажной теплотой (вода), а Joire съ сухой (раскаленное желѣзо). По крайней мѣрѣ, такое именно предположеніе высказываетъ по поводу результатовъ собственныхъ опытовъ французскій авторъ Jounet, который произвелъ въ 1905 г. такія же наблюденія, какъ и я. «Свѣча — говоритъ онъ — будучи помѣщена противъ стрѣлки стенометра, имѣла, дѣйствительно, едва замѣтное вліяніе, тогда какъ рука поворачивала къ себѣ (стрѣлку) на 20 градусовъ. Но кусокъ желѣза или пламя свѣчи — это теплота сухая. Я спросилъ себя, не оказываетъ ли на приборъ болѣе сильное дѣйствіе теплота влажная, которая болѣе соотвѣтствуетъ теплотѣ живого существа. Опытъ подтвердилъ эту мысль: при приближеніи къ стенометру сосуда съ теплой водой стрѣлка повернулась на 20 градусовъ». [1])

Итакъ, опыты Joire'a пока не дали такихъ результатовъ, которые бы не оставляли мѣста сомнѣнію въ существованіи особой нервной энергіи, исходящей изъ живого организма и проявляющей свое дѣйствіе на разстояніи; мы и послѣ этихъ опытовъ попрежнему стоимъ передъ задачей найти способъ для объективнаго констатированія искомыхъ излученій человѣческаго тѣла. И въ поискахъ этого способа мысль невольно обращается туда, гдѣ въ настоящее время сосредоточено вниманіе всего научнаго міра и гдѣ человѣческой мысли открылись совершенно новые горизонты; я говорю о радіоактивныхъ изслѣдованіяхъ.

Открытіе въ недавнее время радія и цѣлаго ряда другихъ радіоактивныхъ тѣлъ произвело, какъ извѣстно, огромный переворотъ въ нашихъ взглядахъ на матерію и пробило въ старомъ міросозерцаніи роковую брешь,

---

[1]) Albert Jounet. Expériences à reprendre et à verifier. Цитир. по Grasset. L'occultisme. p. 267.

черезъ которую быстрымъ и свѣжимъ потокомъ ворвались идеи, казавшіяся незадолго передъ тѣмъ нелѣпыми. Въ связи съ этимъ, вопросъ объ особой лучистой энергіи человѣческаго организма вновь выплываетъ на поверхность и стремится стать твердою ногою на научную почву; но на этотъ разъ методъ для констатированія искомыхъ излученій заимствуется у той отрасли физики, которая занята новѣйшими изысканіями надъ лучистой энергіей.

Я имѣю въ виду изслѣдованія французскаго физика R. Blondlot. Послѣдній, производя наблюденія надъ лучами, получающимися отъ Круксовой трубки, замѣтилъ, что нѣкоторая часть этихъ лучей, въ противоположность Рентгеновскимъ, обладаетъ способностью отражаться и преломляться; изслѣдуя ближе эту группу лучей, названный ученый открылъ въ нихъ цѣлый рядъ другихъ свойствъ, которыми означенные лучи отличаются отъ рентгеновскихъ; эти новые лучи Blondlot назвалъ N-лучами. Будучи сами по себѣ темными, N-лучи обладаютъ свойствомъ усиливать слабый свѣтъ; такъ, напр., экранъ, покрытый тонкимъ слоемъ слабо-фосфоресцирующаго сѣрнистаго кальція, подъ дѣйствіемъ лучей Blondlot усиливаетъ свою фосфоресценцію; благодаря этому обстоятельству такой экранъ можетъ служить для обнаруженія N-лучей, и имъ пользовался Blondlot при своихъ изслѣдованіяхъ.

Однако, судьба этого открытія была довольно печальна: въ то время, какъ цѣлый рядъ французскихъ авторовъ, продѣлавъ контрольные опыты, подтвердили и дополнили наблюденія Blondlot, нѣмецкіе и англійскіе изслѣдователи пришли къ отрицательнымъ заключеніямъ. Больше всѣхъ потрудился надъ опроверженіемъ новыхъ лучей англійскій физикъ Wood, который побывалъ въ лабораторіи у Blondlot и утверждаетъ, что совершенно не видѣлъ тѣхъ явленій на экранѣ, которыя ему хотѣлъ демонстрировать французскій collega.

Надо замѣтить, что методъ Blondlot, дѣйствительно, въ значительной степени субъективенъ: для

того, чтобы увидѣть на слабо-фосфоресцирующемъ экранѣ тѣ слабыя измѣненія въ свѣченіи, которыя происходятъ подъ вліяніемъ N-лучей, необходимо обладать довольно тонкими зрительными ощущеніями; неудивительно поэтому, что лица, такими ощущеніями не обладающія, совершенно не улавливаютъ тѣхъ измѣненій на экранѣ, которыя для другихъ вполнѣ ясны.

Если такимъ образомъ методъ наблюденій нужно признать субъективнымъ, то этого отнюдь еще недостаточно, чтобы выносить категорически-отрицательныя заключенія по поводу разсматриваемыхъ лучей. Вотъ почему отрицаніе нѣмецкими и англійскими авторами существованія тѣхъ лучей, которые были открыты Blondlot и констатированы цѣлымъ рядомъ французскихъ авторовъ, представляется мнѣ весьма рискованнымъ. И остается одинаково пожалѣть какъ о томъ, что до сихъ поръ не удалось констатировать новооткрытые лучи болѣе объективнымъ путемъ, такъ равно и о томъ, что солидные изслѣдователи такъ неосновательно выносятъ свои отрицательныя заключенія. Наука должна быть одинаково осторожна какъ въ своихъ утвержденіяхъ, такъ и въ отрицаніяхъ.

Какъ бы тамъ ни было, изслѣдованія темныхъ лучей посредствомъ фосфоресцирующаго экрана привели французскаго физіолога Aug. Charpentier къ открытію, что животное тѣло — главнымъ образомъ, нервная и мышечная ткань — также испускаетъ темные лучи, вызывающіе свѣтовой эффектъ на слабо свѣтящемся экранѣ. Въ виду послѣдняго свойства—вліянія на экранъ—Charpentier причислилъ открытые имъ лучи къ разряду N-лучей; однако, это было нѣсколько поспѣшно.

Дѣло въ томъ, что лучи Charpentier во многомъ отличаются отъ лучей Blondlot; такъ, напр., послѣдніе поглощаются водой и оловомъ, между тѣмъ какъ первые свободно проходятъ черезъ эти тѣла, но задерживаются аллюминіевой пластинкой въ 0,5 mm толщины. Надо поэтому думать, что природа сравниваемыхъ лучей нѣсколько различна и отождествлять ихъ на основаніи одного

лишь свойства — вліянія на экранъ — не приходится, такъ какъ этимъ же свойствомъ обладаетъ цѣлый рядъ различныхъ темныхъ лучей, каковы: лучи тепловые, инфракрасные, лучи радія и всѣхъ вообще радіоактивныхъ веществъ. Въ виду этихъ соображеній, я предпочитаю говорить о лучахъ Charpentier, какъ о самостоятельныхъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ихъ физической природѣ и объ отношеніи ихъ къ подвергнутымъ сомнѣнію лучамъ Blondlot.

Изъ своихъ наблюденій надъ лучами животнаго тѣла Charpentier выяснилъ, что особенной энергіей лучеиспусканія отличается нервная ткань, причемъ центральный органъ — мозгъ — оказался самымъ сильнымъ источникомъ этихъ лучей. Дальнѣйшія наблюденія названнаго изслѣдователя и другихъ (André Broca, Zimmern, Jean Becquerel и др.) обнаружили, что при возбужденіи нервныхъ центровъ лучеиспусканіе ихъ усиливалось [1]) и что исходящіе изъ нервныхъ центровъ лучи имѣютъ наклонность распространяться преимущественно вдоль спинного мозга и нервовъ какъ центробѣжно, такъ и центростремительно. [2]).

Самыми цѣнными для насъ являются наблюденія Charpentier надъ вліяніемъ умственной работы (мысли) на фосфоресцирующій экранъ. Для этихъ наблюденій упомянутый авторъ помѣщалъ экранъ передъ лбомъ изслѣдуемаго субъекта, преимущественно слѣва. «Субъектъ этотъ—говоритъ проф. Bordier, излагающій наблюденія Charpentier'а—переходитъ послѣдовательно въ два различныхъ психическихъ состоянія: въ одномъ состояніи — онъ старается по-возможности ослабить свое вниманіе и ни о чемъ не думать; въ другомъ состояніи — онъ выполняетъ какую-либо умственную работу: считаетъ, размышляетъ, мысленно развиваетъ рядъ необычныхъ идей. И вотъ, въ первомъ случаѣ свѣченіе экрана уменьшается, а во второмъ — увеличивается: разница, хотя и слабая, очевидна и тѣмъ яснѣе выражена, чѣмъ лучше субъектъ

[1]) André Broca. Compt. rendus de l'Acad. des sciences, 1904, № 20.
[2]) Aug. Charpentier. Compt. rendus. 1904, № 12 и 19.

въ состояніи осуществить указанныя условія умственнаго покоя и дѣятельности... Эти же явленія могутъ быть наблюдаемы самимъ (мыслящимъ) субъектомъ, который въ состояніи такимъ образомъ видѣть процессъ своего мышленія на экранѣ». [1]).

Такимъ образомъ, наблюденія Charpentier обнаружили существованіе какихъ-то темныхъ лучей, исходящихъ изъ мозга въ моментъ мышленія и вызывающихъ свѣтовой эффектъ на экранѣ. Что касается природы этихъ лучей, то интересно отмѣтить, что они, по наблюденіямъ ихъ автора, отличаются отъ лучей мышечной ткани; такъ, напр., послѣдніе свободно проходятъ даже черезъ толстую аллюминіевую пластинку, а первые задерживаются ею уже при толщинѣ въ 0,5 mm.

Въ общемъ же лучи нервно-мозгового происхожденія болѣе всѣхъ другихъ физіологическихъ лучей Charpentier отличаются по своимъ физическимъ свойствамъ отъ описанныхъ Blondlot'омъ лучей; а потому отождествленіе ихъ, какъ это сдѣлалъ первый авторъ, на основаніи одного лишь совсѣмъ не характернаго признака — вліянія на фосфоресцирующій экранъ — представляется мнѣ совершенно неправильнымъ. Наоборотъ, пока природа лучей мозгового происхожденія намъ неизвѣстна и пока они отличаются отъ другихъ лучей нѣкоторыми особенными физическими свойствами, мы должны выдѣлить ихъ въ особую группу, давъ имъ опредѣленное названіе.

Если мы назовемъ ихъ мозговыми лучами, то дадимъ вполнѣ подходящее опредѣленіе, которое укажетъ лишь на происхожденіе этихъ лучей, не рѣшая вопросъ о ихъ сущности. Этими мозговыми лучами мы теперь и займемся.

Еще въ 1904 году, когда я производилъ опыты надъ Софьей Штаркеръ, меня заинтересовали наблюде-

[1]) Prof. H. Bordier. Les rayons N. 1905. стр. 76.—Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, гдѣ опубликована соотвѣтственная работа Charpentier, и потому я поневолѣ вынужденъ ограничиться ссылкой на Bordier.

нія Charpentier, въ которыхъ я надѣялся найти научный фундаментъ для теоріи психическихъ лучеиспусканій и объясненія передачи мыслей; въ то время мнѣ совершенно не были извѣстны наблюденія этого автора надъ вліяніемъ мышленія на экранъ, и я независимо отъ французскаго ученаго продѣлалъ рядъ аналогичныхъ наблюденій.

Въ виду значительной важности послѣднихъ для рѣшенія того вопроса, который является темой настоящаго изслѣдованія, я нахожу небоходимымъ привести ихъ здѣсь; тѣмъ болѣе, что мои наблюденія устраняютъ тѣ возраженія, которыя возможно по поводу наблюденій Charpentier—именно, что свѣтовыя явленія на экранѣ являются результатомъ самовнушенія наблюдателя и потому не могутъ служить безупречнымъ доказательствомъ въ пользу существованія мозговыхъ лучей. Въ моихъ опытахъ, какъ читатель это увидитъ, возможность самовнушенія совершенно исключается перекрестными наблюденіями, которыя, объективизируя полученные субъективнымъ методомъ результаты, устраняютъ вышеприведенное возраженіе.

Для своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи я приготовилъ себѣ круглый картонный экранъ съ діаметромъ въ 12 стм.; сѣрнистый кальцій былъ предварительно смѣшанъ съ равнымъ количествомъ даммароваго лака и затѣмъ намазанъ тонкимъ слоемъ (въ $^1/_2$ mm.) на экранъ; лакъ, засыхая, хорошо фиксируетъ на экранѣ сѣрнистый кальцій. Такимъ образомъ приготовленный экранъ, будучи выставленъ на разсѣянный солнечный свѣтъ только на одну секунду, въ состояніи послѣ того свѣтиться въ темнотѣ въ теченіе 8—10 минутъ. Изслѣдованія производились мною, разумѣется, въ темной комнатѣ.

Итакъ, держа въ рукѣ экранъ, обращенный фосфоресцирующей стороной ко мнѣ, я помѣщался передъ головою изслѣдуемаго лица: заставляя послѣдняго думать какое-либо слово, т.-е. повторять его про себя, я слѣдилъ за тѣмъ, какія измѣненія въ этотъ моментъ происходятъ на экранѣ. И вотъ что изъ этихъ изслѣдованій выяснилось.

Первоначально экранъ представляется равномѣрно свѣтящимся, но, лишь только изслѣдуемый субъектъ начинаетъ по данному мною сигналу мыслить какое-либо слово или мысленно считать, какъ на экранѣ замѣчается слѣдующее: края экрана свѣтлѣютъ, а центральная часть остается попрежнему слабо освѣщенной и, въ силу контраста съ посвѣтлѣвшими краями, кажется какъ бы темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ; лишь только изслѣдуемый субъектъ по данному сигналу перестаетъ мыслить, края экрана опять темнѣютъ, и весь экранъ тотчасъ же принимаетъ равномѣрный свѣтовой оттѣнокъ. Ширина свѣтлѣющаго края бываетъ иногда больше, иногда меньше, но центральная часть экрана всегда остается одинаково слабо свѣтящейся и во время мышленія представляется подвижнымъ темнымъ облакомъ на посвѣтлѣвшемъ фонѣ.

Сначала я недоумѣвалъ по поводу того, что центральная часть экрана не свѣтлѣетъ, но вскорѣ разъяснилъ себѣ это явленіе: дѣло въ томъ, что способностью къ перцепціи слабаго свѣта и слабыхъ колебаній свѣта обладаетъ только периферія нашей сѣтчатки, центральная же часть ретины не воспринимаетъ слабыхъ колебаній слабаго свѣта; въ силу этого, незначительное посвѣтлѣніе экрана ощущается только на периферіи сѣтчатки и проецируется нами на края экрана; между тѣмъ центральная часть экрана, соотвѣтствующая мѣсту центральнаго зрѣнія, которое не ощущаетъ слабыхъ колебаній свѣта, остается одинаково слабо свѣтящейся и потому представляется какъ бы темнымъ облакомъ на свѣтломъ фонѣ. Такъ какъ наше глазное яблоко, а вмѣстѣ съ нимъ и сѣтчатка, во все время наблюденій слегка колеблются, то въ силу этого и центральное пятно на экранѣ все время колеблется, то приближаясь къ краю, то отходя отъ него; вотъ почему при наблюденіи экрана въ моментъ мышленія прежде всего бросается въ глаза появленіе подвижного темнаго облака на свѣт-

ломъ фонѣ, и вся картина производитъ такое впечатлѣніе, будто центральная часть экрана въ моментъ мышленія темнѣетъ; въ дѣйствительности это обусловливается тѣмъ, что периферія свѣтлѣетъ.

Итакъ, многочисленныя наблюденія надъ разными лицами давали мнѣ постоянно одинъ и тотъ-же результатъ: посвѣтлѣніе экрана во время мышленія и потемнѣніе его по прекращеніи мышленія. Опасаясь однако, что поддаюсь въ данномъ случаѣ невольному самовнушенію, я произвелъ рядъ перекрестныхъ наблюденій, которыя состояли въ слѣдующемъ. изслѣдуемый субъектъ долженъ былъ самъ выбирать моментъ, когда ему угодно думать или не думать, а я, глядя на экранъ, долженъ былъ опредѣлять, думаетъ-ли въ это время изслѣдуемый, и указывать ему точно моменты, когда онъ начинаетъ и когда кончаетъ думать. Полученные результаты убѣдили меня въ томъ, что самовнушенія здѣсь не было: во всѣхъ контрольныхъ опытахъ я на основаніи наблюдаемыхъ на экранѣ явленій всегда точно опредѣлялъ, когда изслѣдуемый по своему желанію начиналъ и кончалъ думать; при этомъ начало я обыкновенно указывалъ на одну—двѣ секунды позже, а конецъ почти моментально. Такимъ образомъ, перекрестныя наблюденія дали мнѣ въ руки средство постоянно провѣрять себя, и этимъ средствомъ я пользовался во всѣхъ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ, чтобы избѣгнуть ошибки.

Констатировавъ самый фактъ усиленнаго лучеиспусканія мозга въ моменты мышленія, я приступилъ затѣмъ къ изслѣдованію способовъ распространенія лучей, исходящихъ изъ мозга (мозговыхъ лучей). Изъ этихъ изслѣдованій выяснилось слѣдующее. Когда я клалъ экранъ на руку или на ногу изслѣдуемаго, то въ моментъ мышленія послѣдняго экранъ также начиналъ усиленно свѣтиться; при чемъ свѣченіе экрана въ данномъ случаѣ было гораздо рельефнѣе, чѣмъ въ томъ, когда онъ находился передъ головой изслѣдуемаго: очевидно, въ

1-мъ случаѣ мозговые лучи сохраняютъ больше энергіи и дѣйствуютъ интенсивнѣе, чѣмъ во второмъ.

Далѣе, я могъ констатировать слѣдующее: на какомъ бы разстояніи отъ изслѣдуемаго въ той же комнатѣ я ни находился и какое бы положеніе ни занималъ изслѣдуемый, т.-е. стоялъ онъ, сидѣлъ или лежалъ—экранъ неизмѣнно свѣтлѣлъ, лишь только тотъ начиналъ думать; но при этомъ можно было всетаки замѣтить, что эффектъ на экранѣ бывалъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ дальше я находился отъ изслѣдуемаго. Когда послѣдній находился въ другой отъ меня комнатѣ и дверь между нами была плотно закрыта, то также можно было констатировать посвѣтлѣніе на экранѣ въ тотъ моментъ, когда изслѣдуемый въ другой комнатѣ начиналъ мыслить; при чемъ опять-таки эффектъ былъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше было разстояніе между мною и изслѣдуемымъ. Контрольные опыты и здѣсь убѣдили меня, что наблюденія мои не были результатомъ самовнушенія.

Наконецъ, когда изслѣдуемый находился въ третьей отъ меня комнатѣ и обѣ двери между нами были плотно закрыты, то мышленіе изслѣдуемаго не вызывало никакого эффекта на экранѣ. Если же въ послѣднемъ случаѣ я протягивалъ черезъ замочныя скважины обѣихъ дверей мѣдную проволоку, одинъ конецъ которой держалъ въ рукахъ изслѣдуемый, а къ другому я подносилъ экранъ, то на послѣднемъ появлялся обычный эффектъ во время мышленія изслѣдуемаго лица. Посредствомъ вышеописанныхъ контрольныхъ опытовъ я и въ данномъ случаѣ могъ убѣдиться, что не поддаюсь самовнушенію: мнѣ удавалось всегда точно опредѣлять (посредствомъ условленнаго сигнала) моменты, когда изслѣдуемый въ 3-ей комнатѣ начиналъ и кончалъ думать.

Любопытно, что во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ разговоръ, т.-е. произнесенная мысль, не вызываетъ эффекта на экранѣ—иными словами не сопровождается исхожденіемъ мозговыхъ лучей: когда я заставлялъ изслѣдуемаго попеременно то думать какое-либо слово, то произносить его вслухъ—то въ 1-мъ случаѣ экранъ

свѣтлѣлъ, а во 2-мъ принималъ первоначальный свѣтовой оттѣнокъ. Это явленіе находитъ себѣ, съ моей точки зрѣнія, вполнѣ удовлетворительное объясненіе въ дѣйствіи закона сохраненія энергіи, именно: когда мы произносимъ слово вслухъ, то развивающаяся въ нашихъ центрахъ рѣчи энергія затрачивается на возбужденіе тетаническихъ сокращеній мышцъ языка и рта; когда же слова только мыслятся нами, то развивающаяся энергія, оставаясь свободной, усиленно выдѣляется въ видѣ мозговыхъ лучей.

Здѣсь, слѣдовательно, мы наблюдаемъ вліяніе закона сохраненія энергіи въ примѣненіи къ изслѣдуемымъ нами мозговымъ лучамъ—подобно тому, какъ выше во вліяніи этого мірового закона на психофизическую энергію мы видѣли причину особенностей въ характерѣ передачи зрительныхъ представленій (стушевываніе деталей).

Подводя теперь итоги всѣмъ произведеннымъ мною посредствомъ экрана наблюденіямъ и принимая во вниманіе аналогичныя наблюденія Charpantier, мы вправѣ сказать, что мышленіе, дѣйствительно, сопровождается испусканіемъ мозговыхъ лучей и что послѣдніе обладаютъ слѣдующими свойствами:

a) свободно проходятъ въ тѣлѣ человѣка отъ мозга къ конечностямъ и обратно.

b) почти свободно проходятъ черезъ воздухъ.

c) свободно пробѣгаютъ по мѣдному проводнику.

d) съ поглощеніемъ проходятъ черезъ непрозрачную среду (дверь).

Въ заключеніе я позволю себѣ дать нѣсколько практическихъ указаній тѣмъ, кто пожелаетъ провѣрить мои наблюденія.

1) Сѣрнистый кальцій долженъ свѣтиться въ темнотѣ фіолетовымъ свѣтомъ.

2) Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію съ экраномъ, наблюдатель долженъ нѣкоторое время побыть

въ темнотѣ для того, чтобы глазъ отдохнулъ и въ состояніи былъ перципировать ничтожныя свѣтовыя колебанія; равнымъ образомъ и во время изслѣдованія надо время отъ времени давать глазамъ отдыхать въ темнотѣ—иначе въ глазахъ начинаетъ такъ мелькать, что трудно уже уловить происходящія на экранѣ измѣненія.

3) Для того, чтобы можно было хорошо наблюдать на экранѣ эффектъ отъ мышленія, есть извѣстное optimum свѣченія, которое обусловливается, вѣроятно, свойствомъ нашего глаза: слишкомъ сильное, какъ и слишкомъ слабое свѣченіе экрана не даетъ возможности нашему глазу улавливать происходящія въ зависимости отъ мышленія колебанія свѣта. Это optimum наступаетъ по моимъ наблюденіямъ тогда, когда экранъ, вначалѣ сильно свѣтящійся, поволакивается легкимъ облачкомъ или туманомъ: на такомъ слегка затуманенномъ экранѣ явленія выступаютъ рельефнѣе всего. Этимъ экраномъ можно пользоваться въ теченіе 8—10 минутъ, а затѣмъ онъ настолько темнѣетъ, что на немъ нельзя уже ничего разобрать; тогда приходится вновь зарядить экранъ солнечнымъ свѣтомъ, для чего достаточно выставить его на 1 секунду на разсѣянный свѣтъ.

4) Во время изслѣдованія наблюдатель долженъ ни о чемъ не думать, ибо его мысль вызываетъ также вышеописанный эффектъ на экранѣ, а вслѣдствіе этого нарушается правильное чередованіе и, слѣдовательно, наблюденіе явленій, обусловливаемыхъ мышленіемъ изслѣдуемаго лица. Въ началѣ изслѣдованія наблюдатель обыкновенно выжидаетъ моментъ, когда экранъ приметъ равномѣрный свѣтовой оттѣнокъ; но часто случается, что экранъ никакъ не приходитъ въ свѣтовое равновѣсіе, и на немъ упорно держится подвижное центральное пятно. По моимъ наблюденіямъ, это объясняется тѣмъ, что либо самъ наблюдатель, либо изслѣдуемый непроизвольно думаетъ о чемъ-либо; въ такихъ случаяхъ необходимо подавить въ себѣ всякую мысль и внушить также изслѣдуемому ни о чемъ не думать (лучше всего дремать); лишь только это условіе соблюдено, централь-

ное пятно тотчасъ же исчезаетъ, и экранъ приходитъ въ свѣтовое равновѣсіе.

5) Изслѣдуемый субъектъ долженъ пріучиться къ тому, чтобы произвольно или по сигналу наблюдателя сразу начинать и сразу же кончать мыслить; легче всего это удается тогда, когда изслѣдуемый мыслитъ одно какое-либо слово или считаетъ.

VIII.

Итакъ, полученные въ предыдущей главѣ результаты, хотя они и добыты субъективнымъ методомъ, не оставляютъ (въ виду перекрестныхъ наблюденій) сомнѣнія въ томъ, что мышленіе сопровождается испусканіемъ мозговыхъ лучей, которые усиливаютъ свѣченіе фосфоресцирующаго экрана и обладаютъ опредѣленными физическими свойствами.

Если мы теперь сравнимъ упомянутыя свойства мозговыхъ лучей съ физическими свойствами психофизической энергіи, установленными нами на основаніи явленій передачи мыслей (см. стр. 125), то намъ сразу бросается въ глаза масса общихъ свойствъ или, вѣрнѣе, мы замѣчаемъ, что всѣ свойства мозговыхъ лучей входятъ въ составъ физическихъ свойствъ психофизической энергіи. Въ виду такого совпаденія невольно возникаетъ предположеніе, что мозговые лучи тождественны съ психофизической энергіей, т.-е. что они обладаютъ также психическими свойствами и что они именно являются передатчиками мыслей, обусловливая появленіе въ мозгу перципіента соотвѣтственныхъ образовъ.

Однако, нѣкоторыя соображенія не позволяютъ дѣлать такого вывода. Дѣло въ томъ, что мозговые лучи, какъ это мы видѣли, быстро и легко проявляютъ свѣтовой эффектъ на экранѣ—даже тогда, когда наблюдатель находится въ другой комнатѣ отъ изслѣдуемаго при закрытой двери; слѣдовательно, мозговые лучи на сравнительно большомъ разстояніи въ воздухѣ не теряютъ своей силы. Между тѣмъ, передача мыслей на разстояніе (даже самое короткое) совершается очень медленно и весьма несовершенно—во всякомъ случаѣ

гораздо хуже, чѣмъ при непосредственномъ или посредственномъ соприкосновеніи, какъ это можно видѣть изъ опытовъ надъ Софьей Штаркеръ и надъ Лидіей В. Если бы мозговымъ лучамъ, проявляющимъ свой эффектъ на экранѣ, принадлежали психическія свойства въ указанномъ выше смыслѣ, то передача мыслей на разстояніе должна была-бы совершаться также успѣшно, какъ и вызываніе свѣтового эффекта на экранѣ.

Ясно, что мозговые лучи психическими свойствами не обладаютъ или, по крайней мѣрѣ, обладаютъ ими въ гораздо болѣе слабой степени, чѣмъ та психофизическая энергія, которая возникаетъ въ мозгу въ моментъ мышленія и свойства которой были установлены нами раньше на основаніи анализа условій передачи мыслей, иными словами, мозговые лучи, повидимому, не вполнѣ тождественны съ психофизической энергіей.

Но въ какомъ-же отношеніи они другъ къ другу находятся?

Если мы обратимъ вниманіе на то, что всѣ свойства мозговыхъ лучей входятъ въ составъ физическихъ свойствъ психофизической энергіи, то мы вправѣ сдѣлать допущеніе, что первые являются составною частью второй, т.-е., иначе говоря, что психофизическая энергія—сложнаго состава и что одной ея составной частью являются мозговые лучи. При этомъ, если принять во вниманіе сравнительно свободное прохожденіе мозговыхъ лучей черезъ воздухъ и даже черезъ дверь на значительное разстояніе, то мы вправѣ сказать, что упомянутые лучи обладаютъ, повидимому, большою проникательною способностью. Наоборотъ, медленная и несовершенная передача мыслей на разстояніе черезъ воздухъ даетъ основаніе думать, что психофизическая энергія, проходя черезъ воздухъ, теряетъ нѣкоторую составную часть свою, обладающую преимущественно психическими свойствами; эта психически активная часть—назовемъ ее психическимъ элементомъ—обладаетъ, повидимому, весьма

слабою проникательною способностью, въ силу чего она и задерживается въ воздухѣ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ представленію, что психофизическая энергія, развивающаяся въ мозгу въ моментъ мышленія, состоитъ изъ двухъ частей: 1) мозговыхъ лучей, которые обладаютъ большою проникательною способностью и могутъ быть обнаружены посредствомъ фосфоресцирующаго экрана и 2) психическаго элемента, который обладаетъ весьма слабою проникательною способностью и можетъ быть обнаруженъ и изслѣдованъ посредствомъ медіума-перципіента. Фосфоресцирующій экранъ можно назвать физическимъ реактивомъ для опредѣленія мозговыхъ лучей, а медіумическое лицо—психическимъ реактивомъ для опредѣленія психическаго элемента.

Обращаясь къ этому послѣднему, мы должны констатировать еще, что психическая часть психофизической энергіи, по скольку она проявляется въ передачѣ мыслей, обладаетъ въ физическомъ отношеніи помимо слабой проникательной способности еще цѣлымъ рядомъ другихъ свойствъ: она скопляется на поверхности и конечностяхъ тѣла; проходитъ по проволокѣ; можетъ переходить въ бумагу и сохраняется въ ней довольно долго; наконецъ, можетъ переходить изъ тѣла «заряженнаго» ею въ тѣло «незаряженное». Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ указываетъ на то, что психическій элементъ психофизической энергіи—въ значительной степени матеріаленъ или, если можно такъ выразиться, физиченъ; поэтому правильнѣе называть его не психическимъ, а психофизическимъ элементомъ. Этотъ послѣдній съ нашей точки зрѣнія и является, такъ сказать, физическимъ субстратомъ мысли, ея носителемъ и возбудителемъ.

Итакъ, сложная психофизическая энергія, возникающая въ мозгу въ моментъ мышленія, состоитъ изъ мозговыхъ лучей, которые могутъ быть изслѣдованы посред-

ствомъ «физическаго реактива» (фосфоресцирующаго экрана), и изъ психофизическаго элемента, физическаго субстрата мысли, который можетъ быть изслѣдованъ посредствомъ «психическаго реактива» (медіумическаго лица).

Но что такое «психофизическій элементъ», этотъ физическій субстратъ мысли? Чѣмъ онъ является по своей физической сущности? Имѣетъ-ли онъ своего аналогона въ мірѣ чисто-физическомъ? Не оторвались мы вообще въ своихъ выводахъ отъ почвы научной дѣйствительности?

За разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ обратимся къ физикѣ и, главнымъ образомъ, къ тому отдѣлу ея, который насъ здѣсь особенно долженъ интересовать—именно къ отдѣлу, трактующему о лучистой энергіи и о веществахъ, самостоятельно испускающихъ темные лучи, т.-е. радіоактивныхъ веществахъ. Новѣйшіе успѣхи физики въ этой области настолько общеизвѣстны, что мы можемъ здѣсь ограничиться лишь краткимъ изложеніемъ основныхъ, твердо установленныхъ фактовъ, знакомство съ которыми необходимо для пониманія дальнѣйшаго.

Изслѣдованія надъ радіемъ и другими радіоактивными веществами, т.-е. веществами, самостоятельно испускающими невидимые лучи, обнаружили, что лучи эти состоятъ изъ трехъ группъ — $\alpha =$, $\beta =$ и $\gamma =$ лучей; каждая группа отличается другъ отъ друга въ отношеніи преломляемости, проникательной способности и отклоненія въ электро-магнитномъ полѣ. Если на различныя вещества падаютъ или проходятъ сквозь нихъ всѣ три вида лучей, то, смотря по природѣ этихъ веществъ, появляются различнаго рода явленія, которыя въ особенности ярко обнаруживаются при употребленіи солей радія. Невозможно совершенно отдѣлить лучи одного рода отъ другихъ и изслѣдовать отдѣльно произведенныя ими явленія; но удается посредствомъ поглощающихъ пластинокъ задерживать малопроницаемые лучи, напр., α—лучи или ихъ вмѣстѣ съ частью β—лучей или заставлять проходить только γ—лучи. Явленія, развиваемыя радіоактивными веществами, раздѣляются на свѣтовыя, химическія, электрическія, механическія, тепловыя и физіологическія. Свѣтовыя явленія заключаются въ фосфоресценціи и флуоресценціи и вызываются преимущественно дѣйствіемъ α— и β— лучей; нѣкоторыя тѣла начинаютъ свѣтиться сильнѣе подъ вліяніемъ

чей, другія—подъ вліяніемъ β— лучей.

Кромѣ того, цѣлый рядъ фактовъ указываетъ на то, что α— и β— лучи значительно отличаются по своей природѣ отъ γ—лучей; въ то время, какъ послѣдніе, представляя собою по всѣмъ признакамъ родъ электромагнитныхъ волнъ, обладаютъ соотвѣтственными свойствами и вполнѣ заслуживаютъ названіе «лучей», нельзя того же сказать относительно первыхъ: α— и β—лучи могутъ быть названы лучами лишь въ переносномъ смыслѣ, ибо они въ дѣйствительности состоятъ изъ мельчайшихъ частицъ—такъ наз. электроновъ, которые огромными массами и съ неимовѣрной скоростью выбрасываются радіоактивной матеріей; α— и β— лучи суть собственно не лучи, а, такъ сказать, потоки обладающихъ огромной скоростью электроновъ—тѣхъ мельчайшихъ единицъ, изъ которыхъ, согласно новѣйшимъ представленіямъ, построены всѣ матеріальные атомы.

Помимо α—, β— и γ— лучей радіоактивныя матеріи постоянно отдаютъ отъ себя часть своего вещества въ другой формѣ—именно въ формѣ радіоактивной эманаціи, которая была открыта Рутерфордомъ. Этотъ авторъ указалъ, что торій постоянно испускаетъ медленно распространяющіяся частицы, дѣйствіе которыхъ приближается къ дѣйствію α— и β— лучей; это и есть радіоактивная эманація, обладающая всѣми свойствами радіоактивной субстанціи и высылающая въ свою очередь новыя массы электроновъ.

По всѣмъ признакамъ, эманація состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ частицъ—электроновъ, изъ которыхъ состоятъ α— и β—лучи; но частицы, которыя образуютъ эманацію,

отличаются отъ тѣхъ, изъ которыхъ состоятъ α—и β—лучи, въ томъ отношеніи, что первыя (т.-е. частицы эманаціи) подобно молекуламъ газа медленно диффундируютъ въ окружающее пространство, въ то время какъ вторые (т.-е. лучи) выкидываются съ огромной скоростью. Въ дѣйствительности, эманація есть газъ, который смѣшивается съ окружающимъ газомъ и можетъ быть перенесенъ вмѣстѣ съ нимъ изъ одного мѣста въ другое.

Эманація легко проникаетъ сквозь очень малыя отверстія и узкія щели, черезъ которыя обычныя газы проходятъ только весьма медленно. Она—радіоактивна только временно, т.-е. ея радіоактивность постоянно убываетъ. Это обусловливается тѣмъ, что эманація оказывается тѣломъ очень неустойчивымъ: она болѣе или менѣе быстро распадается и даетъ начало новому (уже твердому) тѣлу, которое, въ видѣ невидимой для глаза субстанціи, осаждается на окружающихъ предметахъ и называется активнымъ осадкомъ. Такъ какъ этотъ осадокъ, какъ показываетъ и его названіе «активный», также радіоактивенъ, то онъ дѣлаетъ временно активными и тѣ тѣла, къ которымъ пристаетъ. Такое появленіе радіоактивности у тѣлъ, которыя сами ею не обладаютъ, называется наведенной или индуцированной радіоактивностью. Такъ какъ эманація въ качествѣ газа легко пропитываетъ окружающіе предметы, проникая въ поры ихъ и повсюду оставляя активный осадокъ, то всѣ предметы, съ которыми эманація приходитъ въ соприкосновеніе, оказываются насквозь (по скольку позволяетъ ихъ пористость) пропитанными активнымъ осадкомъ и, слѣдовательно, насквозь радіоактивными. Эта наведенная радіоактивность постепенно убываетъ въ зависимости отъ дальнѣйшихъ превращеній (распаденій) активнаго осадка; убываніе радіоактивности совершается закономѣрно и скорость его зависитъ отъ свойствъ той эманаціи, которая обусловила наведенную активность даннаго тѣла.

Таковы—новѣйшіе факты изъ области физики, съ

которыми я счелъ необходимымъ познакомить читателя, чтобы освѣтить ими свои послѣдніе выводы: приступимъ-же теперь къ этому освѣщенію.

Мы видѣли, что мозгъ выдѣляетъ лучистую психофизическую энергію, т.-е. что онъ принадлежитъ къ разряду радіоактивныхъ субстанцій [1]). На основаніи анализа психологическихъ и психофизическихъ опытовъ мы пришли къ заключенію, что психофизическая энергія состоитъ изъ мозговыхъ лучей, обладающихъ большой проникательной способностью, и нѣкоего «психофизическаго элемента» съ весьма слабой проникательной способностью. Теперь мы изъ физики узнаемъ, что всѣ вообще радіоактивныя вещества выдѣляютъ энергію, которая также состоитъ изъ двухъ частей: изъ обладающихъ большой проникательной способностью лучей и изъ эманаціи, которая обладаетъ весьма слабой проникательной способностью. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о природѣ мозговыхъ лучей, которые, повидимому, имѣютъ много общаго съ α и β лучами всякой радіоактивной субстанціи (большая проникательная способность, возбужденіе фосфоресценціи и др.), обратимся къ другому компоненту—«психофизическому элементу», который насъ главнымъ образомъ интересуетъ.

Сравнивая его съ физической эманаціей, мы находимъ у нихъ массу общихъ свойствъ: оба они весьма слабо проникательны, медленно диффундируютъ черезъ воздухъ, пристаютъ къ тѣламъ (психическій элементъ—къ бумагѣ, въ нашихъ опытахъ) и, нѣкоторымъ образомъ пропитывая ихъ, дѣлаютъ ихъ активными (бумага дѣлается въ нашихъ опытахъ психически активной).

Въ виду этихъ общихъ свойствъ, которыми, правда, не исчерпываются всѣ свойства физической эманаціи, я позволяю себѣ сдѣлать тотъ выводъ, что открытый и изслѣдованный мною выше «психофизическій элементъ» есть не что иное, какъ эманація психофизической энергіи. Совпаденіе физическихъ свой-

[1]) См. объ этомъ еще ниже.

ствъ «психофизическаго элемента» со свойствами эманаціи любой радіоактивной субстанціи такъ велико, что упомянутый выводъ самъ собою напрашивается; это совпаденіе тѣмъ болѣе убѣдительно, что къ указаннымъ результатамъ я пришелъ совершенно съ другой стороны и совершенно иными путями, чѣмъ физики[1]).

Однако, со стороны послѣднихъ можно ожидать рядъ возраженій, на которыя я нахожу нужнымъ тутъ-же отвѣтить. Дѣло въ томъ, что подъ «радіоактивностью» физики разумѣютъ обыкновенно способность извѣстныхъ субстанцій, каковы ураній, торій и радій, самостоятельно испускать особый родъ лучей, которые въ состояніи: а) вызывать фосфоресценцію въ нѣкоторыхъ кристаллическихъ веществахъ, в) дѣйствовать на фотографическую пластинку и с) разряжать наэлектризованныя тѣла путемъ іонизаціи газовъ; на основаніи этихъ главныхъ свойствъ лучей радіоактивныхъ субстанцій и существуетъ три метода для опредѣленія и измѣренія всякой радіоактивности, именно: методъ фосфоресценціи, методъ фотографическій и методъ электрическій. Слѣдовательно, чтобы доказать радіоактивность мозга и психофизической эманаціи строго-физическимъ путемъ, я долженъ былъ-бы обнаружить дѣйствіе перваго и второй посредствомъ трехъ упомянутыхъ методовъ.

Что касается перваго метода—фосфоресценціи—то онъ уже примѣненъ нами выше и именно онъ привелъ насъ къ открытію мозговыхъ лучей; правда, послѣдніе не вызываютъ, строго говоря, фосфоресценціи, а лишь усиливаютъ существующую уже фосфоресценцію, но это обстоятельство не мѣняетъ значенія явленія, указывая развѣ на

[1]) Впрочемъ, въ одномъ пунктѣ наблюдается важное различіе, именно: изъ моихъ опытовъ, если я правильно умозаключаю, слѣдуетъ, что психофизическая энергія обладаетъ способностью проходить по металлической проволокѣ, между тѣмъ какъ радіоактивная (физическая) эманація, будучи газомъ, способна лишь отлагаться на проволокѣ въ видѣ активнаго осадка, но не устремляться по ней далѣе. Можетъ быть, это различіе между физической и психофизической эманаціей является капитальнымъ; сейчасъ во всякомъ случаѣ рѣшить это трудно.

относительно слабую физическую активность разсматриваемыхъ лучей. И, быть можетъ, эта слабая физическая активность мозговыхъ лучей является также причиною того, что ихъ не удается обнаруживать фотографическимъ методомъ; какъ извѣстно, лучи Blondlot и Charpantier также не дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. Впрочемъ, оба разсматриваемыхъ метода—фосфоресценціи и фотографіи—вообще не признаются въ физикѣ особенно надежными и ихъ примѣняютъ для изслѣдованія только тѣхъ субстанцій, которыя обладаютъ очень интенсивною радіоактивностью, ибо при слабо активныхъ субстанціяхъ они часто даютъ отрицательный результатъ.

Для изслѣдованія-же послѣднихъ и вообще всякой радіоактивности самымъ надежнымъ, самымъ чувствительнымъ и самымъ точнымъ является методъ электрическій, т.-е. электроскопическое опредѣленіе паденія электрическаго заряда наэлектризованнаго тѣла подъ іонизирующимъ вліяніемъ радіоактивной субстанціи. Слѣдовательно, чтобы строго-физическимъ путемъ доказать радіоактивную природу мозга и существованіе радіоактивной психофизической эманаціи я долженъ былъ-бы для того и другого примѣнить методъ электрическій.

Что касается мозга, то врядъ-ли вообще этимъ путемъ можетъ быть что-либо доказано по отношенію къ мозгу живого человѣка, при изслѣдованіи котораго совершенно невозможно исключить іонизирующее вліяніе всѣхъ другихъ моментовъ, связанныхъ съ физико-химическими процессами жизни. Но зато электроскопическій методъ вполнѣ можетъ быть примѣненъ для опредѣленія радіоактивной природы психофизической эманаціи: такъ какъ послѣдняя[1]) по нашимъ даннымъ, въ состояніи сохраняться на бумагѣ, то, подвергнувъ такую психически активную бумагу электроскопическому изслѣдованію, мы могли-бы обнаружить и доказать чисто-физическимъ путемъ наличность въ данной бумагѣ радіоактивной

[1]) Или быть-можетъ активный осадокъ ея.

эманаціи или, вѣрнѣе, активнаго осадка ея. Кромѣ того можно попытаться открыть электроскопическимъ путемъ присутствіе радіоактивной эманаціи въ воздухѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ основанія предполагать наличность психофизической эманаціи, напр., при скопленіи людей въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Я и рѣшилъ поставить рядъ соотвѣтственныхъ опытовъ и отправился съ этой цѣлью въ ту лабораторію, изъ которой вышло открытіе радія—въ лабораторію Кюри въ Парижѣ [1]). Свои опыты тамъ я повелъ въ трехъ направленіяхъ: во 1-хъ, изслѣдовалъ посредствомъ электроскопа психически-активную («запечатлѣнную») бумагу; во 2-хъ, поставилъ рядъ опытовъ для непосреднаго (въ конденсаторахъ) опредѣленія активности воздуха въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ бывало много народу (я избралъ для этого зрительный залъ одного большого парижскаго синематографа, администрація котораго любезно разрѣшила мнѣ производить свои опыты даже во время сеансовъ); наконецъ, въ 3-хъ, я опредѣлялъ активность воздуха въ такихъ помѣщеніяхъ косвеннымъ образомъ—посредствомъ метода собиранія активнаго осадка на проволокѣ, соединенной съ отрицательнымъ полюсомъ электрической машины или сильной батареи. Но, къ сожалѣнію, всѣ мои опыты дали отрицательный результатъ, т.-е. мнѣ не удалось обнаружить радіоактивности «запечатлѣнной» бумаги и не удалось констатировать въ воздухѣ такой активности (вообще-то воздухъ всегда немного радіоактивенъ), которая зависѣла-бы отъ скопленія людей.

Однако, при оцѣнкѣ отрицательныхъ результатовъ въ данномъ случаѣ необходимо учесть и ту обстановку, въ которой мнѣ приходилось работать. Дѣло въ томъ,

[1]) Считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь свою горячую признательность г-жѣ Кюри за то, что она, открывъ предо мною двери своей лабораторіи, дала мнѣ возможность произвести необходимыя изслѣдованія, и завѣдующему лабораторіей г-ну Debièrne'у за то, что онъ никогда не отказывалъ мнѣ въ своихъ совѣтахъ и указаніяхъ, безъ которыхъ мнѣ какъ не-физику, было-бы очень трудно работать.

что лабораторія Кюри служитъ спеціально для работъ надъ радіемъ, торіемъ и другими сильно-радіоактивными тѣлами; въ силу постоянныхъ манипуляцій съ этими тѣлами, которыя выдѣляютъ огромное количество эманаціи, не только помѣщенія, но вся территорія и воздухъ вокругъ лабораторіи буквально пропитаны (заражены) эманаціей и ея активными осадками; при такихъ условіяхъ работать надъ изслѣдованіемъ слабо-активныхъ тѣлъ невозможно—все кругомъ активно, платье на изслѣдователѣ становится активнымъ и, что всего важнѣе, сами инструменты активируются, теряютъ свою чувствительность и поэтому становятся совершенно непригодными для опредѣленія или констатированія слабыхъ степеней радіоактивности. Вотъ почему я скоро долженъ былъ убѣдиться, что выборъ лабораторіи для моихъ изслѣдованій оказался неудачнымъ; для постановки такого рода опытовъ, какъ мои, нужно не итти въ радіоактивныя лабораторіи, а какъ можно дальше отъ нихъ держаться [1]). Что же касается опытовъ, прозведенныхъ мною внѣ лабораторіи (въ помѣщеніи синематографа), то они страдали тѣмъ недостаткомъ, что мнѣ приходилось всетаки пользоваться инструментами, взятыми изъ лабораторіи Кюри и потому уже непригодными для обнаруженія слабыхъ степеней радіоактивности. Наконецъ, при оцѣнкѣ опытовъ съ собираніемъ активнаго осадка на отрицательно-наэлектризованной проволокѣ нужно принять во вниманіе отмѣченное нами выше свойство психофизической эманаціи проходить по металлическому проводнику (если только я сдѣлалъ правилный выводъ изъ своихъ опытовъ); быть можетъ, въ силу этого ее и невозможно собирать на проволокѣ. Возможно также, что неудачу моихъ опы-

[1]) Пишу это для того, чтобы другіе не повторили моей ошибки, которая стоила мнѣ много времени и труда; хотя съ другой стороны совѣтъ этотъ трудно выполнимъ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ психологическихъ лабораторій, оборудованныхъ надлежащимъ образомъ для производства такого рода изслѣдованій; самому-же пріобрѣсть всѣ необходимые для радіоактивныхъ изслѣдованій; аппараты частному лицу съ небольшими средствами не подъ силу.

товъ нужно въ значительной степени отнести на счетъ моей неопытности въ такого рода изслѣдованіяхъ—другіе болѣе опытные экспериментаторы могутъ оказаться счастливѣе меня въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, за это говоритъ то обстоятельство, что нѣкоторые изслѣдователи независимо отъ меня добились уже кое-какихъ положительныхъ результатовъ въ этомъ направленіи. Такъ, Courtier во время опытовъ надъ Евс. Палладино въ Institut Général psychologique констатировалъ, что заряженный электроскопъ при приближеніи руки медіума (безъ контакта) терялъ свой зарядъ, т.-е., иными слвами, что рука медіума подобно радіоактивнымъ тѣламъ іонизируетъ окружающій воздухъ; правда, другіе экспериментаторы, P. Curie и Langevin, прогоняя посредствомъ анемометра окружавшій медіума воздухъ черезъ особую трубу и изслѣдуя тамъ его дѣйствіе на заряженный электроскопъ, получили результаты отрицательные [1]). Но въ общемъ, окончательнаго рѣшенія не было вынесено и рѣшено было продолжать опыты въ томъ же направленіи; къ сожалѣнію, трагическая смерть помѣшала самому Curie детальнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ, которымъ онъ, какъ извѣстно, сильно интересовался.

Послѣ того д-ръ Ochorowicz во время своихъ поразительныхъ опытовъ надъ m-elle Tomczyk между прочимъ также наблюдалъ разряженіе электроскопа при приближеніи руки медіума и констатировалъ цѣлый рядъ аналогій между лучами радіоактивныхъ тѣлъ и излученіями человѣческаго организма, поскольку ему удалось изучить послѣднія на своемъ медіумѣ. [2]).

Такимъ образомъ отдѣльные изслѣдователи съ разныхъ сторонъ и независимо другъ отъ друга начинаютъ приходить къ одинаковымъ результатамъ и постепенно приближаться къ выясненію интересующаго насъ вопроса. Однако, нужно признать, что въ настоящее время вопросъ этотъ остается открытымъ и окончательное рѣшеніе его на основаніи чисто-физическихъ опытовъ принадлежитъ будущему.

[1]) Bulletin de l'Institut Général psychologique, 1908 № 5 и 6.

[2]) Объ этихъ опытахъ д-ръ Ochorowicz докладывалъ на съѣздѣ польскихъ невропатологовъ въ Варшавѣ въ 1909 году и съѣздѣ польскихъ натуралистовъ въ Краковѣ въ 1911 г. Болѣе подробно онъ ихъ изложилъ въ статьяхъ, опубликованныхъ въ Annales des Sciences Psychiques, 1910 и 1911 г.

Но если физики, стоя на чисто-физической почвѣ и отстаивая точность чисто-физическихъ опредѣленій, могутъ при употребленіи мною послѣднихъ требовать отъ меня доказательствъ посредствомъ чисто-физическихъ методовъ, то нельзя того-же сказать о психологахъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ, что важность открытія психофизической эманаціи заключается, главнымъ образомъ, въ признаніи ея психическихъ свойствъ: не то важно или не столько важно то, что въ бумагѣ находится выдѣлившаяся изъ организма эманація вообще, сколько то, что эта эманація—психо-физическая, т.-е. что она обладаетъ психическими свойствами; а это обстоятельство доказывается и можетъ быть доказано только психо-логическими и психо-физическими опытами, но отнюдь не чисто-физическими.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже самымъ точнымъ физическимъ методомъ докажемъ, что въ бумагѣ, надъ которой я продумалъ что-нибудь, содержится радіоактивная эманація и что передъ тѣмъ въ данной бумагѣ никакой эманаціи не было, вправѣ-ли мы изъ этого заключить, что настоящая эманація выдѣлилась изъ мозга и что это есть психо-физическая эманація? Конечно, нѣтъ. Для того, чтобы констатированную физическими методами эманацію признать психо-физической, мы должны доказать, что она обладаетъ психическими свойствами, т.-е. мы обязательно должны продѣлать тѣ психологическіе опыты, которые послужили матеріаломъ для настоящаго изслѣдованія; иными словами, для обнаруженія и изслѣдованія психофизической эманаціи обязательно необходимъ психическій реактивъ, а такимъ реактивомъ можетъ быть только живой человѣкъ,

обладающій способностью воспринимать изслѣдуемую нами эманацію (см стр. 18).

Итакъ, единственно рѣшающими и убѣдительными въ вопросѣ о существованіи эманаціи психофизической энергіи должны быть признаны опыты не физическіе, а психологическіе или психофизическіе. Вотъ почему я нахожу неправильнымъ или вообще непослѣдовательнымъ, когда выработанныя мною на основаніи точныхъ экспериментальныхъ наблюденій положенія о психофизической эманаціи называютъ гипотезой; нѣтъ, это не гипотеза, а открытый и объясненный мною фактъ— подобно тому, какъ существованіе радіоактивныхъ субстанцій и радіоактивной эманаціи есть также не гипотеза, а фактъ; разница заключается лишь въ методѣ изслѣдованія, но, повторяю, для открытія и изслѣдованія психо-физической эманаціи мыслимы только психофизическіе методы.

Однако, тѣ, кто отстаиваетъ точность физическихъ опредѣленій, могутъ меня спросить: на какомъ же основаніи я толкую объ эманаціи, если самъ признаю, что физическія изслѣдованія дали мнѣ пока отрицательный результатъ? Не есть-ли это въ такомъ случаѣ досужее фантазированіе на физическія темы?

Я отвѣчу на это слѣдующимъ: существуютъ желѣзные и для всѣхъ обязательные законы человѣческой логики, которые при наличности опредѣленныхъ фактовъ дѣлаютъ неизбѣжными вытекающіе изъ нихъ выводы; эти желѣзные законы логики служили на протяженіи всей исторіи развитія науки надежною путеводною нитью при отысканіи истины; эти законы логики приводили уже не разъ къ величайшимъ открытіямъ: они помогли Ньютону открыть всемірное тяготѣніе; они, воплотившись въ математическія формулы, помогли астрономамъ открывать на небѣ новыя свѣтила, которыя недоступны самымъ могучимъ телескопамъ; они привели Крукса еще 30 лѣтъ тому назадъ къ открытію четвертаго, «лучистаго состоянія матеріи», которое было встрѣчено тогда всеобщимъ скептицизмомъ и которое въ настоящее время есть общепризнанный фактъ.

На нихъ, на эти желѣзные законы логики я въ своихъ выводахъ опираюсь и къ нимъ въ конечномъ итогѣ аппелирую. Я говорю: подробный анализъ тщательно прозведенныхъ мною экспериментальныхъ наблюденій психологическаго порядка логически приводитъ меня къ обнаруженію скрыто-дѣйствующаго начала въ видѣ психофизической энергіи, обладающей опредѣленными психическими и физическими свойствами; дальнѣйшій анализъ также тщательно произведенныхъ экспериментальныхъ наблюденій психофизическаго ряда (съ экраномъ) приводитъ меня въ связи съ предыдущимъ къ открытію сложнаго характера разсматриваемой энергіи и къ дифференцированію ея на мозговые лучи и психофизическій элементъ; наконецъ, сближеніе такимъ образомъ полученныхъ результатовъ съ новѣйшими данными физики обнаруживаетъ поразительное совпаденіе свойствъ [1]) психофизическаго элемента со свойствами радіоактивной эманаціи; послѣ этого, въ непримиримомъ конфликтѣ съ логикой очутится тотъ, кто не сдѣлаетъ единственно возможный при настоящемъ состояніи нашихъ знаній выводъ, именно: психическій элементъ есть не что иное, какъ психофизическая эманація. Выводъ этотъ логически неизбѣженъ и не принимать его могутъ только тѣ, кто не считается либо съ логикой, либо съ фактами.

Однако, я не хочу вовсе сказать, что это—конечная стадія вопроса и что чисто-физическое констатированіе эманаціи въ данномъ случаѣ намъ вовсе не нужно; наоборотъ, я глубоко убѣжденъ, что именно физическія изслѣдованія въ этой области на ряду съ психологическими могутъ значительно двинуть дѣло впередъ. Но я утверждаю, что фактъ существованія описанной мною психофизической эманаціи не можетъ въ виду

---

[1]) За исключеніемъ одного—прохожденія психофизическаго элемента по металлическому проводнику.

всего изложеннаго подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; фактъ этотъ стоитъ въ виду данныхъ опыта такъ прочно, что, если даже электроскопическое изслѣдованіе, въ концѣ-концовъ, не обнаружило бы въ «запечатлѣнной» бумагѣ никакихъ слѣдовъ радіоактивной эманаціи, то это могло бы говорить только о недостаточной чувствительности или, можетъ быть, непригодности современныхъ электрометровъ въ примѣненіи къ особенно нѣжной психофизической эманаціи, но ни въ коемъ случаѣ не могло бы поколебать прочности самого факта существованія названной эманаціи [1]).

И это еще вотъ почему. Оставляя даже въ сторонѣ всякій анализъ и всѣ теоретическія соображенія, возьмемъ основной фактъ самъ по себѣ: пустая «запечатлѣнная» бумажка передаетъ цѣлый рядъ представленій (даже черезъ проволоку)—слѣдовательно, она содержитъ въ себѣ какую-то энергію. Какая-же это можетъ быть энергія? Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ формъ энергіи

---

1) Въ подтвержденіе этого умѣстно привести слѣдующія соображенія Rutherford'a: „Тотъ фактъ, что α—частицы, какъ это показываютъ экспериментальныя наблюденія, перестаютъ дѣйствовать на фотографическую пластинку и перестаютъ іонизировать газъ, когда скорость ихъ падаетъ до 8×10^8 сантим. въ секунду, имѣетъ огромное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что α—частицы, выбрасываемыя матеріей съ еще меньшей скоростью (чѣмъ приведенная), должны вызывать очень слабый электрическій эффектъ, а можетъ быть и совсѣмъ его не вызываютъ. Поэтому вовсе не невѣроятно, что так. наз. радіоактивныя субстанціи отличаются отъ обыкновенной матеріи главнымъ образомъ своей способностью выбрасывать α—частицы со скоростью больше той, которую нужно считать критической. Обыкновенная матерія, которая обнаруживаетъ очень слабое іонизирующее вліяніе, выбрасываетъ, быть можетъ, такое же количество α—частицъ, какъ и ураній; но всетаки трудно будетъ констатировать наличность этихъ частицъ, если ихъ начальная скорость ниже критической (т.-е. ниже 8×10^8 сантим. въ сек.)“. E. Rutherford. Radioactive Umwandlungen, s. 275.

Отсюда ясно, что отрицательные результаты электроскопическаго изслѣдованія не могутъ еще служить надежнымъ доказательствомъ отсутствія радіоактивности тамъ, гдѣ въ пользу послѣдней говорятъ вѣскіе факты и соображенія.

только одна есть такая, которая въ состояніи переходить на посторонніе предметы, сохраняться въ нихъ, быть переносимой въ другое мѣсто и не терять при этомъ своей активности—это именно радіоактивная эманація; всѣ другія извѣстныя намъ формы энергіи—электричество, теплота, магнетизмъ и проч.—такими инертными физическими свойствами не обладаютъ; ясно, что изслѣдуемая энергія можетъ быть только эманаціей и ничѣмъ инымъ. Выводъ этотъ также ясенъ и неизбѣженъ, какъ въ школьномъ силлогизмѣ: всѣ люди—смертны, я—человѣкъ, слѣдовательно, я—смертенъ.—Прошу у читателя извиненія за эти общія разсужденія, которыя въ виду упомянутыхъ возраженій я счелъ неизбѣжными.

Итакъ, эманація психофизической энергіи—вотъ этотъ таинственный агентъ, который своимъ вмѣшательствомъ вызываетъ цѣлый рядъ необъяснимыхъ психическихъ явленій, приводя въ смущеніе однихъ и наводя благоговѣйный трепетъ на другихъ; вотъ—этотъ таинственный агентъ, который создалъ цѣлый рядъ суевѣрій, начиная отъ средневѣковой вѣры въ колдовство и кончая современнымъ спиритизмомъ съ его вѣрой въ «духовъ», общеніе съ загробнымъ міромъ и прочую дребедень; вотъ—этотъ таинственный агентъ, который до сихъ поръ ускользалъ отъ пытливаго взора изслѣдователя и вносилъ въ то же время такой сумбуръ въ наблюденіе психологическихъ явленій, что научная разработка послѣднихъ была чрезвычайно затруднена—вѣдь, современную психологію, по справедливому признанію Джемса, нельзя даже считать наукой!

Открытіе психофизической эманаціи даетъ возможность объяснить теперь цѣлый рядъ необъяснимыхъ до сихъ поръ, такъ-называемыхъ, «оккультныхъ» явленій и въ то же время вызываетъ рядъ новыхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ должно составить ближайшую задачу дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Къ числу такихъ, стоящихъ теперь на очереди вопросовъ, относится, напр., вопросъ о сложности психофизической эманаціи. Выше мы видѣли, что физики счи-

тают эманацію газомъ, состоящимъ изъ мельчайшихъ частицъ, медленно диффундирующихъ въ окружающее пространство; но для насъ уже теперь ясно, что частицы психофизической эманаціи должны быть сложнаго состава, или что сама эта эманація должна состоять изъ сложной комбинаціи мельчайшихъ частицъ: иначе мы не можемъ себѣ объяснить того обстоятельства, что эта осаждающаяся на бумагѣ и пропитывающая ее психофизическая эманація, переходя къ другому лицу, вызываетъ въ его мозгу цѣлый рядъ самыхъ сложныхъ образовъ и представленій. Надо, слѣдовательно, допустить, что частицы психофизической эманаціи и ея активнаго осадка состоятъ изъ сложной комбинаціи простѣйшихъ психофизическихъ элементовъ, которые мы могли бы назвать психофизическими атомами или, согласно новѣйшимъ воззрѣніямъ, психофизическими электронами.

Идя далѣе по этому пути, мы на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя черпаемъ у физиковъ о природѣ α — и β—лучей и объ отношеніи послѣднихъ къ радіоактивной эманаціи, вправѣ высказать нѣкоторыя предположенія о психическихъ свойствахъ мозговыхъ лучей. Именно. Выше мы оставили открытымъ вопросъ о мозговыхъ лучахъ, указавъ лишь на возможность ихъ тождественности съ α—и β—лучами любой радіоактивной субстанціи. Теперь мы вправѣ пойти дальше и сказать, что, если-бы эта тождественность могла быть доказана тѣмъ или инымъ путемъ, то вопросъ о психическихъ свойствахъ мозговыхъ лучей долженъ былъ-бы быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ—и это по слѣдующимъ соображеніямъ.

Физическія изслѣдованія надъ радіоактивностью доказываютъ, что α—и β—лучи состоятъ изъ тѣхъ-же или такихъ-же самыхъ частицъ-электроновъ, какъ и эманація,—съ тою лишь разницей, что потоки электроновъ въ лучахъ обладаютъ огромной скоростью, приближающейся къ скорости свѣта (т.-е. около 300,000 километровъ въ секунду), тогда какъ электроны эманаціи обладаютъ значительной инертностью и медленно диффундируютъ черезъ воздухъ. Если это такъ, то и мозговые лучи должны состоять изъ тѣхъ-же психофизическихъ электроновъ, которые образуютъ психофизическую эманацію; а въ такомъ случаѣ и мозговые лучи должны обладать такими-же психическими свойствами, какъ и упомянутая эманація, т.-е. должны обусловливать появленіе въ нашемъ мозгу опредѣленныхъ представленій и, слѣдовательно, быть передатчиками мыслей.

Однако, экспериментальныя наблюденія этому противорѣчатъ: мы видѣли, что мысли передаются черезъ воздухъ сравнительно медленно и на незначительное разстояніе. Изъ этого обстоятельства можно сдѣлать два противоположныхъ вывода: либо мозговые лучи не тождественны съ α—и β —лучами и, слѣдов., не состоятъ изъ психофизическихъ электроновъ; либо они тождественны, но психофизическіе электроны мозговыхъ лучей обладаютъ почему-то слабою активностью въ психическомъ отношеніи, а потому и передача мыслей на большія разстоянія случается слишкомъ рѣдко для того, чтобы ее можно было экспериментально доказать.

Я лично склоняюсь къ послѣднему предположенію, по слѣд. причинѣ: вѣдь, для того, чтобы какое-нибудь—даже самое простое—представленіе передалось, необходима опредѣленная комбинація цѣлаго ряда электроновъ, которые въ этомъ комбинированномъ состояніи и въ прочномъ сцѣпленіи другъ съ другомъ должны покинуть мозгъ агента и въ такомъ-же видѣ войти въ мозгъ перципіента; иными словами, необходима извѣстная устойчивость той электронной комбинаціи или того электроннаго образованія, которое является носителемъ опредѣленныхъ представленій.

Вполнѣ понятно, что эта устойчивость болѣе присуща медленно диффундирующей эманаціи электроновъ, чѣмъ выбрасываемымъ со скоростью свѣта потокамъ электроновъ; вполнѣ возможно, что въ томъ стремительномъ водоворотѣ электроновъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ мозговыхъ лучахъ, происходитъ разрушеніе или рас-

паденіе тѣхъ электронныхъ сцѣпленій и образованій, которыя являются носителями опредѣленныхъ представленій; вотъ почему, слѣдовательно, психофизическая эманація можетъ отличаться легко-доказуемыми психическими свойствами, а мозговые лучи этихъ свойствъ своихъ обнаруживать не могутъ.

Помимо только что изложенныхъ теоретическихъ соображеній, существуютъ еще нѣкоторыя фактическія указанія, которыя также не позволяютъ совершенно отрицать за мозговыми лучами психическія свойства. Дѣло въ томъ, что, если до сихъ поръ и не удавалось производить экспериментальныхъ наблюденій надъ передачей мыслей на большія разстоянія, то нельзя все-таки совершенно игнорировать многократно сообщаемые—и часто вполнѣ заслуживающими довѣрія лицами—случаи непроизвольной телепатіи, обнаруживающейся иногда на огромномъ разстояніи; быть можетъ, въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ рѣдкимъ стеченіемъ обстоятельствъ, когда мозговые лучи, несмотря на свою колоссальную скорость, сохраняютъ въ устойчивомъ видѣ тѣ комбинаціи и сцѣпленія электроновъ, которыя возникли въ высылающемъ ихъ мозгу.

Понятно, только тщательно организованные эксперименты могутъ правильно рѣшить этотъ вопросъ, практическая и теоретическая важность котораго очевидна всякому.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заканчивая свою работу, я позволю себѣ указать на тѣ общіе выводы, которые можно сдѣлать изъ факта существованія и изъ свойствъ психофизической эманаціи.

Прежде всего, тотъ фактъ, что въ моихъ опытахъ бумага, «запечатлѣнная» лицами разнаго пола и возраста, неизмѣнно передавала перципіенту задуманныя представленія, т.-е. содержала въ себѣ психофизическую эманацію, указываетъ на то, что мышленіе всякаго лица неизмѣнно сопровождается выдѣленіемъ названной эманаціи. Слѣдовательно, надо полагать, что въ хорошо населенныхъ пунктахъ, крупныхъ культурныхъ центрахъ и вообще въ мѣстахъ большого скопленія людей психофизическая эманація выдѣляется въ такомъ огромномъ количествѣ, что она, вѣроятно, пропитываетъ собою всякую вещь и насыщаетъ весь воздухъ.

Но вопросъ о томъ, проникаетъ-ли постоянно эта эманація въ нашъ мозгъ и вліяетъ-ли она на содержаніе нашихъ текущихъ идей, приходится рѣшать разно. Читатель помнитъ, что рядъ опытовъ, поставленныхъ мною надъ барышней, обладавшей графическимъ автоматизмомъ истерическаго характера, привелъ къ заключенію, что для проникновенія психофизической энергіи въ мозгъ другого лица, послѣднее должно обладать какими-то свойствами, въ силу которыхъ тѣло его становится проницаемымъ для названной энергіи; каковы эти свойства и какого они характера—анатомическаго или психо-физіологическаго, это намъ пока неизвѣстно. Вслѣдствіе этого мы и не въ состояніи сейчасъ рѣшить въ окончательной формѣ вопросъ о характерѣ и степени вліянія на-

сыщающей воздухъ психофизической эманаціи на содержаніе нашего сознанія.

Но во всякомъ случаѣ, если не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые субъекты, такъ наз. медіумы-перципіенты—находятся постоянно подъ непосредственнымъ, хотя подчасъ и неуловимымъ, вліяніемъ психики окружающихъ и, такъ сказать, постоянно нивеллируются ими, теряя, быть можетъ, свою индивидуальность, то мы имѣемъ въ вышеупомянутыхъ опытахъ основаніе также думать, что «нормальные люди» защищены своими природными свойствами или особыми психо-физіологическими приспособленіями отъ непосредственнаго вліянія чужой психики; въ силу этого они, будучи при обыкновенныхъ условіяхъ какъ-бы окружены непроницаемой для посторонней психофизической эманаціи психической оболочкой, въ состояніи сохранить свою психическую индивидуальность. [1]).

Однако, многіе факты указываютъ на то, что психофизическая эманація, играя по вышеизложеннымъ сообра-

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія интересна работа, опубликованная недавно однимъ англійскимъ врачемъ—W. Kilner. The human atmosphere. London. 1911.

Въ этой работѣ авторъ на основаніи ряда опытовъ, произведенныхъ имъ надъ здоровыми и больными людьми, утверждаетъ, что человѣческій организмъ окруженъ особой атмосферой или аурой; послѣдняя обнаруживаетъ различныя особенности при нѣкоторыхъ нервныхъ заболѣваніяхъ (напр. истеріи), и ее, по словамъ автора, можно видѣть съ помощью изобрѣтенныхъ имъ химическихъ экрановъ, содержащихъ окрашенные растворы диціанина.—Заинтересовавшись этими наблюденіями, я выписалъ отъ автора необходимые экраны и поставилъ рядъ опытовъ при соблюденіи всѣхъ указанныхъ имъ условій; но, къ сожалѣнію, всѣ мои наблюденія дали отрицательный результатъ—съ помощью экрановъ Kilner'а мнѣ ничего не удалось видѣть. Такіе-же отрицательные результаты получили и два французскихъ изслѣдователя De-Rochas и G. de Fontenay, которымъ также не удалось видѣть того, что описываетъ англійскій авторъ.

Трудно сейчасъ сказать, насколько работа Kilner'a является вкладомъ въ молодую пока науку о сверхчувственныхъ психическихъ явленіяхъ; во всякомъ случаѣ она носитъ вполнѣ научный характеръ, и жаль, что контрольныя изслѣдованія до сихъ поръ не подтвердили наблюденій англійскаго автора.

женіямъ незамѣтную роль въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни, пріобрѣтаетъ огромное значеніе и вліяніе во всѣхъ массовыхъ движеніяхъ: тогда, вѣроятно, упомянутыя выше психо-физіологическія приспособленія теряютъ свою защитительную силу, тѣло становится проницаемымъ для выдѣляющейся въ огромномъ количествѣ и насыщающей воздухъ психофизической эманаціи и послѣдняя, внѣдряясь безпрепятственно въ сознаніе всѣхъ и каждаго, превращается въ настоящую психическую заразу въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Если мы при этомъ еще вспомнимъ съ одной стороны легкую и точную передачу всякаго рода эмоцій въ нашихъ опытахъ (см. стр. 112), а съ другой—очень быстрое порабощеніе людской массы разными эмоціями и огромную силу послѣднихъ въ толпѣ при совершеніи ею дѣйствій, то должны будемъ притти къ заключенію, что психологія толпы, законы подражанія и всѣ вообще загадочныя явленія массовой психики могутъ получить правильное освѣщеніе и толкованіе только съ точки зрѣнія непосредственнаго вліянія эманаціи психофизической энергіи.

Съ той-же точки зрѣнія образный и справедливый афоризмъ о томъ, что «идеи времени носятся въ воздухѣ» пріобрѣтаетъ глубокій и точный смыслъ: да, должны мы теперь сказать, идеи въ буквальномъ смыслѣ носятся въ воздухѣ и носителями ихъ являются частицы эманаціи психофизической энергіи!

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 3

I. Вступленіе 5

II. Исторія вопроса о передачѣ мыслей 19

III. Опыты автора; передача слуховыхъ представленій . . . 34

IV. О двойственности нашего сознанія; автоматическое письмо и медіумизмъ 60

V. Новые опыты автора: передача зрительныхъ представленій и эмоцій 75

VI. Ясновидѣніе и фиксація мыслей на бумагѣ 101

VII. Гипотеза психическихъ излученій и опыты автора . . . 127

VIII. Психофизическая энергія: мозговые лучи и психофизическая эманація 145

Заключеніе 165

К-во „Современныя проблемы".

Москва, Садовники, домъ № 9. Телеф. 177—14.

I. Отдѣлъ научный и научно-общественный.

М. Вилье. Женскіе клубы и легіоны амазонокъ. Цѣна 3 р.

Фредерикъ Массонъ. Томъ I. Наполеонъ и женщины. Ц. 2 р.

Т. II. Наполеонъ въ интимной жизни (печ.).

Т. III. Юность Наполеона (печ.).

Прив.-доц. В. М. Фриче. Западно-европейская литература XIX вѣка.

Т. I, Краткое содержаніе: Романтизмъ и его разложеніе. Англія, Франція, Германія, Испанія и Скандинавія. Ц. 2 р. (печ.).

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментельное изслѣдованіе. 2-ое дополненное изд. Ц. 1 25 к.

„Поразительные выводы автора открываютъ новые, въ настоящее время почти необозримые горизонты". „Marz" № 14, 1909 (Dr. Bergmahnr).

Д-ръ Карлъ Абрагамъ. Сонъ и миѳъ. Ц. 50 коп.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Леонардо да-Винчи. Ц. 50 коп.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Ц. 1 р.

„Содержаніе: Забываніе собственныхъ именъ. Забываніе иностранныхъ словъ. Забываніе именъ и словосочетаній. О воспоминаніяхъ дѣтства и о воспоминаніяхъ, служащихъ прикрытіемъ. Обмолвки. Очистки и описки. Забываніе впечатлѣній и намѣреній. Дѣйствія, совершаемыя по ошибкѣ. Симптоматическія и случайныя дѣйствія. Ошибки. Комбинированныя дефектныя дѣйствія. Детерминизъ. Вѣра въ случайности и суевѣрія. Общее замѣчаніе.

Д-ръ А. Вигуру. Психическая зараза. Съ предисловіемъ проф. Ф. Рыбакова. Цѣна 1 руб.

Проф. Эрнстъ Махъ. Принципъ сохраненія энергіи. Цѣна 30 коп.

Проф. Максъ Ферворнъ. Естествознаніе и міросозерцаніе.—Проблема жизни. (Двѣ лекціи). Цѣна 50 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Вопросъ о границахъ познанія. Цѣна 30 к.

„Достоинство брошюры—въ большомъ мастерствѣ популярнаго изложенія". („Р. Вѣд." 1909 г.).

Проф. Паоло Мантегацца. Современныя женщины. 2-е изд. 1 р.

Проф. В. Оствальдъ. Насущная потребность. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. А. Сапожникова. В. I. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. I. Боасъ. Діагностика и терапія желудочныхъ болѣзней. Т. I Ц. 2 р. 50 к. (Печ.). Т. II. (Готовится къ печати).

Проф. Гертвигъ. Учебникъ зоологіи, т. I. Переводъ подъ редакціей съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Моск. Университета Г. А. Кожевникова Ц. 1 р. 50 к. (т. II печ.).

Д-ръ I. Ф. Гейтлеръ. Электромагнитныя колебанія и волны. Перев., разрѣшен. авторомъ. Подъ редакц. и съ предисл. лаборанта Имп. Техн. учил. Б. С. Швецова. Ц. 1 р. 25 к. (въ переплетѣ). Учен. Ком. М.Н.П. признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

П. Эрлихъ и С. Хата. Экспериментальная химіотерапія спириллезныхъ заболѣваній. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Симонъ. Гигіена женщины. Перев., разрѣш. авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Университета Н. И. Побѣдинскаго. Ц. 2 р.

И. Ремсенъ. Неорганическая химія. Самостоятельная обработка проф. К. Зейберга. Подъ редакц. проф. Имп. Техн. Училища Н. А. Шилова. (печ.).

Для родителей и педагоговъ.

Проф. Оппенгеймъ. Воспитаніе и нервное страданіе дѣтей. Ц. 30 к.

„Докладъ заслуживаетъ широкаго вниманія интеллигентныхъ родителей". (Дръ. Капланъ).

Марія Лишневская. Половое воспитаніе дѣтей. 2-е изд. Ц. 30 к.

„Брошюра Маріи Лишневской можетъ сослужить всему человѣчеству громадную пользу". („Утро Россіи").

Элленъ Кей. Мать и дитя. Цѣна 30 к.

„Небольшую работу Элленъ Кей мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей. Брошюра написана сжато, конспективно, но очень живо и ярко. Перев. сдѣланъ хорошимъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ. („Рѣчь", 13 окт. 1908 г.)

Проф. А. фонъ-Штрюмпель. Нервность и воспитаніе. Переводъ, разрѣшенный авторомъ. Цѣна 30 к.

Д-ръ Л. Левенфельдъ. О сексуальной конституціи и другихъ сексуальныхъ проблемахъ.

Проф. Францъ фонъ-Винель. Общая гинекологія. Переводъ, разрѣшенный авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Университета Н. И. Побѣдинскаго. Цѣна 3 р., въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Д-ръ С. Рабовъ. Проф. Лозаннскаго Ун. Карманная рецептура и фармокопея. 3-е изд. Ц. 1 р. въ (переплетѣ).

Проф. МАКСЪ ФЕРВОРНЪ.

Докторъ медицины и философіи, профессоръ физіологіи и директоръ физіологическаго института Геттингенскаго университета.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Моск. У-та Г. А. Кожевникова.

Томъ I. **ОБЩАЯ ФИЗІОЛОГІЯ.** Основы ученія о жизни. Выпускъ первый. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Томъ II. **ОБЩАЯ ФИЗІОЛОГІЯ.** Выпускъ второй. Ц. 3 р., въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Томъ III. **ОБЩАЯ ФИЗІОЛОГІЯ.** Выпускъ третій.

„Внимательно прочитавшій „Общую физіологію" читатель обогатитъ себя громаднымъ запасомъ фактическихъ знаній, которыя будутъ восприняты постепенно, безъ особаго труда, не смотря на то, что многіе затронутые вопросы весьма сложны". (Изъ предисловія проф. Г. А. Кожевникова).

Томъ IV. **РѢЧИ и СТАТЬИ.**

Содержаніе: Предисловіе. Естествознаніе и міросозерцаніе. Принципіальные вопросы въ естествознаніи. Механика душевной жизни. Вопросъ о границахъ искусства. Проблемы жизни. Задачи физіологическаго преподаванія. 328 стр. Ц. 2 руб.

„Ферворнъ, физіологъ по спеціальности, послѣдніе годы тяготѣетъ къ двумъ философскимъ дисциплинамъ: эстетикѣ и теоріи познанія. Въ эстетикѣ онъ принадлежитъ къ этнографической школѣ и занимается главнымъ образомъ вопросами первобытнаго искусства и творчества. Въ теоріи познанія онъ стремится въ духѣ Маха примирить естествознаніе съ психологіей. Весь сборникъ, написанный съ обычнымъ для этого блестящаго популяризатора мастерствомъ, распадается на три отдѣла, статьи по общей и частной физіологіи, по теоріи познанія и по эстетикѣ.

Къ первому отдѣлу относятся статьи: „Механика душевной жизни", „Проблема жизни" и „Задачи физіологическаго преподаванія". Въ „Механикѣ душевной жизни" Ферворнъ старается сдѣлать въ общихъ чертахъ понятными для широкаго круга лицъ современныя воззрѣнія на физіологическіе процессы, происходящіе при явленіяхъ душевной жизни. Особенно полезны общедоступное, ясное изложеніе теоріи нейроновъ, главы о снѣ и гипнотизмѣ". „Проблема жизни" имѣютъ цѣлью показать, что изъ разсмотрѣнія жизненныхъ явленій нужно удалить неопредѣленное понятіе причинности и изучать жизнь лишь съ точки зрѣнія условнаго метода, т.-е. изучать закономѣрность взаимной зависимости процессовъ. Въ „Задачахъ физіологическаго преподаванія" Ферворнъ признаетъ,—что весьма знаменательно для спеціалиста физіолога,—невозможность для физіологіи обойтись безъ психологическихъ данныхъ и терминовъ. Но несомнѣнно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ область, отвоеванная физіологіей у психологіи. Къ гносеологическому отдѣлу относятся статьи: „Вопросъ о границахъ познанія", „Естествознаніе и міросозерцаніе", „Принципіальные вопросы въ естествознаніи". Общая ихъ мысль такова: Ферворнъ настаиваетъ на условномъ пониманіи міра, согласно которому въ научномъ изслѣдованіи слѣдуетъ устранить понятія „причинности" и „силы" и замѣнить ихъ простымъ описаніемъ послѣдовательности явленій. Проблема сознанія и проблема матеріи границы познанія, которыя Дюбуа-Рей-

монъ объявилъ непреходимыми, пріобрѣтаютъ тогда иной видъ, и принципіальная возможность познанія оказывается столь же безпредѣльный, какъ и вселенная. Къ послѣднему отдѣлу относятся статьи: „Зачатки искусства“ и „Къ психологіи первобытнаго искусства“. Вопросъ объ искусствѣ разработанъ Ферворномъ путемъ естественно-историческаго метода: рисунки дѣтей, живопись и издѣлія первобытныхъ народовъ и ископаемаго человѣка сопоставлены имъ съ генетической точки зрѣнія. Обѣ статьи богато иллюстрированы. Статьи Ферворна всѣми прочтутся съ большимъ интересомъ и пользою. Переведена и издана книга хорошо“.

(„Русскія Вѣдомости“) Н. С—овъ.

Томъ V печатается.

II. Отдѣлъ Художественной критики.

В. Ѳ. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Съ предисловіемъ прив.-доц. Моск. Ун. П. Н. Сакулина. Ц. 1 р. 50 к.

Фридрихъ Куммеръ. О смѣнѣ литературныхъ поколѣній и литературн. кумировъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. П. С. Когана. Ц. 25 к.

В. М. Фриче. Отъ Чернышевскаго къ «Вѣхамъ». Цѣна 40 к.

В. М. Фриче. Торжество пола и гибель цивилизаціи. (По поводу книги Вейнингера «Полъ и характеръ»). Цѣна 55 к.

Людвигъ Зерингъ. Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. Цѣна 60 коп.

Метерлинкъ, какъ философъ внутренней жизни.--Міросозерцаніе Метерлинка.—Стихотворенія и первыя драмы.—Драмы философа жизни.—Метерлинкъ, какъ теоретикъ искусства.

«Книга Зеринга прочтется съ большимъ интересомъ русскими поклонниками Метерлинка, тѣмъ болѣе, что наша критическая литература онемъ совсѣмъ не велика». («Одесское Обозрѣніе»).

Гальфданъ Лангардъ. Оскаръ Уайльдъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. 2-ое изданіе. Цѣна 40 к.

Германъ Эссвейнъ. Августъ Стриндбергъ. Опытъ психологической характеристики. Цѣна 40 к.

«Критическій очеркъ Эссвейна можетъ быть прочитанъ съ пользою всѣми, кто интересуется эволюціей творчества Стриндберга». («Русскія Вѣдомости»).

Ю. Бабъ. Бернаръ. Шоу, какъ писатель и художникъ. Цѣна оп.

Эдуардъ Замакоисъ. Бласко Ибаньесъ. Критическій очеркъ. Цѣна 50 коп.

Л. Левенфельдъ. Германъ Бангъ. Критическ. очеркъ Ц. 30 к.

Михаилъ Тригоринъ. Проблема пола и «Санинъ» Арцыбашева. 2-ое изданіе. Цѣна 35 коп.

„Нашумѣвшій романъ Арцыбашева возбудилъ всеобщее вниманіе русскаго общества. Въ предлагаемой книжкѣ авторъ разсматриваетъ его, какъ одну изъ попытокъ разрѣшенія полового вопроса, и наглядно доказываетъ полнѣйшую ея неудачу».

III. Отдѣлъ Художественной литературы.

Артуръ Шницлеръ. Юный Медардъ. Цѣна 1 руб.

Анри Бернштейнъ. Когда меня не станетъ. Цѣна 50 коп.

М. Ленгіель. Тайфунъ. Цѣна 50 коп.

Я. Гординъ. Убой. Цѣна 50 коп.

М. Бродскій. Жить надо (разсказы). Ц. 1 руб.

Западные Сборники. Книга первая.

Содержаніе: Томасъ Маннъ, Gladius Dei. Гансъ фонъ Калинбергъ, Горбунъ. Гуго Фонъ Гофмансталь, Сказка. Яковъ Вассерманъ, Старикъ. Петеръ Альтенбергъ, Революціонеръ. Феликсъ Голлендеръ, Пріемышъ. Іоганнъ Шлафъ, Другая. Цѣна 1 руб.

Западные Сборники. Книга вторая.

Содержаніе: Клара Фибихъ. Святой. Яковъ Вассерманъ, Королева Іоанна Кастильская. Георгъ Гиршфельдъ, Въ чужихъ рукахъ. Гергартъ Гауптманъ, Изъ путешествія въ Грецію. Іоганнесъ Іензенъ, Луизонъ. Томасъ Маннъ, Женщина. Э. фонъ-Кейзерлингъ, Деревня. Зигфридъ Требичъ, Конецъ свѣта. Цѣна 1 руб.

Германъ Зудерманъ. Розы. Тетралогія.

Содержаніе: Лучи солнца. Марго. Прощальный визитъ. Принцесса. Цѣна 1 руб.

„Библіотека современныхъ проблемъ“.

При ближайшемъ участіи **Ю. И. Айхенвальда, Ю. А. Веселовскаго, П. С. Когана, Л. Козловскаго, и В. М. Фриче.**

Книга I. **Германъ Гессе.** Петеръ Каменциндъ. Романъ. Переводъ съ 50-го нѣм. изд. съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 руб.

Книга II. **Колетта Иверъ.** Королевы науки. Романъ. Съ критическимъ очеркомъ П. С. Когана. Перев. съ 34-го франц. изд. Ц. 1 р. 50 коп.

„Прекрасный романъ Колетты Иверъ о страданіяхъ боровшейся и побѣжденной женщины-личности—новый документъ, свидѣтельствующій о безсиліи современнаго общества разрѣшить стоящія передъ нимъ проблемы“.

Изъ предисловія Когана.

„Романъ читается съ интересомъ и отвѣчаетъ на нѣкоторые вопросы современности“.

(„Утро Россіи“, 1910, № 108).

Книга III. **Ж. Рони.** Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга IV. **Пьеръ Милль.** Пробужденіе души. Съ крит. очеркомъ Л. Козловскаго. Цѣна 1 р.

Книга V. **Анри де-Ренье.** Полуночная свадьба. Романъ. Съ крит. очеркомъ. Ю. А. Веселовскаго. Цѣна 1 р.

К. ВАЛИШЕВСКІЙ.

Происхожденіе современной Россіи.

Т. I. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

Краткое содержаніе: Страна и населеніе. Политическая и соціальная жизнь. Умственная жизнь. Нравы. Первый русскій царь. Первыя преобразованія. Движеніе на Востокъ. Взятіе Казани. Завоеваніе Ливоніи. Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ. Идейная и политическая эволюція. Опричнина. Англоманія Грознаго. Иванъ и Елизавета. Польское нашествіе. Баторій. Потеря Ливоніи. Римъ и Москва. Покореніе Сибири. Ермакъ. Дворъ и интимная жизнь Ивана. Домашняя жизнь Ивана. Семья царя. Личность Грознаго и его дѣло. Смерть Ивана. Характеръ и темпераментъ Грознаго. Познанія и умъ Грознаго. Идеи и чувствованія Ивана. Итоги царствованія.

Цѣна 3 руб., въ полукож. переплетѣ 4 руб.

Т. II. ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ.

Краткое содержаніе: Основаніе династіи. Михаилъ Ѳеодоровичъ. Отецъ Петра Великаго. Царь и патріахъ Никонъ. Разрывъ. Борьба. Процессъ патріарха. Ссылка. Возмущеніе Стеньки Разина. Внутренняя политика Алексѣя. Внѣшняя политика. Польско-русская Украйна. Конфликтъ. Вмѣшательство Москвы. Раздѣлъ. Интеллектуальная эволюція. Расколъ. Моральный кризисъ. Второй Романовъ и его наслѣдіе. Темпераментъ и характеръ Алексѣя. Его умъ. Его сердце. Его окружающіе. Его наслѣдіе. Восшествіе Ѳедора. Конецъ Никона. Правленіе фаворитовъ. Первый ударъ заступомъ. Общій взглядъ.

Цѣна 3 руб., въ полукожан. переплетѣ 4 руб.

Т. III. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Краткое содержаніе: Кремль и нѣмецкая слобода. Царевна Софья. Внѣшняя жизнь. Сотрудники, друзья и фавориты. Женщины. Екатерина. Новый строй. Уничтоженіе стрѣлецкаго войска. Нравственное преобразованіе. Интеллектуальная жизнь. Церковная реформа. Уничтоженіе патріаршества. Соціальная реформа. Экономическая дѣятельность. Политическая дѣятельность. Оппозиція. Царевичъ Алексѣй.

Цѣна 3 р. 50 к., въ переплетѣ—4 р. 50 к.

Т. IV. **ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА**. Ц. 3 р,, въ пер. 4 р.
Т. V. **ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА**. Ц. 3 р., въ пер. 4 р.
Т. VI. **РОМАНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ.** (Печ.).
Т. VII. **ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.** (Печ.).
Т. VIII. (Печ.).

ЭДУАРДЪ ФУКСЪ.

ИСТОРІЯ НРАВОВЪ. Томъ I. (Эпоха возрожденія). Цѣна 3 руб.

ЕГО ЖЕ. Роскошно иллюстрированное изд. Около 400 иллюстрацій на отдѣльныхъ таблицахъ состоящихъ изъ рѣдкихъ документовъ по исторіи нравовъ и искусства. Цѣна 6 руб.

Въ роскошномъ переплетѣ 7 руб.

Содержаніе перваго тома:

Предисловіе автора къ русскому изданію.

I. **Происхожденіе и сущность нравственности.** Происхожденіе и основа единобрачія.—Измѣнчивость половой морали.—Законы этихъ измѣненій.—Выводъ относительно будущаго.—Планъ изслѣдованія.

II. **Идеалъ физической красоты Ренессанса.** Сущность Ренессанса.—Происхожденіе идеала красоты.—Культъ физической красоты.—Отношеніе къ наготѣ.—Сущность модъ эпохи Ренессанса.

III. **Любовь и бракъ.** Основной характеръ любви.—Развитіе индивидуальной половой любви.—Чувственное представленіе о любви.—Добрачное половое общеніе.—Обычай пробныхъ ночей.—Формы взаимнаго ухаживанія.—Бракъ и вѣрность.—Супружеская невѣрность.—Свободное половое общеніе и нравственная испорченность.—Употребленіе пояса цѣломудрія.

IV. **Нравственность церкви.** Церковь въ эпоху Ренессанса.—Экономическая основа могущества церкви.—Безбрачіе.—Пороки монашества.—Злоупотребленіе исповѣдью.

V. **Проституція.** Проституція, какъ оффиціальное средство обороны. Размѣры проституціи.—Солдатская дѣвка.—Сутенеры и сводни.—Отношеніе къ проституціи отдѣльныхъ классовъ общества.—La grande Coqotte Ренессанса.—Способы привлеченія вниманія, практиковавшіеся проститутками.—Проститутка въ искусствѣ.—Регламентація проституціи.—Борьба противъ проституціи.—Сифилисъ.

VI. **Общественныя развлеченія.** Прядильня.—Жизнь въ баняхъ.—Курорты.—Игры и танцы.—Праздники и празднества.—Масляничныя игры.—Мистеріи и театръ.—Свадебное торжество и свадебные обряды.—Частныя развлеченія.

VII. **Сексуальная патологія.** Историческія причины вѣры въ вѣдьмъ.—Эротическая подкладка преслѣдованія вѣдьмъ.—Оргія содержимыхъ.

Собранія сочиненій.

Германа Банга.
Піо Бароха.
Бьернстьерне-Бьернсона.
Якова Вассермана.
Томаса Гарди.
Карла Гауптмана.
Густава афъ-Гейерстама.
Жориса-Карла Гюисманса.
Бласко Ибаньеса.
Маріи Конопницкой.
Генриха Манна.
Томаса Манна.
Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ.
Джоржа Мередита.
Леона Переца.
Владислава Реймонта.
Отто Рунга.
Михаила Сивачева
Августа Стриндберга.
Проф. Макса Ферворна.
Антоніо Фогаццаро.
Александра Ширванзадэ.
Шоломъ Алейхема.
Бернара Шоу.
Жоржа Экоута.

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“. МОСКВА.

ГЕНРИХЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	Діана. Романъ. Переводъ и предисловіе приватъ-доцента В. М. Фриче. 3-е изданіе	1.—
2	Минерва. Ром. 2-е изд. . . .	1.—
3	Венера. Ром. 2-е изд.	1.—
4	1) Мелкій бѣсъ. Романъ. 2) Мнаисъ и Дженевра. Новел.	1.—
5	Въ погонѣ за любовью. Романъ.	1.50
6	1) Чудесное. 2) Актриса . . .	1.—
7	Ром. изъ жизни свѣтск. людей.	1.50
8	Мечты и жизнь. Ром. ч. I-я . .	1.25
9	Мечты и жизнь Ром. ч. II. . .	1.25
10	(печат.)	—

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Богда съ чувствомъ стыда мы отрываемся отъ восхищенія старыми образцами искусства и посмотримъ на его (Манна) книги, въ насъ рождается надежда, что и мы будемъ вѣчно жить въ гордыхъ созданіяхъ искусства“.

Гансъ Бранденбургъ.

МИХАИЛЪ СИВАЧЕВЪ.

Собраніе сочиненій.

ТОМА		ЦѢНА
1	Прокрустово ложе. (Записки литературн. Макара). Кн. 1-я .	1.—
2	Прокрустово ложе. Кн. 2-я . .	1.—
3	Цвѣты земли и неба. (печ.). .	1.—

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Въ этой книгѣ разсказана исторія жизни и мысли, — исторія исканій, житейскихъ и литературныхъ, большого литератора изъ рабочихъ, представляющая громадный общественный интересъ“.

„Рус. Вѣд.“. Нояб. 1910 г. № 263.

ШОЛОМЪ-АЛЕЙХЕМЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ

Переводъ съ еврейскаго, разрешен. авторомъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	Дѣти „черты“. Кн. пер. 2-е изд.	1.—
2	Дѣти „черты“. Кн. втор. 2-е изд.	1.—
3	Маленькіе люди. 2-е изд. . . .	1.—
4	Записки коммивояжера. . . .	1.—
5	Неунывающіе	1.—
6	Похожденіе неудачника. . . .	1.—

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Въ книгѣ Шоломъ-Алейхема найдется много весьма поучительнаго, краснорѣчиваго во многихъ отношеніяхъ,—новаго для нашей публики“. *Юрій Веселовскій.*

БЕРНАРЪ ШОУ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	1) Справочникъ Разрушителя .	
	2) Цезарь и Клеопатра . . .	1.—
2	Человѣкъ и Свѣрхчеловѣкъ. .	1.25
3	1) Сила женщины	
	2) Врачъ на распутьѣ	1.—
4	Неразумный бракъ. Романъ. .	1.50
5	Очерки	1.50
6	Солдатъ изъ арміи спасенія. .	1.—
7	Карьера одного борца	1.50
8	У жертвенника искусства. Ром.	1.—

ОТЗЫВЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

„Весьма талантливый интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемѣріе современнаго общества“.

МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	На нормандскомъ берегу . . .	1.—
2	Мендель Гданскій и др. . . .	1.—
3	Милосердіе общины и др. . .	1.—

„Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его геніальнымъ, и онъ безъ сомнѣнія достигъ геніальности и больше чѣмъ у кого либо.

Она была могучей и въ настоящемъ смыслѣ этого слова“.

Казиміръ Тетмайеръ.

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	Михаэль. Романъ.	1.—
2	Его превосходительство. Ром. .	1.—
3	Тине. Романъ.	1.—
4	Графиня Урнэ. Романъ	1.—
5	Погибшія мечты. Романъ . . .	1.25
6	Сестра. Романъ	1.25
7	„О любви, о счастьи и о томъ, что должно умереть	1.—
8	Четыре дьявола и др.	1.—

...„Если идти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, „о любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть“.

Современный міръ, № 11, 1907 г.

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“, МОСКВА, Садовники, 9.

БЛАСКО-ИБАНЬЕСЪ.

Полное собраніе сочиненій.
Единст. разр. автор. пер.

Т. I. **Проклятый хуторъ.** Ром. Цѣна 1 руб.

ТОМА		ЦѢНА
2	**Мертвые повелѣваютъ.** Романъ.	1.25
3	**Дикая орда.** Романъ	1.50
4	**Винный складъ.** Романъ. . . .	1.—
5	**Куртизанка Сонника.** Романъ. .	1.—
6	**Въ апельсин. садахъ.** Романъ .	1.—
7	**Толедскій соборъ.** Романъ . .	1.—
8	**Майскій цвѣтокъ.** Романъ. . .	1.—
9	**Дѣтоубійцы.** Романъ.	1.—
10	**Осужденная.** Разсказы	1.—
11	**Луна Бенаморъ.** Романъ. **Печальная весна** и др.	1.—
12	**Обнаженная.** Романъ.	1.50
13	**Безшабашная жизнь.** Романъ. .	1.50
14	**Востокъ.**	1.50
15	**Кровавая арена.** Романъ . . .	1.50

Изъ отзывовъ печати.

... Не задумываясь, мы признаемъ за литературной дѣятельностью Ибаньеса большое общественное и художественное значеніе и отводимъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ испанскихъ беллетристовъ... (Проф. **Шепелевичъ**).

ШО БАРОХА.

Полное собраніе сочиненіи.
Единственный разрѣшен. авторомъ перев.

ТОМА		ЦѢНА
1	**Путь къ совершенству.** Романъ.	1.25
2	**Красная заря.** Романъ	1.50

ЛЕОНЪ ПЕРЕЦЪ.

Полное собраніе сочиненій.
Единственный разр. авторомъ переводъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	**Изъ устъ народа**	1.—
2	**Сказанія вѣрующаго**	1.—
3	**Время.** (печ.)	
4	**Адамъ и Ева.** (печ.).	

Изъ отзывовъ печати.

„Своеобразно направляетъ авторъ свое творчество. Онъ и символистъ, и реалистъ и романтикъ, и публицистъ, тѣмъ не менѣе всюду видна глубокая любовь съ своему народу, страданія и жизнерадост. душу котораго онъ изображ. съ чуткостью тонкаго психолога, изучившаго мелчайшія проявленія человѣческой души“. **М. З. (Волынь).**

МЕНДЕЛЕ-МОЙХЕРЪ-СФОРИМЪ.

Полное собраніе сочиненій.

ТОМА		ЦѢНА
1	**Въ долинѣ плача.** Романъ. Ч. I.	1.—
2	**Въ долинѣ плача.** Романъ. Ч. II.	1.—

ВЛАДИСЛАВЪ РЕЙМОНТЪ.

Полное собраніе сочиненій
Единственный разрѣшен. автор. переводъ.

ТОМА		ЦѢНА
1	**Мужики.** Часть I и II. Романъ .	1.50
2	**Мужики.** Часть III. Романъ. . .	1.—
3	**Мужики.** Часть IV. Романъ. . .	1.25
4	**Мечтатель** Романъ	1.—
5	**Земля обѣтованная.** Ром. Ч. I.	1.50
6	**Земля обѣтованная.** Ром. Ч. II.	1.50
7	**Смерть города**	1.—

„Мужики“ Реймонта, это—одно изъ самыхъ художественныхъ воплощеній „власти земли“, и русскій читатель найдетъ у польскаго писателя цѣлый рядъ картинъ къ философскимъ обобщеніямъ Глѣба Успенскаго.

Л. Козловскій.

ЯКОВЪ ВАССЕРМАНЪ.

Полн. соб. сочин. **Единст. разр. авт. перев.**

ТОМА		ЦѢНА
1	**Золотое зеркало.**	1.25
2	**Измѣна идеалу.** Романъ . . .	1.—

ЖОРЖЪ-КАРЛЪ-ГЮИСМАНСЪ.

Полное собраніе сочиненій.

ТОМА		ЦѢНА
1	**Бездна.** Романъ	1.50
2	**Изъ бездны къ небу.** Романъ .	1.—

АНТОНІО ФОГАЦЦАРО.

Собраніе сочиненій.

ТОМА		ЦѢНА
1	**„Отжившій мірокъ“**, ч. I. Ром. Съ предисл. **В. М. Фриче** . .	1.—
2	**„Отжившій мірокъ“**, ч. II. . .	

Изъ отзывовъ печати.

„Главнымъ трудомъ, прославившимъ Фогаццаро не только въ Италіи, но и по всему міру, былъ его историческій романъ „Отжившій мірокъ“. **Совр. 911. № 3.**

ОТТО РУНГЪ.

Полное собр. соч. **Единст. разр. авт. пер.**

ТОМА		ЦѢНА
2	**Вереница тѣней.** Романъ . . . **(печатается)**	1.—

Отзывы печати.

„Я считаю эту книгу „Вереница тѣней“ одной изъ наиболѣе глубокомысленныхъ, художественныхъ и прекрасныхъ книгъ новѣйшей датской литературы. Въ ней нѣтъ плоской прозрачности. но вмѣстѣ съ тѣмъ она совершенно ясна, въ ней авторъ не убѣгаетъ отъ реальнаго міра въ міръ фантазій и сказокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе все время разъигрывается вокругъ идеала. Каждая изъ выведенныхъ личностей прослѣжена до сокровеннѣйшихъ уголковъ ея души, и вмѣстѣ съ тѣмъ книга на первый взглядъ можетъ быть отнесена къ разряду легкаго чтенія она можетъ быть прочитана въ нѣсколько часовъ, но прочитавъ ее, читатель не раздѣлывается съ нею разомъ: она держитъ его.

Георгъ Брандесъ. „Tideus Tegu“.

Тип. Т/Д. «Худож. Печать» , Москва, Б. Никит., 9. Телеф. 199-26.